

ЛЕНИНГРАДСКИЙ

ПОЛК

ПЕДИАТРОВ

708

Krankenhaus

МУЖЕСТВЕННО ВЫПОЛНИТЬ
СВОИ ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ!
ПРОЦЕДУРЫ, ОПЕРАЦИИ, ЛЕЧЕНИЕ
ВРАЧЕЙ ГОРОДА В ВСТРЕЧЕНИИ ОТ ВОССТА
ДО ПОСЛЕДНЕГО ОБЪЕКТА ВОЙНЫ!

ВСЕ СИЛЫ
НА ЗАЩИТУ РОДНОГО ГОРОДА!
Ленинград врагу не отдадим,
места своей не опозорим!

ВРАГ У ВОРОТ ЛЕНИНГРАДА,
НЕ НАМЕРЯ СДАТЬ И ЖИЗНЬ

На страже здоровья
войне вопреки...

1941

1942

1943

1944

1945

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛК ПЕДИАТРОВ.

На страже здоровья
войне вопреки

Krankenhaus

УДК 616.98-053.2-07-08+578.834.1
ББК 55.142
Д38

Д38 Ленинградский полк педиатров. На страже здоровья войне вопреки / Д.О. Иванов, Г.Л. Микиртичан, И.А. Савина [и др.], ред. Д. О. Иванов, Г.Л. Микиртичан. – СПб.: СПбГПМУ, 2025. – 296 с.: ил.

ISBN 978-5-907993-08-2

Книга подробно рассказывает о деятельности Ленинградского педиатрического медицинского института в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на тяжёлые условия военного времени, институт не прекращал своей работы ни на один день. За эти годы было выпущено семь поколений врачей, активно функционировали детская клиника и госпиталь, а также продолжались научные исследования.

В условиях блокады Ленинграда сотрудники института проявили подлинное мужество. В осаждённом городе находилось более 400 тысяч детей, и многие из них выжили благодаря самоотверженному труду специалистов «объекта 708» — так институт обозначался на военных картах немецкой армии как важная стратегическая цель. Многие сотрудники и выпускники ЛПМИ вступили в ряды Красной армии, и участвовали в боевых действиях, с самоотверженностью защищая Родину. Эта книга также освещает их судьбы.

Издание включает уникальные архивные материалы: фотографии из коллекции Российской национальной библиотеки, выдержки из книг, изданных в годы блокады, воспоминания сотрудников о тех трудных временах, а также истории выпускников, участвовавших в боевых действиях, и маленьких пациентов клиники, которые проходили лечение в разгар блокады Ленинграда. Книга богато иллюстрирована снимками военных лет и предназначена для практикующих врачей различных специальностей, студентов медицинских вузов, а также для всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

УДК 616.98-053.2-07-08+578.834.1
ББК 55.142

*Издание выпущено при поддержке фонда
НОИ «Здоровые дети – будущее страны»*

Коллектив авторов:

Иванов Д.О., Микиртичан Г.Л., Савина И.А., Ляхов И.Д., Петренко Ю.В., Ляхова В.А., Бердникова Н.А., Ветрова В.И., Витов Д.Е., Победимова И.А., Титова Л.А.

ISBN 978-5-907993-08-2

© Коллектив авторов, 2025
© Иванов Д.О., Г.Л. Микиртичан, ред., 2025
© СПбГПМУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Страна готовится к обороне.....	8
Война началась!.....	11
Блокада. Организация работы института.....	17
Спасать жизни и обучать врачей, несмотря на обстрелы и голод.....	39
Помощь раненым и больным детям. Блокадные болезни	59
Материнство и младенчество в блокаду.....	75
Блокадные инфекции. Предотвращение эпидемии	85
Прорыв и снятие блокады Ленинграда. Курс на восстановление института	99
Итоги научной работы ленинградских педиатров.....	107
На передовой: воспоминания фронтовиков — выпускников ЛПМИ	123
Список сотрудников ЛПМИ — участников боевых действий в годы Великой Отечественной войны	244
Список сотрудников и студентов ЛПМИ, погибших в годы Великой Отечественной войны	251
Выпускники 1941	254
Выпускники 1945.....	266
Дети блокады	278

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна.

Юрий Воронов

ВВЕДЕНИЕ

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (в прошлом Ленинградский педиатрический медицинский институт, ЛПМИ) занимает особое место в истории медицины. Это первый в мире и единственный в России специализированный вуз, где готовят детских врачей.

В 1925 году он открылся, как Научно-практический институт (НПИ) охраны материнства и младенчества (ОММ). Здесь вели курсы по усовершенствованию врачей ОММ для всего СССР.

Несмотря на то что система здравоохранения молодой Советской республики тогда еще только строилась, педиатрии уже уделялось серьезное внимание.

В 1932 году ленинградский НПИ ОММ преобразуют в больницу-медвуз. Сюда переводят факультеты охраны материнства других учебных заведений. Объявляют первый набор студентов.

Отныне на Литовской, 2 готовят педиатров со студенческой скамьи. Нигде в мире таких вузов еще не было.

За короткий срок Институту удалось собрать высококвалифицированный коллектив — людей, глубоко преданных своему делу, ответственных, влюбленных в свою работу, способных дни и ночи проводить у постели больного ребенка.

В 1935-м больница-медвуз становится Ленинградским педиатрическим медицинским институтом (ЛПМИ). А год спустя состоялся и первый выпуск. За 5 довоенных лет ЛПМИ подготовил 540 детских врачей.

К весне 1941 года в институте трудились 37 профессоров, 88 доцентов и 160 ассистентов. Мало того, в сфере детской медицины тут сконцентрировалась научная, лечебная и организационная деятельность всей страны.

ДЕТИ — ЭТО БУДУЩЕЕ НАРОДА.

ОТСТОЯТЬ РЕБЕНКА — ЭТО ЗНАЧИТ ОТСТОЯТЬ
ЧАСТИЦУ БУДУЩЕГО НАШЕЙ РОДНОЙ СТРАНЫ...

Фамилия: Воронов, Юрий
направлено, для...
поиска пог...
5-й этаж
8-30 страниц

1941

Дети в клинике

Такие выдающиеся ученые, как М.С. Маслов, К.К. Скробанский, Н.Н. Аничков, А.А. Заварзин, Е.С. Лондон, Р.Р. Вреден, П.С. Медовиков, А.Ф. Тур, А.Г. Гинецинский, М.Г. Данилевич и др. именно в ЛПМИ проводили исследования, посвященные самым актуальным вызовам времени: питанию, патологии детей разного возраста, профилактике инфекций, снижению заболеваемости и детской смертности.

С 1925 по 1940 годы ими выпущены 2072 научные работы и 20 руководств. Многие из этих книг стали настольными для врачей и основными учебниками для студентов.

В стенах ЛПМИ действовала Клиническая больница. По мере совершенствования методов лечения и ухода за больными детьми здесь открывались новые отделения. К 1940 году в больнице Института на 1215 коек функционировало 25 клинических отделений и 5 лабораторий. Их работу обеспечивали 1670 штатных сотрудников.

За весь довоенный период медицинскую помощь получили 65 000 детей (сверх того 34 854 новорожденных) и 59 000 женщин.

Советская система подготовки педиатров, которую удалось выработать в довоенный период, доказала свою эффективность в годы блокады.

И даже трагические события войны не остановили работу ЛПМИ. В тяжелейших условиях руководству Педиатрического удалось сохранить костяк коллектива, продолжать готовить кадры, лечить детей, вести научную и организационную работу.

Многие сотрудники вуза ушли на фронт и спасали раненных бойцов.

Беспримерный подвиг наших коллег не перестает удивлять нас. Обращаясь к тем дням, мы невольно проверяем себя — а смогли бы мы, сегодняшние, творить, учиться, жить и заботиться о больных так, как делали они? Откуда эти истощенные голодом и бомбежками люди черпали тепло сердец, которым так щедро делились с другими...

Вот почему снова и снова мы вглядываемся в фотографии нашего Бессмертного полка. Храним архивы, чтим, гордимся. Помним...

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ОБОРОНЕ

В связи с ростом фашизма в Европе уже в конце 1930-х годов угроза войны стала реальностью. Наша страна готовилась к обороне.

Ленинград был единственным крупным городом Советского Союза в непосредственной близости от границы. Расстояние от Дворцовой площади до Финляндии было меньше 30 км. Что практически равнялось дальности стрельбы мощных пушек.

Финское правительство препятствовало заключению договора о переносе границы. СССР готов был выплатить огромные компенсации и передать территории в Карелии. Переговоры шли с 1938 по 1939 годы, но в конце концов финская делегация просто отказалась обсуждать компромиссные варианты. Началась, так называемая, Зимняя война 1939–1940 годов.

На заводах и в крупных учреждениях Ленинграда создавались команды местной противовоздушной обороны (МПВО).

Меры защиты предпринимались и в ЛПМИ. Начальником штаба МПВО института назначили врача инфекционной клиники А.В. Сонину и главного инженера Н. Пучковского. Во главе всей медицинской службы стоял главный врач Д.С. Тумаркин. Медицинские команды возглавили врачи Т.И. Кузина, К.Л. Дрейер, С.И. Лубенская, аварийно-восстановительную службу — ассистент кафедры общей химии И.А. Чернов, потом Ю.Н. Берг.

В подвалах обустраивали бомбоубежища. Дезинфекционную камеру, на случай химической атаки, переоборудовали для дегазации одежды. Под работу с отравляющими веществами перестраивалась вентиляция. Сотрудники отдела питания и санитарки хирургической и акушерской клиник, а также препараторы кафедр биохимии и патанатомии составили дегазкоманды.

Наличие боевых отравляющих веществ в воде и продуктах питания должна была выявить спецхимлаборатория. Руководил ею доцент кафедры общей и неорганической химии

М.М. Котон и сотрудники в спецхимлаборатории, 1942 год

М.М. Котон. Он же возглавил и всю химслужбу института. Ему подчинялись все ассистенты и лаборанты кафедр химии, биохимии, фармакологии, патофизиологии и клинических лабораторий.

По распоряжениям городского штаба МПВО неоднократно проводились учения в командах и в спецхимлаборатории.

В марте 1940 года Зимняя компания завершилась. Хельсинки согласились на все условия Москвы. Граница была отодвинута за Выборг.

Но то, что уже через год мобилизационный опыт очень пригодится Ленинграду, тогда еще никто не знал.

1941

ВОСПОМИНАНИЯ

Мы были счастливы, когда вопрос об эвакуации был решен отрицательно. В условиях военного времени существование института являлось совершенно необходимым, так как нужно было готовить кадры врачей и медсестер.

Нельзя было лишать детей Ленинграда ни специально помощи, ни детского питания. ... Студенты были размещены в общежитиях на территории института в наиболее тёплых и наименее пострадавших от артобстрелов корпусах. Сотрудникам было разрешено жить на кафедрах. Работа в клиниках и учебные занятия продолжались, несмотря на бомбёжку. Те, кто оставались жить дома, приходили регулярно. Иногда издалека. Приходили замёрзшие и закопченные от домашних времянок.

Ю.А. Менделева, ректор ЛПМИ (1925–1949)

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны напала на СССР. Это было воскресенье. Многие ленинградцы отдыхали за городом, кто-то уехал в отпуск. А в Педиатрическом сдавали экзамены. Всего на начало войны в институте числились 1805 студентов.

Все годы войны институтом руководила видный организатор охраны материнства и детства профессор Юлия Ароновна Менделева. Клиническую больницу возглавлял Давид Самойлович Тумаркин.

Сразу же после сообщения о начале войны все, кто мог собрались на митинг. Через час после этого открылось экстренное заседание Учёного совета. Не дожидаясь указаний сверху, утвердили мобилизационные мероприятия, организовали готовность всех служб. Начальником объекта — всего комплекса зданий ЛПМИ — утвердили доцента Ю.А. Котикова, начальником штаба МПВО — А.В. Сонину.

У сотрудников отныне появились новые обязанности: служба в местной противовоздушной обороне, организация затемнения зданий и работы в бомбоубежищах, ночные дежурства по охране порядка.

В первый же месяц войны на фронт отправились 129 врачей и 150 медицинских сестёр.

Студенты участвовали в укреплении обороны города. Сначала создавались оборонительные рубежи: противотанковые рвы и окопы на дальних подступах к городу, затем в пригородных районах и, наконец, непосредственно в черте города. Строили газо- и бомбоубежища.

30 июня 1941 года экзаменационную сессию у первых трех курсов остановили. Прекратили прием экзаменов и у выпускников-пятикурсников. Из обязательных шести они не сдали только один, его зачли по итогам обучения и выдали дипломы. Это было первый военный выпуск — 360 молодых педиатров.

Еще 440 студентов 4-го курса находились в Ленинградской, Мурманской, Калининской и Витебской областях на производственной практике. Предполагалось, что она продлится до 1 августа 1941-го.

Менделева Юлия Ароновна и Тумаркин Давид Самойлович

Но фронт стремительно приближался к Ленинграду, некоторые из студентов оказались на оккупированной территории, кто-то эвакуировался с местным населением, но часть смогла вернуться в институт досрочно.

Народным комиссариатом здравоохранения СССР во главе с Г.А. Митеревым перед высшей медицинской школой были поставлены новые задачи, а именно, медицинские вузы должны были перейти на «ускоренную подготовку специалистов, обеспечивающих квалифицированную помощь в условиях военного времени»¹, причем в кратчайшие сроки. В соответствии с постановлением СНК СССР

от 02.07.1941 г. и распоряжением Управления медицинскими вузами РСФСР от 05.08.1941 г. срок обучения студентов-медиков сокращался с пяти лет до трех с половиной лет.

В музее истории ЛПМИ хранится Приказ по учебной части № 77 от 31 августа 1941 г за подписью ректора Ю.А. Менделевой. Таким образом, вернувшиеся с производственной практики студенты попадали под это распоряжение. Первый досрочный выпуск студентов ЛПМИ содержит фамилии 21 юноши 4 курса². Получив дипломы врачей, они отправились на фронт.

Фронт остро нуждался во врачах. Поэтому новый — военный — учебный год начался тоже досрочно — 1 августа.

¹ Митерев Г.А. Все на службу фронту // Советская медицина. 1941. № 13–14. С. 4–7.
Ерегина, Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. 640 с.

² Приказы по учебной части Ленинградского педиатрического медицинского института за 1941 гг. Музей истории СПбГПМУ.

Студенты ЛПМИ 4 курса из первого досрочного выпуска врачей 31 августа 1941 года

Основной акцент в обучении делался на подготовке врачей для армии и углубленном изучении военно-полевой хирургии, военной гигиены, инфекционных болезней, эпидемиологии.

Несмотря на сокращение сроков обучения, учебных площадей и преподавательского состава институт сумел оперативно перестроиться и даже организовать дополнительные выпуски врачей, подготовку медперсонала по ускоренным программам.

На начало войны в Ленинграде проживало 848067 детей — почти половина из них ясельного и дошкольного возраста.

С 29.06.1941 г. по решению Ленинградского горкома РКПб началась эвакуация населения и матерей с маленькими детьми.

8.07.1941 г. при Леноблсовете был создан специальный отдел по эвакуации, во всех районах Ленинграда образованы эвакуационные комиссии.

16.08.1941 г. Ленгорисполком принял решение об эвакуации из города женщин и детей. Наш институт с самого начала войны принял участие в работе по массовой эвакуации детей города в тыловые районы по Московской дороге, главным образом, в район г. Боровичи, в дальнейшем в восточные области Союза.

Ответственным за сопровождение эшелонов с эвакуированными детьми был назначен заместитель заведующего Ленгорздравотделом по детству С.И. Волчок — сотрудник, а затем заведующий кафедрой детского туберкулеза Ленинградского педиатрического медицинского института.

За весь период блокады из Ленинграда было эвакуировано около 400 тыс. детей. К сожалению, точных данных о числе эвакуированных детей нет, также как и нет точных цифр, сколько детей оставалось в Ленинграде, приблизительно 550 тыс. в возрасте от 0 до 16,5 лет, сведения очень разнятся³.

Эвакуировались и студенты ЛПМИ. До 1 сентября 1941 года из города уехали 277 студентов.

С осени 1941 года постепенно начали уезжать и преподаватели. Первыми распоряжением Всесоюзного комитета по делам высшей школы были отозваны профессора Г.В. Ясвоин и К.В. Ромодановский, затем уехали по состоянию здоровья профессора Г.Д. Аронович, Л.Т. Соловьев, А.Г. Гинецинский, А.Г. Леонтьев, Д.М. Рутенбург, Л.А. Дымшиц, В.А. Вальдман, М.Э. Мандельштам, М.Л. Шик, доцент Г.С. Эпштейн и др.

Вместе с Военно-медицинской академией в Самарканд эвакуировались профессора М.С. Маслов, Ф.И. Валькер, Д.Д. Лохов, В.М. Берман, доцент Б.М. Бродерзон.

³ Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб., 2014. 428 с.
Букренева К. Г., Алексеева Л. В. К вопросу о численности детей в Ленинграде в условиях начавшейся блокады. Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 55–60.

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ВОСКРЕСНИК В ЛЕНИНГРАДЕ КОМСОМОЛЬЦЫ-СТУДЕНТЫ ЛПМИ ПОДНИМАЮТ ПЕСОК В ЧЕРДАЧНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ОДНОГО ИЗ ЗДАНИЙ 17 АВГУСТА 1941г.

19 41

ВОСПОМИНАНИЯ

*Во время блокады
мы страдали многими дефицитами,
но у нас не было дефицита совести».*

**А.Ф. Тур главный педиатр
блокадного Ленинграда**

БЛОКАДА. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ИНСТИТУТА

4 сентября 1941 года на улицах города разорвались первые фашистские снаряды.

8 сентября впервые город был подвергнут массированному налету вражеской авиации. Вспыхнуло 178 пожаров, самый большой охватил деревянные хранилища Бадаевских складов.

В тот же день — 8 сентября 1941 года немецкие войска захватили Шлиссельбург. Сухопутная связь со всей страной была прервана. Началась блокада Ленинграда.

Она продлилась 872 дня. Из них 611 отмечены артиллерийскими обстрелами и бомбардировками. Общие потери от огневого штурма составили 50 529 человек, в том числе 16 747 были убиты и 33 782 — ранены⁴. Среди них были и дети.

На территории института кроме теоретических и клинических кафедр, располагалась и основная клиническая база вуза. Кроме того, здесь находились женская и детская консультации, молочно-пищевая станция и ряд прикрепленных яслей Выборгского района.

И Педиатрический продолжил работу!

В сентябре было зачислено 354 студента. Учебная жизнь порой замирала из-за холодов, частых бомбежек, артобстрелов, постепенно ужесточавшегося голода, но полностью не прекращалась.

⁴ Гладких П.Ф. Здравоохранение блокированного Ленинграда. М., 1985. С. 10. 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе Ленинграда в 1941–1944 гг. М.–Л., 1966. С. 140, 144–145.

Stabia, Lfl. Koo.
F 1052 SD/43
VOM 8.43
E 10 5/1.22

«Krankenhaus» (госпиталь) — специальная мишень, подлежащая уничтожению №708

Благодаря исключительной энергии главного врача клинической больницы ЛПМИ Д.С. Тумаркина и его помощника И.Р. Валдайцева в институте были открыты 2 госпиталя: в первые же дни войны — госпиталь № 2014 на 300 коек для инфекционных больных, а в сентябре 1941 года в помещении акушерско-гинекологического корпуса был развернут госпиталь хирургического профиля для раненых бойцов Красной Армии на 250 коек и для гражданского населения на 150 коек.

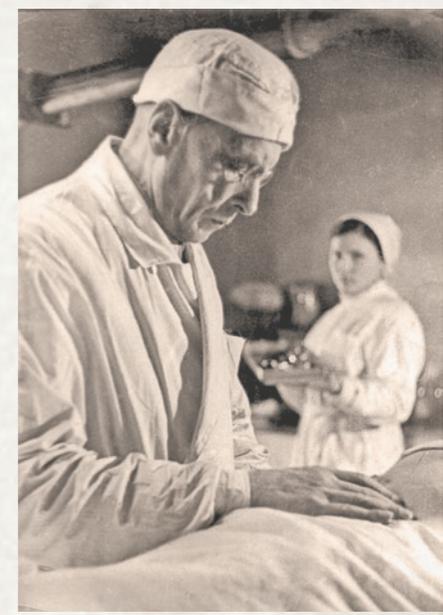
В первые месяцы их работы (сентябрь–ноябрь 1941 г.) только в хирургическом госпитале на излечении находились 476 красноармейцев и 470 гражданских лиц.

В иные дни институт по 8–12 раз в сутки обстреливали из крупнокалиберной артиллерии или забрасывали бомбами с самолетов. Сотрудники прикладывали поистине героические усилия, чтобы в этих условиях облегчить страдания раненых. Большую работу в госпитале проводили опытнейшие хирурги института Н.Е. Сурин, Н.Э. Берг и др.

Большая часть коллектива института осталась и продолжила работу в осажденном Ленинграде. В том числе известные ученые профессора А.Н. Антонов, А.Б. Воловик, Е.С. Гуревич, Ю.А. Котиков, И.И. Богоров, С.Я. Кофман, Э.И. Фридман, в последующем действительные члены АМН СССР С.А. Новосельский, К.К. Скробанский, А.Ф. Тур, доценты Н.Э. Берг, Я.Х. Ланда, Д.А. Кремшевский, М.М. Котон, Э.И. Раутенштейн, А.А. Хонду и другие.

Ю.А. Менделева вспоминала: «Мы были счастливы, когда вопрос об эвакуации был решен отрицательно. В условиях военного времени существование института являлось совершенно необходимым, так как нужно было готовить кадры врачей и медсестер. Нельзя было лишать детей Ленинграда ни специальной помощи, ни детского питания».

Однако фронт остро нуждался в медиках и 8 апреля 1942 года Государственная эвакуационная комиссия постановила вывезти из Ленинграда в тыл страны первые два курса

Оперирует
Николай Эрнестович Берг

Николай Ефимович Сурин

Мичник Зинаида Осиповна

Химико-фармацевтического, Стоматологического, 1-го и 2-го медицинских и Педиатрического медицинского институтов⁵.

Младшие курсы ЛПМИ в количестве 222 человек, согласно этому Постановлению, выехали в район Эссентуков. Со студентами были эвакуированы профессора В.М. Карасик, М.Н. Вишняков, П.Н. Ласточкин, В.А. Павлов, М.Г. Данилевич, Ю.Л. Кривский, доценты И.И. Гутнер, А.И. Савшинский, М.Г. Закс, Е.М. Силаева, М.Я. Слущкий и ряд других преподавателей. В частном порядке «выехало 282 студента, вместе со своими семьями. Всего за годы войны было эвакуировано 1082 чел. С большинством из них поддерживалась связь и оказывалась помощь»⁶.

Здесь произошла одна из самых страшных трагедий, о которой нужно рассказать особо.

Из-за наступления фашистов на Кавказ наши войска были вынуждены к 9 августа 1942 года покинуть город.

Уходили и эвакуированные студенты и преподаватели ЛПМИ. Пешком почти 100 километров шли до Нальчика. Далее с большими трудностями и кто как мог (устраивались даже на крыше вагонов) добирались до Махачкалы. Оттуда — паромом через Каспийское море в Красноводск (ныне Туркменбаши). И через среднеазиатские республики — до Барнаула. Прибывшие на Алтай, были в очень плохом физическом и психологическом состоянии.

А в Эссентуках осталась часть студентов, которые работали в районных колхозах, а также группа больных и преклонного возраста профессоров, которые не успели вовремя выехать.

11 августа фашисты заняли Эссентуки. А спустя несколько дней начались антисемитские чистки. Шесть преподавателей и 10 студентов были схвачены. После жестоких пыток их расстреляли. Среди зверски замученных была и З.О. Мичник —

⁵ Гладких П.Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Здоровоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006. 520 с.

⁶ ЦГА СПб, фонд 9872, оп. 1 дело 102, л. 8.

В клинике ЛПМИ, декабрь 1941 года

крупный деятель в области охраны материнства и детства, одна из инициаторов создания и авторов проекта нашего института.

Позже ректор ЛПМИ Ю.А. Менделева вспоминала: «Сообщение о фашистской расправе возбудило в нас еще большую ненависть к врагу, желание еще лучше работать, отдать силы на борьбу с врагом. Мы сознавали, что лучшая работа — это удар по фашистам».

Память о погибших в Эссентуках наших коллегам и студентам увековечена в мемориальных досках, установленных на стенах исторического здания — Хирургического корпуса. В дни начала и окончания блокады, в День Победы здесь собираются нынешние студенты, преподаватели, врачи, медсестры. И здесь всегда свежие цветы...

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

*Студентов было немного...
Сидел я у печки, а вокруг — студенты.
Могу сказать, что ни до, ни после этого учебного года
не имел я такого контакта с аудиторией.*

*А.Б. Воловик,
заведующий кафедрой
пропедевтики детских болезней*

Оставшиеся в Ленинграде преподаватели — авторитетные ученые, деятельные организаторы — показали себя истинными патриотами, способными на настоящий героический поступок. Под бомбежками и авианалетами, истощенные, они сумели не просто обеспечить учебный процесс, но увлекали студентов, вдохновляли заниматься наукой, заинтересовывали лабораторными исследованиями, которые, как мы чуть позже покажем, дали невероятный в тех условиях и поразительный по своей эффективности результат.

Осенью 1941 года институт провёл большую работу по организации медико-санитарной службы Выборгской дивизии народного ополчения, сформированной из добровольцев-трудящихся Выборгского района. В течение трёх дней сотрудники и студенты института изготовили для бойцов этой дивизии 13 тысяч индивидуальных пакетов. Из фондов института санитарная часть дивизии была обеспечена необходимым инвентарём и инструментарием.

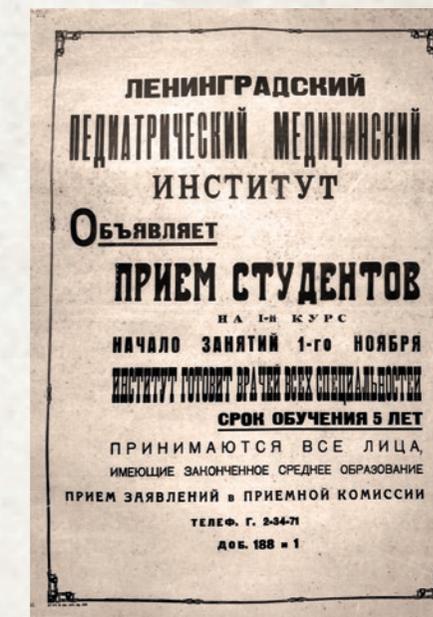
В декабре 1941 года бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло специальное решение о проведении в вузах Ленинграда экзаменов. Зимняя сессия проходила в январе–феврале 1942 года, в самый трагический по своим последствиям период блокады, когда почти 30% студентов страдали алиментарной дистрофией. Однако результаты сессии были удовлетворительными.

А уже в марте 1942 года был объявлен новый набор студентов.

Вот как об этом вспоминал О.Ф. Тарасов, во время блокады — штатный пожарный института, затем электромонтер, студент, участник Великой Отечественной войны, в дальнейшем — к.м.н., доцент кафедры госпитальной педиатрии, проректор по научной работе: «Конечно, ни о каких вступительных экзаменах не было и речи — просто принимали документы и поэтому среди абитуриентов оказались студенты консерватории, Первого медицинского института, Универси-

*Дети с медсестрой в бомбоубежище
клиники ЛПМИ, 1941 год*

*Объявление о наборе студентов,
1942 год*

*Группа выпускниц 1942 г. Слева направо:
Ангелина Чернова, Надя Яцевик, Аня Ерошенко, Броня Белинская*

тета и выпускники блокадных школ. Подал документы и я, “чтобы не терять времени”, далекий от мысли изменить своей любимой химии, которой я серьезно занимался с 7-го класса. В середине марта начались занятия “весеннего потока” — так мы окрестили свой набор. Слабые, истощенные блокадной зимой, слушали студенты лекции по физике Бориса Васильевича Остроумова, по химии Михаила Михайловича Котона, по физиологии Макса Гуговича Закса, мне, конечно, пришлось совмещать занятия с основной работой... С мая месяца приступил к занятиям новый набор студентов... Занятия все лето шли своим чередом. Обстрелы города продолжались...»

Всего за время войны институт произвел 7 плановых и досрочных выпусков, подготовил 947 врачей.

Студенты совмещали учебу с работой в подсобном хозяйстве института. Заготавливали торф, так, в 1943 году 208 студентов младших курсов 3 месяца

*Заседание кружка СНО на кафедре общей химии
(в центре М.М. Котон), 1942 год*

работали на торфоразработках, часто они выполняли план на 150%. В том же году на территории совхоза Институт развернул собственную заготовку торфа, работало 60 человек в течение 3 месяцев. Было заготовлено 1500 кубометра торфа.

Студенты, особенно те, кто имел среднее медицинское образование, совершали поквартирные обходы пациентов, помогали в клинике. Игнорируя опасность, часто находясь под градом осколков от авиабомб и снарядов, помогали пострадавшим во время артобстрелов на близлежащих улицах города, на трамвайных остановках. По ночам тушили зажигательные бомбы.

Надо особенно отметить, что хорошая постановка в Институте службы МПВО предупредила жертвы среди находившихся на излечении в его клиниках.

За все годы блокады от разрыва бомб или пожара не погиб ни один ребенок.

Безусловно, отрыв от занятий сказывался на учебном процессе. К тому же, как и все ленинградцы, студенты испытывали все возраставшие ужасы блокады.

Выпускники 1942 года

Приведем выдержку из воспоминаний Б.В. Зайцева, в 1936–1942 гг. — студента ЛПМИ, затем — врача Ленинградского фронта, в дальнейшем — врача-терапевта: «Мы, студенты последних курсов института, были переведены на полуказарменное положение и одеты в брезентовую форму пожарных со всей их амуницией. Во время налётов авиации мы дежурили на крышах зданий. Легче было бороться с зажигалками, чем с фосфорными, т.к. они “успокаивались” только при нанесении на них большого количества песка... Голод не обошёл и нас. Чтобы выжить, мы научились есть и кошек, и собак...

Но ремни и столярный клей мы есть не могли. Силы убывали.

Благодаря заботе директора института Юлии Ароновны Менделевой студенты получали соевые шроты (не путать со шпротами) и какую-то похлёбку. Смерти среди студентов не было...

К голоду прибавились 40-градусные морозы. Люди ходили, одетые во что попало. За водой ходили с ведром и саночками на Неву. У проруби всегда можно было видеть истощённых, еле двигающихся людей...

Ленинградцы, пережившие блокаду, никогда не забудут ощущение единства в те тяжёлые военные годы...»

Спустя некоторое время уже официально Ленинградский Горздравотдел предписал студентам последних курсов медицинских институтов работать в лечебно-профилактических учреждениях города, пунктах скорой помощи и т.п.

Удивительно, но в дни войны администрация Педиатрического открыла две новые кафедры: в 1942-м — госпитальной хирургии, а в 1944-м, уже после полного снятия блокады, кафедре госпитальной терапии.

Первый год кафедре госпитальной хирургии возглавлял профессор В.В. Лавров, затем до самого окончания войны — доцент Д.А. Кремшевский. Именно здесь будущие врачи усваивали знания военно-полевой хирургии, столь необходимой фронту.

Кафедру госпитальной терапии организовал и до 1953 года возглавлял видный ученый-кардиолог профессор М.Э. Мандельштам. Под его руководством были детально изучены проблемы электрокардиографической диагностики инфаркта миокарда, лечения пенициллином, вопросы, связанные с диагностикой и лечением язвенной болезни, воспалительных заболеваний кишечника, разрабатывались лечебные диеты, внедрялась в клиническую практику новая отечественная диагностическая аппаратура. В клинике работали известные

Василий Васильевич Лавров

Морис Эмилевич Мандельштам

Прогулка детей, в саду института. Лето 1942 года

терапевты: И.О. Неймарк, Б.А. Житников, М.А. Нейман, Г.А. Густерин, Г.С. Зензинов, Р.С. Акивес, А.Д. Суходарова и др.

Противник методично и прицельно вел артиллерийский огонь по всем без исключения медицинским вузам. Педиатрический институт на немецкой карте обстрелов значился как объект №708 — специальная мишень, подлежащая уничтожению⁷. Артобстрелы становились всё чаще и чаще, начиная с августа 1943 г. стали почти непрерывными.

Ряд зданий пострадал от снарядов.

⁷ Непокоренный Ленинград : Краткий очерк истории города в период Великой Отечеств. войны / А.Р. Дзенискевич, В.М. Ковальчук, Г.Л. Соболев и др. Ленинград : Наука, 1970. 414 с.

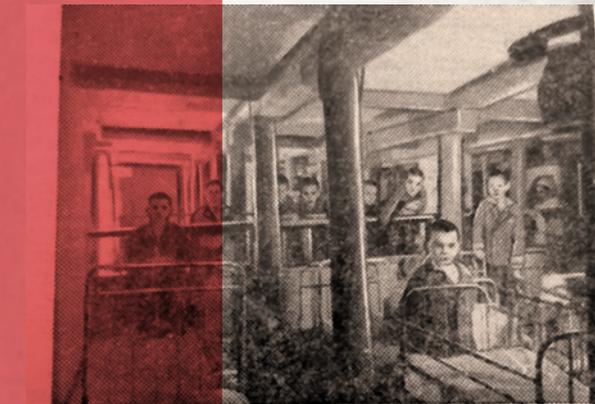
В начале зимы 1941–1942 годов авиабомба упала на территорию соседнего завода. Во время воздушной тревоги детей приходилось срочно спускать в бомбоубежище, а затем снова поднимать в отделение. Это было трудное дело, ведь к тому времени сотрудники были уже ослаблены и истощены. И все-таки персонал проявлял и мужество, и находчивость. Так, 60-летняя санитарка Репина в один из дней, когда на город был совершён очередной воздушный налёт, оказавшись одна в больничном отделении и услышав сигналы воздушной тревоги, не растерялась, а сохраняя спокойствие и подбадривая больных детей, в течение нескольких минут усадила их на ковёр и на нём спустила со 2-го этажа вниз в помещение убежища, при этом ни один ребёнок не получил ни малейшего ушиба.

С декабря 1941 года все клинические отделения института были вынуждены размещаться в газо- и бомбоубежищах. Там же проводились и занятия со студентами.

5 января 1942 года внезапно начался артобстрел, на территорию института упало 12 снарядов, почти во всех корпусах воздушной волной были выбиты стёкла, осколками обезображены здания снаружи и внутри.

В ночь с 23 на 24 мая 1942 года клиники института подверглись новому артиллерийскому обстрелу. Один из снарядов попал в здание клиники для больных детей грудного возраста, пробил крышу и разорвался на втором этаже. К счастью, обошлось без жертв, детей вовремя вывели в укрытие.

Ю.А. Менделева об этом докладывала члену Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданову: «Для института в эту ночь обстановка была более чем напряжённая; в отделениях развернуто 650 коек, заполненных тяжелооболными и роженицами. Дежурный персонал, выполняя распоряжения, проявил большую находчивость, выдержку и инициативу. В акушерский клинике находилось более 40 рожениц, из них 3 родили во время обстрела. Благодаря принятым героическим

Суровый 1942 год. Больные дети в бомбоубежище хирургической клиники Ленинградского Педиатрического медицинского института.

Дети в бомбоубежище клиники ЛПМИ, 1941 год

мерам дежурного персонала, ни одна роженица и их новорожденные дети не пострадали, несмотря на то, что все стекла в родильной комнате были разбиты...»⁸

К началу военных действий институт располагал 1 газоубежищем и 10 бомбоубежищами, которые в 1942 году были переоборудованы в газоубежища. Кроме того, силами сотрудников и студентов было сооружено на территории института 9 щелей.

Непосредственных попаданий авиабомб на территорию института не было, а артснарядов попало 26:

05.01.1942 — 8;

16.05.1942 — 8;

24.05.1942 — 8;

16.10.1942 — 2.

В самую страшную зиму 1942 года, исполком Ленгорсовета принял решение о немедленном устройстве детей, оставшихся без родителей, в детские дома, которые обязал снабжать

⁸ Гладких П.Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда. Изд. второе, перераб. и доп. Л.: Медицина, 1985. С. 81.

Заведующий кафедрой госпитальной педиатрии А.Ф. Тур и студенты ЛПМИ во время обхода, 1942 год

топливом и необходимым оборудованием. Были созданы городская и районные комиссии по устройству детей-сирот в детские дома и дома малюток. Число этих учреждений резко увеличилось. Здесь дети были окружены заботой врачей, сестёр, воспитателей, нянь.

При ЛПМИ работал дом грудного ребёнка и в клиниках находились дети, родители которых были на фронте или погибли. Для них институт стал родным домом. Кроме того, в клиники помещались раненные и больные дети, некоторые из них, страдавшие тяжёлыми хроническими заболеваниями, оставались здесь в течение всех лет войны. Все сотрудники работали само-

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

Ни дворников, ни водопроводчиков, ни других рабочих не было — кто ушёл на фронт, кто умер от голода.

Всё делали сами — расчищали территорию от снега, вставляли стёкла, заготовливали топливо, разбирая деревянные строения...

В палатах стало теплее, дети оживились — они уже не лежали, а сидели и ходили, даже играли. Печи-временки приходилось топить с утра до вечера. Дров отпускали мало. Надо было как-то купать детей и стирать белье, а воды тоже не было.

Сотрудники решили сами добывать дрова и воду. По очереди ходили к Неве за водой и привозили её в ваннах, бидонах, вёдрах, на санках или накачивали насосом по длинному резиновому шлангу прямо из реки...»

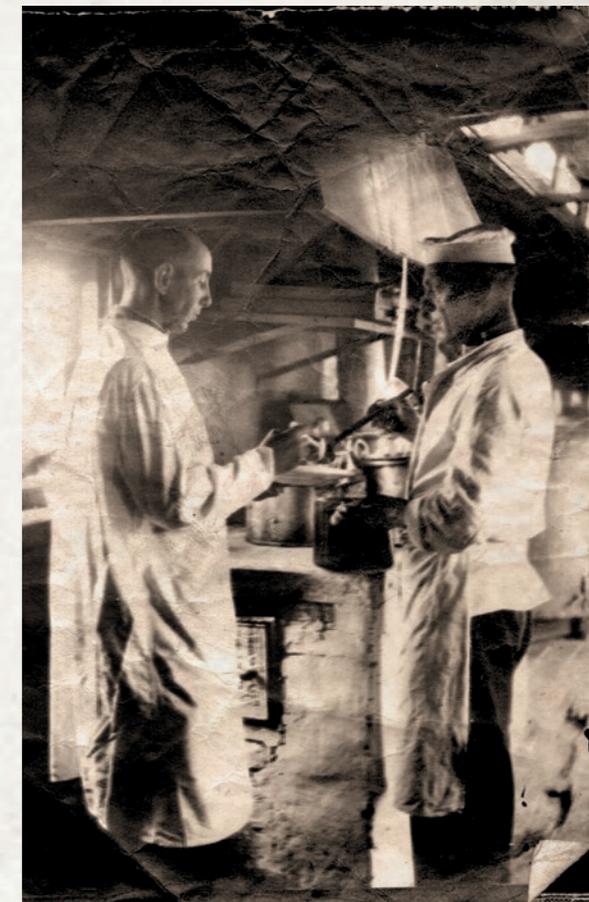
Н.Н. Келер, доцент кафедры нервных болезней

отверженно, обеспечивая детей необходимым уходом и моральной поддержкой, стараясь сделать все, чтобы застигнутое врасплох войной детство не оборвалось.

Другим смертоносным фактором был холод. Температура в 1941 году опускалась до -20° , а в январе 1942 года до -30° и ниже. Запасы топлива закончились очень быстро, поступление электроэнергии резко снизилось, а часто и вообще прекращалось.

В тяжёлую зиму 1941–1942 годов после резкого похолодания вышло из строя всё центральное отопление, водопровод и канализация, трубы и батареи полопались, с перебоями подавалась электроэнергия. Пользовались коптилками, иногда фонарями, прекратила работу центральная прачечная.

Надежда Николаевна Келер вспоминала: «Ни дворников, ни водопроводчиков, ни других рабочих не было — кто ушёл на фронт, кто умер от голода. Всё делали сами — расчищали территорию от снега, вставляли стёкла, заготовливали топливо, разбирая деревянные строения. Была создана бригада печников из состава сотрудников под руководством опытного печника Озолина, которые соорудили железные печи-временки. В палатах стало теплее, дети оживились — они уже не лежали, а сидели и ходили, даже играли. Печи-временки приходилось топить с утра до вечера. Дров отпускали мало. Надо было как-то купать детей и стирать белье, а воды тоже не было. Сотрудники решили сами добывать дрова и воду. По очереди ходили к Неве (по Батениной улице, ныне ул. А. Матросова) за водой и привозили её в ваннах, бидонах, вёдрах, на санках или накачивали насосом по длинному резиновому шлангу прямо из реки... В палате же детей купали раз в 10 дней, а в соседней пустой палате стирали вручную, сушили и гладили белье. Наш педагог Е.В. Аржанова болела, школьные занятия прекратились, и мы старались как-то развлечь и занять детей. Очень любили дети сидеть у печурки и поджаривать на ней хлеб, который грызли, как какое-то лакомство, слушать чтения, рассказы, сами читали стихи. Когда перестал

Выпускник 1941 года И.Г. Гущевский (слева) перед операцией, Ленинградский фронт, 1942 год

Доставка воды из Невы, февраль 1942 года

работать городской транспорт, зав. клиникой и ст. сестра по очереди ночевали в клинике и через день уходили домой, таким образом, еще больше времени проводили с детьми. В феврале уехала в эвакуацию врач М.А. Леонтьева. Постепенно прекратились воздушные тревоги и артобстрелы, в бомбоубежище мы больше не спускались, но это был самый тяжелый период. Никто детей не посещал — они скучали по родным. Мы их утешали, как могли⁹.

Здесь же заметим, что школьные занятия с детьми в клиниках возобновились в феврале 1942 года и не прекращались до конца войны. Педагоги ухаживали за детьми, помогали одевать их, кормить, мыть, гуляли с ними. Они читали детям книги, организовывали игры, отвлекая ребят от тяжёлых мыслей, от тоски по родителям.

Весной 1942 года сотрудникам пришлось скалывать и убирать толстый слой снега и льда со всех улиц, прилегающих к институту во избежание вспышки

⁹ Келер Н.Н. Воспоминания. Фонды Музея Истории СПбГПМУ.

Дети в бомбоубежище ЛПМИ. Кормление детей. В центре Аня Рукас

эпидемии. По справедливому замечанию М.М. Котона со стороны истощённых голодом людей это было подвигом. Но не роптали — знали, что это надо.

Помогали и студенты, вот еще фрагмент из воспоминаний О.Ф. Тарасова: «В конце марта началась декада по очистке города. Солнце уже пригревало, а город был завален снегом и нечистотами. Каждый получал удостоверение участника, в котором проставлялось количество отработанных часов, норма для работающих была установлена в 20 часов. Первый день — 27 марта — выдался ясным, солнечным днем... Казалось, весь Выборгский район вышел на улицы. Кто сохранил силы — скалывал лед, другие — по 4–6 человек — нагружали сколотыми глыбами оледеневшего снега фанерные волокуши и тащили их к Неве. А на следующий день — о чудо! — по расчищенным ото льда рельсам подъехал трамвай. Обычный грузовой трамвай с двумя платформами, но его приветствовали и криками “Ура!”, и слезами — ведь с ноября месяца ленинградцы не видели “живого” трамвая».

Но наиболее смертоносным фактором был голод, именно он, а не бомбежки, артобстрелы, сражения, определял судьбу жителей города. Полномасштабный острый голод охватил Ленинград зимой 1941–42 годов¹⁰. Размер продовольственного пайка не мог покрыть даже самые минимальные потребности организма.

Показатель смертности вырос до ужасающего уровня. Если принять за 100% среднюю цифру умерших в первом полугодии 1941 года, то в июне она составила 111%, в августе — 143,6%, в сентябре — 182%, в октябре — 196,7%.

Известно, что самыми уязвимыми по отношению к голоду являются дети, пожилые люди, больные и слабые.

20 ноября 1941 года была установлена самая низкая норма хлеба — те самые «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», которые вошли, как символ нечеловеческих испытаний, в сознание и память миллионов. Хлеб, выпекаемый во время блокады, был почти черного цвета, имел высокую влажность, доходившую до 68% (вместо 48%), травянисто-горький вкус, обусловленный большим количеством примесей. Ухудшилось отоваривание карточек другими продуктами — мукой, крупой, мясом, жирами. С конца декабря 1941 года несмотря на повышение норм выдачи хлеба (350 г рабочим и 200 г служащим) и работу Ладожской трассы, в целом снабжение продовольствием ухудшилось. Никакие другие продукты не выдавались.

Уже в ноябре 1941 года начали регистрироваться случаи алиментарной дистрофии, первоначально у мужчин, особенно пожилых, а затем и у женщин. Причина была понятна — резкое снижение в пище белков. В декабре это заболевание стало настолько распространенным, что все остальные болезни как бы отступили на задний план и смысл слова «дистрофия» стал понятен каждому ленинградцу, даже детям.

¹⁰ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. Ред. Дж.Д. Барбер, А.Р. Дзенискевич. СПб., 2001. С. 6.

КАК ТЯГОСТНО И, ГЛАВНОЕ, КАК СКОРО
ТЕПЕРЬ СТАРЕЮТ ЛИЦА! ИХ ЧЕРТЫ
ДОВЕДЕНЫ ДО ПТИЧЬЕЙ ОСТРОТЫ
КАК БЫ РУКОЙ ЗЛОВЕЩЕГО ГРИМЕРА:
ПОДБАВИЛ ПЕПЛА, ПОДМЕШАЛ СВИНЦА -
И ЧЕЛОВЕК ПОХОЖ НА МЕРТВЕЦА.
ОТКРЫВАЛИСЬ ЗУБЫ, ОБТЯНУЛСЯ РОТ,
ЛИЦО ИЗ ВОСКА, ТРУПНАЯ БОРОДКА
(ТАКУЮ ДАЖЕ БРИТВА НЕ БЕРЕТ).
ПОЧТИ БЕЗ ЦЕНТРА ТЯЖЕСТИ ПОХОДКА,
ПОЧТИ БЕЗ ПУЛЬСА СЕРАЯ РУКА.
НАЧАЛО ГИБЕЛИ. РАСПАД БЕЛКА...
АПАТИЯ ИСТАЯВШЕЙ СВЕЧИ...
ВСЕ ПЕРЕЧНИ И ПРИЗНАКИ СУЖИЕ
ТОГО, ЧТО ПО-УЧЕНОМУ, ВРАЧИ
ЗОВУТ «АЛИМЕНТАРНОЙ ДИСТРОФИЕЙ».
И ЧТО - НЕ ЛАТИНИСТ И НЕ ФИЛОЛОГ -
ОПРЕДЕЛЯЮТ РУССКИМ СЛОВОМ ГОЛОД.

*«Пулковский меридиан».
1941–1943 гг., Ленинград.
В. Инбер — поэтесса,
житель блокадного Ленинграда.*

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

В первую блокадную зиму... появилась мысль использовать олифу, которая представляет собой льняное масло, содержащее ряд соединений металлов, вредных для организма. Задача очистить олифу была непростой, но мы с ней справились... были получены сотни килограммов льняного масла... Его выдавали небольшими порциями больным... Масло спасало людям жизнь. Для борьбы с дистрофией, авитаминозом лаборатория стала изготавливать настой, содержащий витамин С (из хвои)... В удивительном действии витаминного настоя мы быстро убедились. Люди, которые не могли встать с кровати (а таких было много среди наших студентов), после 5–7 дней регулярного приема хвойного настоя не только вставали, но и сами приходили в лабораторию за очередной порцией. Это нас радовало, вдохновляло.

М.М. Котон, зав. кафедрой общей химии

СПАСАТЬ ЖИЗНИ И ОБУЧАТЬ ВРАЧЕЙ, НЕСМОТРЯ НА ОБСТРЕЛЫ И ГОЛОД

Зимой 1941–1942 годов больницы были уже переполнены больными с алиментарной дистрофией. Нередко она осложнялась пневмонией и дизентерией. Большая часть таких больных поступали в клинику в тяжелейшем состоянии и многие умирали в первые часы госпитализации.

Дистрофия стала проявляться у сотрудников и студентов.

В целях сохранения жизней сотрудников и студентов руководство ЛПМИ предприняло ряд действенных мер.

В условиях недоедания, при недостатке света и тепла, при отсутствии транспорта многим сотрудникам и студентам, чтобы попасть в Институт, приходилось проходить по снежным сугробам и ледяным глыбам и преодолевать большие расстояния.

Из воспоминаний Ю.А. Менделевой: «Транспорт в городе перестал работать. Институт расположен в северной окраине гигантского города Ленина и студенты и сотрудники должны были ежедневно дважды проделывать многокилометровый путь пешком. Питание резко сократилось, начался голод. И тогда, в целях сохранения человеческих жизней, Институт пошел на крайние меры. Студенты в основной массе были размещены в общежитиях на территории Института, для чего были заняты физиологический корпус и корпус инфекционной клиники, как самые теплые и мало пострадавшие от артобстрелов. Многие сотрудники получили разрешение, помимо переведенных на казарменное положение лиц, на размещение на кафедрах и при клиниках института. Для далеко живущих была организована гостиница для краткого пребывания.

*Заведующий кафедрой оперативной хирургии,
профессор Федор Иванович Валькер со студентами*

...Заболевания дистрофией поставили передо мной задачу спасти свои кадры — студентов и сотрудников. Принятые экстренные меры способствовали сохранению многих сотен жизней». С этой целью были организованы пункты лечебного питания для студентов, работников Института, столовая для профессорского состава. Кроме того, были развернуты стационары для сотрудников и студентов. Как только среди студентов появились лица с признаками дистрофии, их немедленно помещали в клинику на правах больных. Здесь они находились в тепле и покое, больничные пайки хотя и не были полноценными, все же были лучше тех, что выдавались

гражданскому населению. Ю.А. Менделева писала: «Идея организации стационаров для дистрофиков впервые возникла у нас и полностью себя оправдала. Институт имел единичные потери от голода в черные дни блокады Ленинграда. Эта деятельность Института была поддержана и одобрена организациями города, и пример Института послужил к массовому открытию стационаров в городе ...Все эти мероприятия дали хороший результат...»

Многих спас заблаговременно собранный и законсервированный урожай подсобного хозяйства при ЛПМИ. Источенным и ослабленным, больным давались витаминные продукты, ягоды и овощи.

Болезни и голод сказывались на посещаемости во всех медицинских вузах города.

Для уменьшения оттока студентов Ленгорздравотдел при активном содействии горкома партии и Ленгорисполкома, руководствуясь решением Коллегии НКЗ СССР от 20 апреля 1942 года, к концу апреля 1942 года постановил всем студентам-медикам выделить продовольственные карточки первой категории, предоставить бесплатное котловое довольствие. В отличие от вузов других городов страны студенты всех ленинградских вузов были освобождены от внесения платы за обучение и получали стипендию вне зависимости от успеваемости. Эти существенные привилегии для ленинградских студентов были официально закреплены в 1943 году решением СНК СССР¹¹.

Правительственное решение о сокращении сроков обучения сыграло свою роль, обеспечив в первый год войны дополнительный выпуск врачей.

Но в условиях, когда Красная Армия несла огромные потери, качество оказания медпомощи имело колоссальное значение

¹¹ Гладких П.Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006. 520 с.

Сбор крыжовника в подсобном хозяйстве ЛПМИ

Студенты на кафедре анатомии. ЛПМИ, 1944 год

в том числе и для достижения перелома в ходе войны. Поэтому 19 июня 1942 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР решил восстановить в медицинских институтах пятилетний срок обучения (приказ № 113/м)¹².

В новой программе значительное время отводилось на практическую подготовку будущих врачей. Так, вместо однократной практики, проводившейся ранее после IV курса, была введена двукратная: после III курса — двухмесячная (с выполнением обязанностей медицинской сестры) и после IV курса — полуторамесячная (с выполнением обязанностей субординатора). Большое внимание уделялось преподаванию военно-медицинских дисциплин (54 ч), а также физической подготовке студентов (208 ч). 1 ноября 1942 года во всех медицинских институтах начались занятия, по пятилетней программе. Они, как и ранее, проходили в сложной обстановке фронтового города.

¹² Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Отв. ред. В. М. Ковальчук; АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. Москва ; Ленинград : Наука, 1966. 172 с.

Лекции часто читались под грохот снарядов и бомб, иногда переносились в бомбоубежище, но почти никогда не отменялись. Посещаемость студентов всех курсов постепенно восстанавливалась, пропуски лекций и занятий были единичными, обычно из-за налетов и артобстрелов.

А.Б. Воловик, заведующий кафедрой пропедевтики детских болезней, вспоминал: «Студентов было немного... Сидел я у печки, а вокруг — студенты. Могу сказать, что ни до, ни после этого учебного года не имел я такого контакта с аудиторией».

Все усилия были направлены на то, чтобы не снижать уровня знаний студентов, которые относились к учебе с исключительной ответственностью и добросовестностью. Успеваемость была не ниже довоенной. Средний балл составлял: на I курсе — 3,9, на II — 4, на IV — 4,2, на V — 4.

До 1944 года студенты занимались без каникул, семестры начинались и кончались в различные сроки, в связи с мобилизацией студентов на трудовые работы. И все это происходило несмотря на то, что до 80% студентов страдали алиментарной дистрофией.

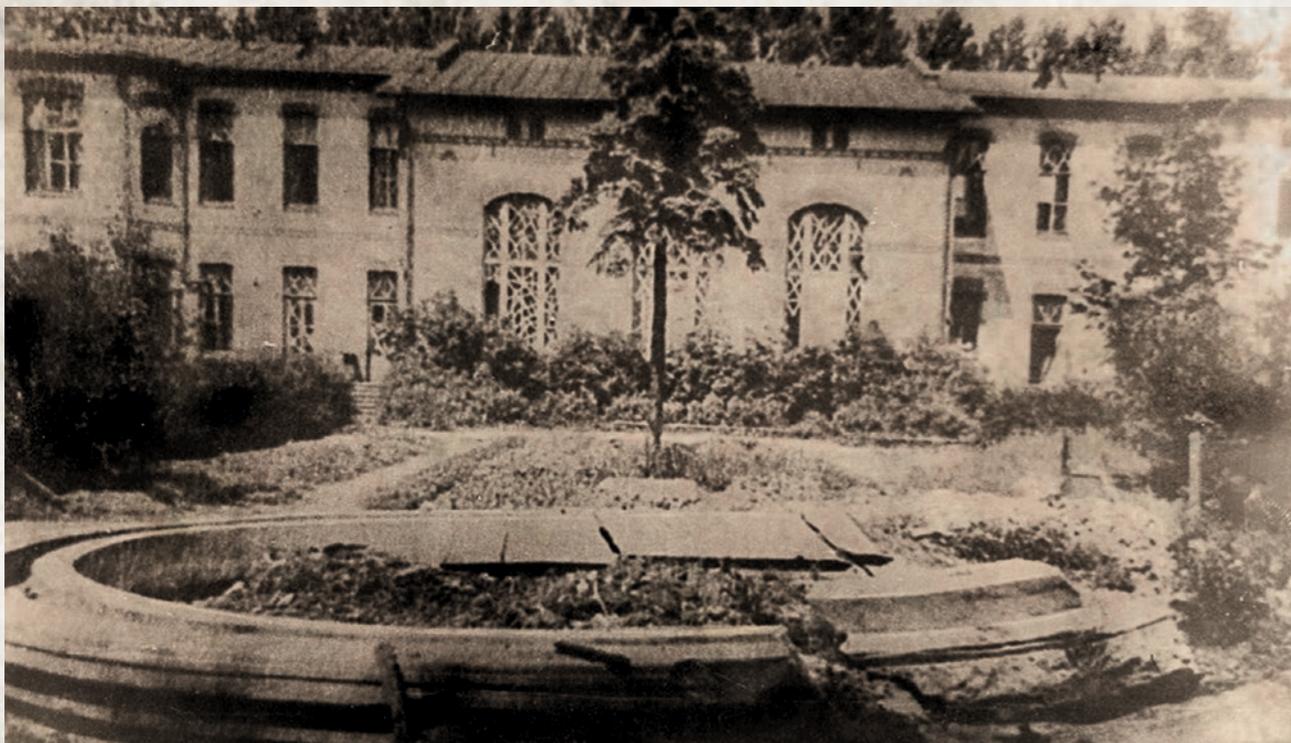
Не прерывались переходные курсовые экзамены, а госэкзамены сдавались по требованиям мирного времени.

Администрация ЛПМИ стремилась к тому, чтобы поднять настроение у работников и студентов. Для выпускников устраивались концерты и вечера с привлечением артистов, которые не отказывались приезжать, несмотря на бомбежки.

В 1943 году были организованы студенческие научные кружки на кафедрах госпитальной и факультетской педиатрии, госпитальной хирургии, неорганической химии, физики, психиатрии.

Научная работа не прекращалась даже в самый тяжелый период блокады, была актуальной и отзывалась на нужды времени. Собирались уникальные данные, которые затем обобщались, делались выводы, вырабатывались новые подходы к лечению.

Ю.А. Менделева вспоминала: «Ничто не сломало исследовательской мысли, творческой инициативы научных работников Института. Несмотря на свою занятость в учебном процессе, на работу по оказанию помощи раненым, на оборонных и восстановительных работах, на отсутствие журнальной литературы, коллектив работал с энтузиазмом и большой продуктивностью».

Разрушенный фонтан перед зданием хирургической клиники

Первостепенные темы — разработка специальных вопросов военного времени:

- ▶ военная травма (Н.Э. Берг, Н.Е. Сурин и др.);
- ▶ алиментарная дистрофия и авитаминозы (А.Ф. Тур, А.Б. Воловик, С.А. Гаврилов, Э.И. Фридман, Р.М. Муравина, Г.А. Николаев, М.В. Миллер-Шабанова и др.);
- ▶ питание детей (А.Ф. Тур, М.Н. Небытова-Лукьянчикова, С.И. Полякова, Н.В. Балинская, В.Б. Кисилева и др.);
- ▶ анемии (А.Ф. Тур, А.Н. Антонов, Ю.А. Котиков и др.);
- ▶ лечение и выхаживание новорожденных и недоношенных детей (А.Ф. Тур, М.А. Зингер, А.Н. Антонов, И.И. Богоров и др.);
- ▶ детские инфекционные заболевания (А.Б. Воловик, М.Г. Данилевич, В.Н. Офицеров и др.);
- ▶ туберкулёз (А.Э. Певзнер, С.Б. Адельберг, Ц.Л. Бибикова и др.) и ряд др. заболеваний;
- ▶ динамика заболеваемости, детской смертности, показателей физического развития (Ю.А. Менделеева, С.А. Новосельский, А.Н. Антонов, А.Ф. Тур, А.Б. Воловик, А.Н. Типольт, Р.П. Левитина и др.);

- ▶ многочисленные организационные проблемы лечебно-профилактической помощи детям в условиях блокады (Ю.А. Менделеева, Д.С. Тумаркин, С.И. Волчок, Н.Г. Синявская и др.).

Огромные трудности были связаны с питанием детей, сначала войны была введена карточная система. Нормы выдачи хлеба снижались: со 2 сентября 1941 года дети получали 300 г, уже 12 сентября были снижены нормы выдачи хлеба для всех групп населения, но детям оставлено 300 г, с 1 октября норма для детей составила 200 г, с 13 ноября — 150 г, с 20 ноября — 125 г.

25 декабря 1941 года, была первая прибавка выдачи хлеба, а норма для детей составила 200 г, с 24 января 1942 года, — 250 г, с 11 февраля — 300 г, и с 22 февраля — 400 г.

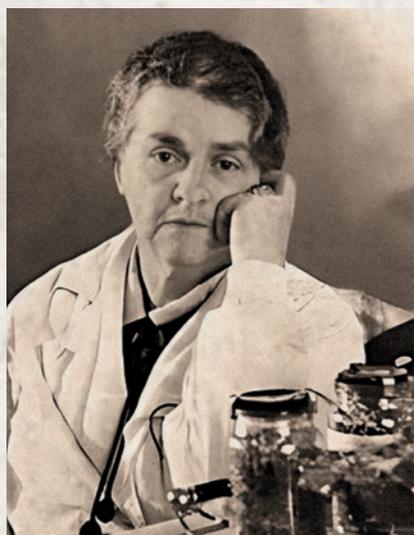
В период блокады все дети независимо от возраста прикреплялись к молочной кухне при поликлинике для получения питания. Молоко и молочные смеси работникам кухни приходилось поставлять на санках или тележках, а иногда и на своих плечах. Недостаток топлива, воды, электроэнергии, посуды создавал дополнительные трудности. Сотрудники молочных кухонь по возможности старались работать бесперебойно. Все смеси отпускались только кипячёными. В 1942 году 23 молочные кухни Ленинграда отпустили 24 641 991 порцию за год, 59 470 порции в день.

Количественное и качественное недоедание, длительное переохлаждение, переутомление и нервное перенапряжение вызвали у детей отставание в физическом развитии: средняя масса у новорождённых понизилась более чем на 600 г, средний рост — на 2 см, 50–60% детей в детских садах имели признаки дистрофии II–III степени. По данным медицинских осмотров, в некоторых школах 96% детей страдали дистрофией и рахитом. Улучшение показателей физического развития началось только с 1943 года.

Самым неблагоприятным по детской смертности был 1942 год, по сравнению с 1940 годом её уровень возрос более

*Профессор Мария Николаевна
Небытова-Лукьянчикова, научный
руководитель по лечебному питанию*

*В.Б. Киселева — инструктор
больничной кухни с 1924 года*

чем, втрое. Только в 1945 году — через год после полного снятия окружения — этот показатель стал ниже довоенного уровня.

Институт взял на себя разработку режима питания детей в условиях блокады, введение новых блюд из различных заменителей и веществ, ранее не применявшихся для целей массового, особенно детского питания.

Для координации вопросов, связанных с рациональным питанием детей в июне 1942 года, под председательством Ю.А. Менделевой и А.Ф. Тура при горздравотделе начал действовать Совет детского питания.

ЛПМИ имел в своём составе молочно-пищевую станцию с отделениями:

- ▶ отдел питания: отделение прикорма, главная кухня;
- ▶ витаминный отдел;
- ▶ молочная станция.

Общее руководство осуществлял профессор А.Ф. Тур — зав. кафедрой госпитальной педиатрии и профессор этой кафедры М.Н. Небытова-Лукьянчикова — видный специалист по молоковедению. Работы вели С.И. Полякова, Н.В. Балинская, возглавлявшая отдел питания, В.Б. Киселева и другие сотрудники.

Комбинируя смеси из имеющихся скудных продуктов, выискивая новые рецепты порой из необычных ингредиентов, непривычного сырья, станция ни на один день не прекращала своей деятельности и, не смотря на возникшие в связи с блокадой большие трудности в работе (перерывы в подаче воды, нарушение нормальной работы котельного и парового хозяйства, затруднения с транспортом), все прикрепленные к станции точки и дети получали все виды смесей.

Возглавляла молочную станцию С.И. Полякова, которая писала: «...Молочной станции пришлось в первую очередь задуматься и поработать над тем, как готовить смеси, не снижая ассортимента; готовить их из имеющихся в наличии разных сортов молока и крупы, не снижая их качества в отношении

На молочной станции ЛПМИ

питательной ценности, т. е. содержания белков, жиров и углеводов, их калорийности и соответствующих вкусовых качеств»¹³.

Изменился не только ассортимент сырья, но и его качество, и отпускные нормы. И чтобы новые смеси имели правильное соотношение составных элементов, сотрудникам пришлось провести целый ряд опытных варок, добивались максимального питательного качества смесей — правильного содержания белков, жиров и углеводов, их калорийности и вкусовых качеств.

Перебои в регулярном снабжении станции необходимым ассортиментом продуктов вынуждали проявлять особую гибкость в изготовлении смесей и вызывали необходимость срочно, на ходу, перестраивать свою работу, переходя от одной рецептуры к другой. Резкий недостаток

¹³ Полякова С.И. Приготовление пищи грудным детям в условиях недостаточного снабжения продуктами. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л., 1944. С. 31–37.

На кухне, ЛПМИ, 1944 год

коровьего молока и иссякающие запасы сгущенного и сухого молока вызвали необходимость применения для питания детей раннего возраста соевого молока, из которого сотрудниками ЛПМИ (А.Ф. Тур, М.Н. Небытова-Лукияничкова, С.И. Полякова, Н.В. Балинская) было разработано 18 лечебных смесей. Это были знаменитые соевые смеси, спасшие жизнь многим детям.

Всех детей в возрасте до 3 лет разделили на три группы: от 0 до 5 месяцев, от 5 месяцев до 1 года и, наконец, от 1 года до 3 лет.

Такая дифференциация дала возможность более рационально расходовать имеющиеся крупы. Дети самого раннего возраста получали 5% каши из манной крупы и наиболее полноценных сортов молока.

Для детей 2-й и 3-й групп использовали оставшиеся сорта крупы и молока. И все равно их удавалось снабжать кашей полноценной калорийности и хорошей консистенции.

При изготовлении смесей зачастую приходилось одну и ту же смесь готовить из нескольких видов молока — соевого, сладкого, солодового, восстановленного. Применялись некоторые рационализаторские технологии приготовления

На молочной кухне ЛПМИ

отваров и смесей, не отражавшиеся на полноценности предлагаемой детям продукции. Например, норма расхода риса при приготовлении отвара до войны была 5 г на порцию. В блокаду ее снизили до 3 г. Сотрудники, предложили не только вываривать рис, но протирать его и добавлять в отвар. Чем сохранили калорийность продукта.

При изготовлении смесей приходилось учитывать и вкусы детей, и их отношение к предлагаемой продукции. Так, для малышей в возрасте от 1 года до 3 лет отпускали соевый кефир, а не молоко. А дети пили его очень неохотно. Матери даже часто отказывались от получения его; заменить же кефир молоком не представлялось возможным, так как молоко получали по строгой разверстке и в ограниченном количестве.

На молочной станции института научились перерабатывать кефир так, чтобы получить и питательную, и вкусную смесь.

Все дети снабжались витамином С.

Вот только несколько цифр, характеризующих масштаб работы молочной станции в период блокады. Несмотря на все трудности, молочная станция еже-

На кухне, ЛПМИ, 1942 год

дневно отпускала по 13 000 порций для 7–8 тысяч детей. За время войны отпущено 487 132 порции.

Если в довоенное время смеси № 3 готовили 90–100 л в сутки, то во время войны — 1500 л; каши готовили в довоенное время 30–40 л, во время войны — до 500 л и т. д.

Свой опыт молочная станция Педиатрического медицинского института немедленно передавала практическим учреждениям города, и, наряду с чисто производственной работой, выполняла в период блокады весьма важные функции по повышению квалификации и подготовке кадров инструкторов и диетлаборантов.

В поэме Веры Инбер «Пулковский меридиан» есть строки:
«Но встречный в одеяльце голубом,
Мальчишечка грудной, само здоровье,
Хотя не женским, даже не коровьим,
А соевым он вскормлен молоком».

В.Ф. Инбер дружила с Ю.А. Менделевой. Она жила на территории Первого Ленинградского медицинского института,

Дети, вскормленные соевым молоком

ректором которого в годы войны был ее муж — профессор И.Д. Страшун. Неоднократно она бывала и в Педиатрическом.

Вот запись об одном из таких посещений: «Снова была в гостях в Педиатрическом институте, на Выборгской стороне. Многострадальная сторона!..»

И правда, институт стоит в очень опасном месте: слева завод, где делают мины, справа казармы. А совсем рядом — виадук Финляндской железной дороги. Все это прицельные объекты.

Это целый городок, вроде нашего Первого медицинского института. Здесь выращивают здоровых и лечат больных детей. Снабжают их ягодными соками из собственного образцового подсобного хозяйства. Дают консультации матерям, готовят детских врачей (педиатров).

*Дети фронтовиков за обедом в одной из клиник
Педиатрического института в апреле 1943 года*

Здесь имеется клиника для туберкулезных, где за короткий срок малыши так здороваются, что матери их не узнают и чуть ли не жалуются, что им подменили ребенка. Так было до войны. Но клиника работает и сейчас, хотя молочные “лимиты” крайне ограничены: на все отделения полагается в сутки 200 граммов сливок. Их распределяют буквально по каплям.

Но к этому добавляется соевое молоко и молочный порошок, разведенный в воде. Как бы там ни было, но многие дети выглядят хорошо, а иные — даже прекрасно.

Аркаша Федотов зимой был так слаб и тих, что для него был готов уже “смертный листок”. Казалось невозможным, чтобы ребенок выжил. Теперь это розовый, толстый мальчишка, самый громогласный из всех.

Очень хорош также и Юра Золотой (это его фамилия). Мать умерла во время родов. Отец — на фронте. Пишет благодарственные письма.

В светлых детских комнатах стулья и столы трех размеров (для трех возрастов): крошечные, маленькие и небольшие. Как в сказке.

Мы пришли утром. А ночью был сильнейший обстрел институтской территории. Верхушки тополей срезаны, как ножом. Сорванное кровельное железо кусками повисло на ветвях. Вылетело 3 000 квадратных метров оконных стекол, недавно только вставленных после предыдущего обстрела...

...В институте существует единственное в своем роде отделение для недоносков. Замокрыш, весивший при рождении 650 граммов и сфотографированный рядом с обыкновенной молочной бутылочкой, которая больше его, в годовалом возрасте получил первую премию на конкурсе здоровых детей.

Таких недоносков кормят специальным маленьким зондом со стеклянной воронкой. На зонде ниточкой отмечено, до каких пор его можно опускать в желудок. Расстояние крошечное, но глубже нельзя: тотчас же начинается желтуха.

Институтскую лабораторию (снаряд ударил здесь совсем рядом) при нас приводили в порядок: выносили разбитые приборы, выметали осколки, смахивали густую пыль. А ведь только накануне все это было заново установлено после тяжелой зимы.

Зимой лаборатория занималась, между прочим, и тем, что из запасов институтской олифы — она была изготовлена на чистом льняном масле — снова химическим путем было извлечено это масло (180 кг) и роздано для еды сотрудникам.

В настоящее время здесь идет уже подготовка к новому ремонту. И я подумала, не перегонят ли изобретательные лаборанты остатки льняного масла обратно в олифу.

Во время обстрела никто из детей не пострадал: все были спущены в бомбоубежище со своими матрасиками. Внезапно погас свет, и пока его не наладили, дети, лежа в темноте, все время повторяли:

– Мы здесь. Не наступите на нас.

Недоношенный новорожденный, ЛПМИ, 1942 год

В эту ночь, тоже в бомбоубежище, родилось трое детей: две девочки и мальчик Виктор весом в 2 500 граммов»¹⁴.

Много позже (для жителей блокадного Ленинграда время тянулось медленно), советские государственные деятели, А.И. Микоян и А.Н. Косыгин, хорошо знавшие положение с продовольствием в Ленинграде, ознакомившись с материалами доклада проф. Ю.А. Менделевой «О дистрофии и ее последствиях для детей», сделанного в Москве на Ученом совете НКЗ РСФСР, подготовили специальное распоряжение (8 сентября 1943 г.), в соответствии с которым для обеспечения малолетних детей и больных свежим молоком пригородным совхозам Ленинграда было выделено 1000 голов молочного скота из Вологды и Ярославля. В связи с этим 22 сентября 1943 года бюро горкома партии принимает постановление «Об организации молочного хозяйства в пригородных совхозах г. Ленинграда». Было решено создать там за счет завозимых и имевшихся коров молочно-животноводческие фермы с общим числом в 2074 головы крупного рогатого скота¹⁵. Собственно, 23 октября 1942 года при Педиатрическом институте была организована молочная ферма, состоящая всего из трех породистых коров. За 69 дней до конца года они дали 870 л молока, а в следующем году рекордный надой в 12 000 литров, то есть по 4000 литров с коровы. В 1943 году молочная ферма получила пополнение в виде 7 коров.

Молоко, получаемое от этих коров, было незаменимым продуктом питания для пациентов клиник института.

В 1941–1942 годах сотрудники и студенты ЛПМИ, как и все ленинградцы, испытывали хроническое психоэмоциональное перенапряжение, обусловленное осадным положением города, страхом за жизнь родных и близких, их смертью, обстрелами и бомбардировками. Тяжелые условия труда и быта на

¹⁴ Инбер В.М. Избранные произведения. Т.2. М., 1954. С. 346–348).

¹⁵ Гладких П.Ф. Здоровоохранение блокадного Ленинграда. Изд. второе, перераб. и доп. Л.: Медицина, 1985. С. 87–88.

В подсобном хозяйстве ЛПМИ

фоне голода вызвали у них проявления алиментарной дистрофии, авитаминозов, возросла заболеваемость гипертонической болезнью¹⁶.

В связи с пожаром на Бадаевских складах продуктовые карточки полностью не отоваривались, и дирекция ЛПМИ открыла в административном корпусе столовую, в которой сотрудники могли получать питание в пределах карточных норм. Для студентов и сотрудников в институте были организованы пункты лечебного питания.

По воспоминаниям О.Ф. Тарасова: «Едой для сотрудников обычно был один черпак супа, состоящего из мучной болтанки. Для сильно дистрофированных сотрудников силами дирекции был создан пункт питания... Самыми трудными выдались дни в конце января 1942 года. Прекратилось водоснабжение института, и сразу же под угрозой остановки оказался весь производственный

¹⁶ Хромов Б.М., Свешников А.В. Здоровоохранение Ленинграда. Л., 1969. С. 90.

Врач М.С. Колтунов

корпус с его кухнями и котельной. Непомерные тяготы легли на пожарников: нам предстояло в бочках возить воду с Малой Невы. 4–5 изможденных голодных женщин тянули на себе по Батениной улице санки с установленной на них бочкой с водой. За день удавалось привезти 3–4 бочки».

В институтской поликлинике приемы были прекращены, в ее кабинетах был организован медицинский пункт по оказанию помощи сотрудникам Института. Здесь заболевший мог получить медицинскую помощь, больничный лист, направление на госпитализацию, талоны на дополнительное питание в столовую МПВО. Возглавлял работу медпункта врач М.С. Колтунов.

Наиболее истощенных голодом и холодом сотрудников и студентов помещали в специально созданные стационары, где ослабевшие люди могли отдохнуть, подлечиться и набраться сил.

Продукция витаминного отдела в условиях блокады оказала неоценимые услуги в деле лечения и сохранения жизни многих людей. В рацион питания были введены пищевое масло, выделенное из натуральной олифы, и витамин С из хвои, полученные на кафедре неорганической химии начальником химической лаборатории МПВО и заведующим кафедрой общей химии доцентом М.М. Котоном, который позже писал: «В первую блокадную зиму... появилась мысль использовать олифу, которая представляет собой льняное масло, содержащее ряд соединений металлов, вредных для организма. Задача очистить олифу была непростой, но мы с ней справились... были получены сотни килограммов льняного масла... Его выдавали небольшими порциями (по 100–200 граммов) больным, медперсоналу Педиатрического института, жителям не только Выборгского, но и других районов города... Масло спасало людям жизнь. Для борьбы с дистрофией, авитаминозом лаборатория стала изготавливать настой, содержащий витамин С (из хвои)... В удивительном действии витаминного настоя мы

быстро убедились. Люди, которые не могли встать с кровати (а таких было много среди наших студентов), после 5–7 дней регулярного приема хвойного настоя не только вставали, но и сами приходили в лабораторию за очередной порцией. Это нас радовало, вдохновляло»¹⁷.

Весной 1942 года постепенно восстановилась работа электростанции, водопровода и канализации. Белье стали отправлять для стирки в городскую прачечную. Возобновились школьные занятия, дети стали гулять. Пошли трамваи. Появилась молодая крапива и другие травы, пригодные в пищу. Вся территория института была превращена сотрудниками в огород.

Н.Н. Келер вспоминала: «Мы с детьми обработали маленький участок возле клиники и засадили морковкой. Дети охотно ухаживали за своим огородом, ожидая урожая, но к нашему ужасу морковь стали поедать крысы».

Желающим выделяли участки под огород в подсобном хозяйстве на Ржевке, но ездить туда было небезопасно из-за участившихся обстрелов города. Только наличие подсобного хозяйства дало возможность институту в самый критический момент — в начале 1942 года — открыть пункт лечебного питания для работников института, студентов, профессорско-преподавательского состава, чем была также спасена не одна жизнь.

Институт оказался в выгодном положении, владея свыше 10 лет налаженным подсобным хозяйством на участке в 103,5 га в черте города. Продукты распределялись среди наиболее нуждающихся сотрудников и студентов и поддерживали их. Благодаря всем этим мероприятиям институт имел минимальные потери от голода. Это позволило сосредоточить внимание на детях, а дети поступали очень тяжелые.

Бригада работников подсобного хозяйства Ленинградского педиатрического медицинского института за сбором яблок, 1943 год

¹⁷ Память: Письма о войне и блокаде. Вып. 2. Л. : Лениздат, 1987. 734 с.

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

Дети с явлениями алиментарной дистрофии нуждаются в особенно чутком, любовном и внимательном к себе отношении со стороны всего медицинского персонала; только при этом условии сравнительно легко удастся добиться их доверия и повысить эмоциональный тонус, что тоже является одним из необходимых условий успешного лечения истощенного ребенка».

**А.Ф. Тур, главный педиатр
блокадного Ленинграда**

ПОМОЩЬ РАНеным И БОльНЫм ДЕТЯм. БЛОКАДНЫЕ БОЛЕЗНИ

Большая нагрузка ложилась на приемное отделение. Здесь оказывалась первая помощь всем пострадавшим при артобстрелах вблизи института, принимались дети, травмированные и больные, в основном с тяжелой дистрофией, инфекционными заболеваниями, а затем направлялись на лечение в бомбоубежища тех зданий, где до войны располагались клиники.

Большой наплыв раненых и больных детей был у сотрудников хирургической кафедры и клиники ЛПМИ, где оказывалась разнообразная хирургическая помощь детям Ленинграда. Сюда поступало много детей с травмами, ожогами, ранениями, полученными при артобстрелах и бомбёжках города.

Кафедру до 1946 года возглавлял доцент Н.Э. Берг, ассистентом был Н.Е. Сурин, курс ортопедии вел В.А. Штурм. Профессора Н.Э. Шварц и Н.А. Козловский погибли в блокаду.

В клинике в 1943 году начала работать только что окончившая институт К.Л. Дрейер — в блокаду операционная сестра, затем — ординатор клиники детской хирургии, ассистент, доцент кафедры детской хирургии, позже — кандидат медицинских наук.

11.11.1942 г. в газете «На страже родины» был помещён фотоснимок, который не мог не вызвать «чувства жгучей ненависти к фашистским изуверам, терзающим великий город на Неве... Со снимка глядит ребёнок с не по-детски печальными глазами и горечью, затаившейся в опущенных уголках губ. Он стоит опираясь на костыли... Этому ленинградскому мальчику, Игорю Хицуну, три с половиной года. У него по колено нет левой ноги. Она обрублена осколком фа-

Сотрудники хирургического отделения ЛПМИ.

1-я справа доктор М.В. Дроздова, 2-й справа доктор Н.Е. Сурин, лето 1943 года

шистского снаряда». Сколько фотографий таких маленьких ленинградцев хранится в архивах, каждая из них — обвинительный документ фашизму, войне.

Много детей поступало с глазными и оториноларингологическими травмами. В первые же дни войны стал меняться профиль кафедр и клиник офтальмологической и лорпатологии.

В декабре 1941 года лор-клиника была сокращена до 10 коек и размещена в подвале хирургического корпуса. Основатель кафедры уха, горда, носа проф. Д.М. Рутенбург (1889–1961) в это время был в эвакуации. Заведывание отделением принял врач Н.У. Онисько. Он же единственный из больничных врачей-оториноларингологов в течение всего периода блокады работал в поликлинике и выполнял обязанности консультанта больницы. В эти годы вели занятия со студентами в поликлинике и принимали больных ассистенты кафедры С.С. Гробштейн и Н.А. Карпов.

В течение всей войны работала детская консультация ЛПМИ, в которой вели приём участковые педиатры и специалисты, осуществлялись амбулаторные операции, действовала школа матерей. В социально-правовом кабинете находились на особом учёте многодетные и одинокие матери. Для беременных,

Ребенок с дистрофией

в клинике ЛПМИ, 1942 год

и кормящих матерей удалось добиться выделения продуктов из ОРС (отдела рабочего снабжения) завода им. К. Маркса.

Основную массу поступающих в соматические отделения составляли дети с явлениями алиментарной дистрофии, гиповитаминозов. Дистрофия на почве недостаточного питания была хорошо знакома педиатрам. Алиментарные дистрофии под названием хронических расстройств питания составляли важнейшую главу учения о больном ребенке раннего возраста.

Голодание грубо нарушало все функции организма ребенка.

По данным стационара для больных дистрофией ЛПМИ, 64,5% всех больных были в возрасте от 9 до 15 лет. Дети этого возраста оказались в особенно неблагоприятных условиях. В период самого жестокого года (декабрь 1941 — февраль 1942 годов) дети старше 12 лет получали иждивенческий пищевой паек, т.е., как неработающие, что было совершенно недостаточно. Большинство детей этого возраста не имели доступ

Дети, пострадавшие от обстрела немецкой артиллерии:

Тамара Медведева (2-я слева), Алик Петров (3-я слева), Люся Гыцова (на коленях у медсестры), Галя Пурман (справа), 1943 год

к общественному питанию, при этом, многие из них помогали семьям, занимаясь тяжелым физическим трудом, работали, по ночам участвовали в тушении зажигалок и т.п.¹⁸ Около 25–30% больных дистрофией имели клинически диагностируемые отеки.

¹⁸ Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2: Труды Кафедр педиатрии действит. члена Акад. мед. наук, заслуж. деятеля науки проф. М.С. Маслова, чл.-кор. Акад. мед. наук, проф. А.Ф. Тура и проф. А.Б. Воловика. Отв. ред. проф. Ю.А. Менделева. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, ЛГПМИ; 1946.

В связи с этим, главными научными проблемами всего коллектива ЛГПМИ стали детальное изучение клиники, лечение и профилактика дистрофии и авитаминозов, их внешнее проявление, поражение различных органов, индивидуальное течение болезни, наложение на нее других заболеваний (пневмонии, туберкулеза, дизентерии, скарлатины, кори, хронических инфекций и др.), заметно осложнявших течение и лечение дистрофии и авитаминозов. Новаторскими были разработки патогенетического лечения дистрофии и ее осложнений, предложенные нашими педиатрами: А.Ф. Туром, А.Б. Воловиком, Э.И. Фридманом, Г.А. Николаевым и др.

В зависимости от показаний применялся комплекс мероприятий: диетотерапия, ферментотерапия, витаминотерапия, переливание крови, физиотерапия, лечебная физкультура, антибактериальная терапия (например, сульфидин).

Следующая таблица свидетельствует о структуре больных, находящихся в клинике ЛГПМИ, в зависимости от диагноза (таблица 1).

Таблица 1. Распределение больных детей по диагнозам болезней (в% к итогу) по состоянию на 1 января 1941–1944 гг. в клиниках Ленинградского государственного педиатрического медицинского института (по данным отчета главного врача Д.С. Тумаркина) [7]

Заболевания	на 1/1 1941 г. (за 1940 г.)	на 1/1 1942 г. (за 1941 г.)	на 1/1 1943 г. (за 1942 г.)	на 1/1 1944 г. (за 1943 г.)
Инфекции острые и хронические	34,6	20,6	9,7	19,1
Болезни органов дыхания	22,0	10,8	5,1	16,4
Болезни органов пищеварения	8,4	6,4	3,4	13,9
Травмы бытовые	4,5	2,2	0,5	3,7
Болезни нервной системы	3,9	3,1	4,3	6,4
Авитаминозы	0,4	1,1	4,1	3,2
Прочие болезни	20,2	20,6	20,0	19,4
Военные ранения	–	7,4	1,4	–
Дистрофии алиментарные	–	27,8	45,6	17,9
Всего	100%	100%	100%	100%

Алик Петров, 1943 год

Как видно из таблицы, в 1942 году отмечался резкий подъем заболеваний дистрофиями и авитаминозами, эта группа детей составила почти 50% всех больных наших клиник.

С 1943 года с улучшением материально-бытовых условий жителей Ленинграда наметилось снижение заболевания дистрофиями. Так, по материалам нашей больницы, число больных дистрофиями в 1943 году снизилось до 17,9% (почти в 3 раза), а заболевания авитаминозами — до 3,2%. К концу же блокады число больных уменьшилось, и в 1944 году наблюдались единичные случаи дистрофии в детском возрасте, если не считать хронических форм — атрепсий и гипотрепсий. Врачи в 1944 году делали все возможное для полной ликвидации специфической блокадной патологии, и заболеваемость детей приблизилась к довоенному времени.

А.Ф. Тур являлся активным членом Комитета по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозов, созданном при Ленгорздравотделе 21 апреля 1943 года. Его возглавлял известный терапевт профессор М.В. Черноуцкий.

Одним из направлений работы Комитета в 1944–1945 годах, наряду с решением организационно-методических и клинических вопросов, связанных с изучением клиники, патогенеза и патогенетического лечения, стало исследование остаточных явлений и последствий алиментарных дистрофий, пеллагры, а также связанных с ними нервно-психических расстройств. Сотрудники ЛПМИ внесли наибольший вклад, подготовив по данной теме 85 работ¹⁹.

Подробно клинику и патогенез дистрофии у детей изучал коллектив кафедры пропедевтики детских болезней под руководством профессора Аркадия Борисовича Воловика.

¹⁹ Из отчета Комитета по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозов о работе в первой половине 1944 г. Доступен по: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/194691-iz-otcheta-komiteta-po-izucheniyu-alimentarnoy-distrofii-i-avitaminozov-o-rabote-v-pervoy-pолоvine-1944-g-9-avgusta-1944-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 07.12.2023).

Он отмечал: «прежде всего, бросаются в глаза характерные изменения внешнего облика ребенка. Если в относительно легких вариантах дело идет лишь о более или менее значительном исхудании в связи с потерей некоторого количества подкожного жира, то в тяжелых случаях развивается глубокое истощение вплоть до настоящей кахексии. Такие больные представляют собой скелет, обтянутый кожей. Это выражение не является фигуральным, так как, помимо полной утраты подкожного жирового слоя, у детей наблюдается и резкая атрофия мускулатуры. Наряду с кахексией, у дистрофиков отмечаются и отеки — периферические (лица, кистей, стоп), либо полостные, а иногда и те и другие одновременно. Очевидно, о таких детях с большими общими отеками прежде говорилось: «опух от голода». Этому выражению нельзя отказать в меткости, хотя и можно усомниться в его точности, так как развитию отеков при алиментарной дистрофии могут способствовать и некоторые сопутствующее заболевания, как например, дизентерия. В ряде случаев отеки возникают в ранней фазе болезни, т.е. до развития явной кахексии, в других же гораздо позже, уже на фоне истощения. Они характеризуются также и неодинаковой стойкостью: то исчезают довольно быстро, то, наоборот, оказываются очень упорными, не поддаваясь никакой терапии»²⁰.

Описывались изменения всех органов и систем, в том числе со стороны центральной нервной системы, что сказывалось на поведении ребенка. В большинстве случаев развивалось депрессивное состояние различной интенсивности — от некоторой вялости и заторможенности до полной прострации. У некоторых же детей появлялось более или менее резкое возбуждение, иногда с тенденцией к явно агрессивным действиям и переходом в острый психоз.

²⁰ Воловик А.Б. Клиническая характеристика алиментарной дистрофии у ленинградских детей. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л., 1944. С. 48–53.

Врач Ольга Петровна Тимофеева
выслушивает больного. Март 1943 года

Заведующая 3-м отделением больницы врач Е. Жильцова (1-я слева), няня Т. Карпова (в центре) и врач-ординатор И. Ренне прощаются с выздоравливающей Ритой, 1943 год

Большие изменения выявлялись и со стороны кожных покровов, в частности, нарушение деятельности потовых и сальных желез. Отсюда у больных большая частота обморожений зимой 1941–1942 годов и крайне медленное заживление подвергшихся некрозу участков.

Многие дети с соматической патологией, осложненной дистрофией и авитаминозом, находились в факультетских клиниках.

В связи с отъездом проф. М.С. Маслова в составе Военно-медицинской академии в Самарканд, исполняющим обязанности заведующего кафедрой факультетской педиатрии ЛПМИ был назначен проф. Э.И. Фридман, трудились клинические и кафедральные сотрудники О.П. Тимофеева, Л.М. Биляк, Б.Д. Тварьянович, О.П. Тимофеева, Р.М. Муравина, Н.И. Тарасов.

В 1941 году наибольшее количество больных детей страдали пневмонией и колитами.

Школьные занятия с раненой девочкой Галей Пурман

Позже стали поступать исключительно дети с дистрофией в связи с долгим голоданием дома, в условиях бомбоубежища.

Заведующая первой факультетской клиникой К.П. Иванова-Глухова отмечала, что в клинике питание было значительно лучше, чем дома, но все же недостаточное, оно только поддерживало силы, дети становились несколько свежее, субъективное состояние улучшалось, но они не полнели, в весе не прибавляли. Для самых маленьких детей длительное пребывание в бомбоубежище без света и воздуха оказалось катастрофическим. Летальность в конце 1941 — начале 1942 годов была очень высокой.

До войны педиатрам не приходилось сталкиваться с выраженными формами детского скорбута (цинги), они были мало знакомы с особенностями его клинического течения, особенно у детей раннего возраста, которая известна под названием болезни Мёллер-Барлова.

Раненые дети в клинике ЛПМИ: Нина Михина (средняя за столом), Галя Пурман (стоит) после артобстрела, 1943 год

В течение 1942 года в клинике факультетской педиатрии среди 500 случаев скорбута у 190 детей наблюдалась форма Мёллер–Барлова. Самому юному из пациентов было 3,5 месяца, а самому старшему — 5 лет. Клинические симптомы этой формы заболевания не представляли каких-либо отличий в зависимости от возраста. У всех детей за некоторое время до появления характерной припухлости в области той или иной кости имелись болезненность, ограничение движений, ребенок терял аппетит, становился вялым, бледным, беспокойным. Дети поздно поступали в клинику, когда явно была выражена отечность и лихорадка.

Это сочетание лихорадки с ограничением подвижности и припухлостью конечностей поначалу дезориентировало врачей и в диагнозе фигурировали остеомиелит, травматическая гематома и даже полиомиелит. Однако, уже 6 мая 1942 года профессор Э.И. Фридман на заседании ленинградского общества детских врачей сделал доклад о блокадной форме скорбута, который широко разошелся среди педиатров и ошибочные диагнозы при направлении таких больных заметно сократились.

Э.И. Фридман писал, что правильно поставленная диетотерапия могла бы в значительной мере сократить применение различных медикаментозных препаратов, трансфузий крови и т.д. Однако в условиях блокады Ленинграда далеко не всегда можно было предоставить больным оптимальную в качественном отношении пищу. В первую очередь приходилось заботиться о достаточном калораже пищи, который покрывался главным образом углеводами. Пища, по возможности, обогащалась жирами и белками (консервированное молоко, казеин, соевый творог, яичный порошок и, в меньшей степени, мясо), а недостаток минеральных веществ в ней покрывался в известной мере костной мукой, препаратами кальция, фосфора, железа.

С осени 1942 года возможности диетотерапии в клиниках Педиатрического института значительно расширились благодаря новому урожаю овощей с огородов подсобного хозяйства, заготовкой витаминных соков и получением свежего коровьего молока для детей.

Раненые дети в клинике ЛПМИ: Нина Михина, Алик Петров (на переднем плане), 1943 год

Благодаря этому удалось в некоторой мере центр тяжести в лечении дистрофий и скорбута перенести на диетотерапию и сократить применение различных парэнтеральных методов²¹. Эта работа проводилась в сотрудничестве с Всесоюзным научно-исследовательским витаминным институтом (директор — профессор А.А. Шмидт) и при консультировании профессора С.М. Рысса (заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней Ленинградского санитарно-гигиенического института), которые обеспечивали детей необходимыми лечебными витаминными препаратами.

Проблема дистрофий и авитаминозов была также в центре внимания кафедры госпитальной педиатрии под руководством А.Ф. Тура. Он обращал внимание врачей и медсестер на то, что «...дети с явлениями алиментарной дистрофии нуждаются в особенно чутком, любовном и внимательном к себе отношении со стороны всего медицинского персонала; только при этом условии сравнительно легко удастся добиться их доверия и повысить эмоциональный тонус, что тоже является одним из необходимых условий успешного лечения истощенного ребенка»²².

Кроме того, в ведении кафедры А.Ф. Тура находились отделения физиологическое, новорожденных и недоношенных детей. Он отмечал негативное воздействие на этих детей изменение привычного для них образа жизни. Частые сигналы «воздушной тревоги», перевод по нескольку раз в течение дня в бомбоубежище, нарушали режим сна, бодрствования и питания этих детей.

С начала сентября 1941 года в связи с участвовавшими вечерними и ночными воздушными налетами врага детей спускали в

²¹ Фридман Э.И. Синдром Меллер-Барлова у детей и его лечение. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л., 1944. С. 54–56.

²² Тур А.Ф. Особенности клиники, течения и лечения алиментарных дистрофий у детей. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л., 1944. С.38-47.

Осмотр ребенка в клинике ЛПМИ, 1943 год

бомбоубежища ежедневно с 5 часов вечера и до 8 часов утра, а с 20 ноября были вынуждены переселить детей в бомбоубежище на постоянное жительство. Здесь они и провели почти 6 месяцев, до 14 мая 1942 года, всего 175 дней.

Условия в бомбоубежищах противоречили нормальному развитию ребенка: не имелось стеклянных окон, а единственное герметически закрывающееся окно-лаз можно было использовать лишь для проветривания помещения в те дни, когда на улице было не очень холодно и детей выносили на прогулку.

Несмотря на то, что бомбоубежище физиологического стационара имело приточно-вытяжную вентиляцию, пользование ею было сильно ограничено частыми перебоями

в подаче электроэнергии. Температуру воздуха удавалось поддерживать в пределах 12–15 °С, главным образом электронагревательными приборами и теплом надземных помещений, имевших печное отопление.

Сравнительно быстро начала развиваться сырость.

«Если к этому добавить, — писал А.Ф. Тур, — что не было отдельной горшечной, не было водопровода и достаточного количества теплой воды и нечего было думать об использовании какой-либо дополнительной манежной площади в часы бодрствования детей, то станет ясным, что налицо были все условия для заболевания детей рахитом и малокровием, для развития у них физического и психического госпитализма»²³.

Персонал (врачи, сестры) работали в верхней одежде, надев на нее халат, и в валенках. Врачебный осмотр ребенка, пеленание его сестрой создавали угрозу охлаждения ребенка. Не удивительно, что в этом периоде значительная часть детей погибла от таких заболеваний, как склерома, склерема и пневмония.

Отделение для недоношенных детей тоже было переведено в бомбоубежище, там не было вентиляции, было сыро, отапливался подвал плохо устроенной времянкой с трубой, выведенной в окно, времянка вечно дымила, в убежище производилась стирка и сушка пеленок, часто не было электроэнергии и тогда приходилось пользоваться «коптилками», не было ванны и кипятильника, часто не хватало дров, мало было воды.

Условия питания детей были очень далеки от нормы: не хватало грудного молока, приходилось рано вводить докорм и переводить детей на искусственное вскармливание, почти отсутствовали овощи и т.д.; не было и многих медикаментов.

Пока не было сильных морозов, детей из бомбоубежища выносили на прогулку в сад или помещение клиники на пол-

²³ Тур А.Ф. Режим жизни и питания детей в условиях войны и блокады. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л., 1944. С. 20–21.

Раненые дети в клинике ЛПМИ: Тамара Медведева, Андрияша Петров, Галя Пурман (слева направо), 1943 год

тора — два часа. В конце ноября 1941 года, когда наступили сильные морозы, прогулки пришлось прекратить совсем

Конечно, в таких условиях дети развивались хуже, чем в мирное время, они отставали в весе, были более малокровны, имели проявления рахита. Однако и в этих тяжелых обстоятельствах персоналу удалось сохранить почти всех детей. Во главе клиники новорожденных и недоношенных детей бесменно оставалась врач М.А. Зингер, которая не прекращала работу, хотя и сама в 1941–1942 годах страдала от тяжелой дистрофии.

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

В период особенно глубокого голодания (1-е полугодие 1942 г.), число мертворождений повысилось более чем вдвое против обычного (до 5,6%), число детей, родившихся недоношенными, достигло небывало высоких цифр (41,2%). Число доношенных детей с большим весом при рождении резко снизилось, и, наоборот, резко увеличилось число маловесных детей. Физиологическое падение в весе продолжалось дольше обычного, и величина средней потери веса была больше обычной. Заболеваемость новорожденных детей в этом периоде была необычно высока (32,3%), что отчасти должно быть поставлено в связь с их низкой жизнеспособностью. Среди заболеваний первое место занимали склередема и склерема, пневмония.

**А.Н. Антонов, профессор кафедры
госпитальной педиатрии ЛПМИ**

МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО В БЛОКАДУ

В книге «Материнство и детство в блокадном Ленинграде» член-корреспондент РАН В.Б. Симоненко отмечает, что в 1942 году ленинградские женщины на фоне голода «страдали атрофией матки, климактерическими невротами с сопутствующими симптомами (тошнота, головокружения, учащённое сердцебиение), у многих женщин наблюдались депрессивное состояние. Диагноз «аменорея военного времени» наблюдалась зимой 1941–1942 годов у 80–85% женщин репродуктивного возраста, осенью 1942 года процент заболеваний уменьшился до 64%...»

Зимой 1941–1942 годов возросла общая смертность новорожденных, достигшая 35–37%. Подробную клинико-статистическую характеристику новорожденных периода блокады Ленинграда дал профессор кафедры госпитальной педиатрии А.Н. Антонов, принявший на себя заведование одним из отделений.

Он писал: «В период особенно глубокого голодания (1-е полугодие 1942 г.), число мертворождений повысилось более чем вдвое против обычного (до 5,6%), число детей, родившихся недоношенными, достигло небывало высоких цифр (41,2%). Число доношенных детей с большим весом при рождении резко снизилось, и, наоборот, резко увеличилось число маловесных детей. Физиологическое падение в весе продолжалось дольше обычного, и величина средней потери веса была больше обычной. Заболеваемость новорожденных детей в этом периоде была необычно высока (32,3%), что отчасти должно быть поставлено в связь с их низкой

В клинике ЛПМИ, 1944 год

жизнеспособностью. Среди заболеваний первое место занимали склередема и склерема, пневмония»²⁴.

А.Ф. Тур уже в то время особое внимание обращал на причину смерти таких детей, которая еще не всеми признавалась: «Мы берем смелость категорически утверждать, что хотя это были недоношенные дети, хотя они рождены были матерями, сильно истощенными, часто с тяжелыми проявлениями цинги и иногда даже погибавшими вскоре после рождения ребенка, основная причина смерти таких детей не их врожденная неполноценность, а те дефекты обслуживания, которые, к сожалению, имели место в отдельных случаях, в частности неправильное питание и сильное охлаждение ребенка в первые часы и дни его жизни... Это подтверждается и тем, что жизнь громадного большинства таких же неполноценных детей от таких же больных и слабых матерей нам удавалось сохранить, если в родильных учреждениях они не подвергались значительному охлаждению, если в момент поступления в клинику они не имели обширных и резких проявлений склередемы, а ректальная температура у них была не ниже $36,0-36,5^{\circ}$ »²⁵.

²⁴ Антонов А.Н. Новорожденные периода блокады Ленинграда. Педиатрия. 1947. №3. С. 250–259.

²⁵ Тур А.Ф. Режим жизни и питания детей в условиях войны и блокады. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение; 1944: 20–30.

По данным А.Ф. Тура, в довоенное время количество недоношенных детей в Ленинграде не превышало 9–10% по отношению ко всем живым новорожденным, в январе 1942 года число недоношенных детей достигло 40,8%; в марте — 62%; в IV квартале 1942 года — 20,0%; в декабре 1943 года — 17,0%, в I полугодии 1944 года — 11,8%²⁶.

В 1942 году кафедра госпитальной педиатрии включила в свою систему еще два отделения для детей с тяжелыми формами алиментарной дистрофии, больных скорбутом и другими авитаминозами: одно из них (стационар № 1) организовала доцент Э.И. Раутенштейн, другое (бывшее карантинное отделение) — В.И. Халютин. Эти учреждения сыграли громадную роль в деле спасения детей с тяжелой дистрофией.

Сначала временное, а затем длительное содержание детей в бомбоубежище заставило выработать определенные правила жизни в них, специальные методы ухода за детьми.

Работая в таких условиях, сотрудники поставили себе задачу — не только сохранить жизнь и здоровье детей, но и добиться, насколько это возможно, нормального физического и психомоторного их развития. Благодаря самоотверженной работе медицинских работников в значительной мере удалось преодолеть тяжелые условия блокады и по возможности смягчить те трудности и лишения, которые выпали на долю ленинградских детей.

Признаки рахита, который легко мог развиваться у детей, проживших полгода в темном и сыром подвальном помещении, можно было отметить у многих; однако рахит был выражен у них не сильнее, чем у ленинградцев этого возраста вообще, ни у одного ребенка не имелось заметных деформаций

²⁶ Тур А.Ф. Алиментарные дистрофии у детей Ленинграда в 1941–1944 гг. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2: Труды Кафедры педиатрии действит. члена Акад. мед. наук, заслуж. деятеля науки проф. М.С. Маслова, чл.-кор. Акад. мед. наук, проф. А.Ф. Тура и проф. А.Б. Воловика. Отв. ред. проф. Ю.А. Менделеева. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, ЛГПМИ, 1946. С. 5–15.

конечностей, грудной клетки или черепа. Из 19 детей, достигших возраста 1 года и больше, у 3 было меньше 6 зубов, у 6 — от 6 до 8 зубов и у 10 — от 10 до 20 зубов; у 2 самых маленьких, имевших к этому времени 8–9 месяцев, было по 1 зубу.

Вопреки ожиданию, сохранился почти без изменения количественный и качественный состав красной крови.

Удовлетворительные результаты наблюдались в отношении развития моторики у детей.

У 7 детей моторика была совершенно нормальная, в возрасте 1 года 5 месяцев они свободно ходили, не только по гладкому полу, но и по садовой дорожке. Некоторое незначительное отставание двигательных умений от нормы отмечалось у 11 детей, и только у 3 детей можно было отметить более или менее значительное отставание в развитии моторики.

«Этой краткой характеристики, — писал А.Ф. Тур, — детей нашего коллектива вполне достаточно для утверждения, что, несмотря на тяжелые и неблагоприятные условия жизни в бомбоубежище, мы смогли предупредить почти у всех детей развитие физического и психомоторного госпитализма.

Какие же средства и меры использовали мы для достижения этих, на наш взгляд, вполне удовлетворительных, результатов?

Первое и самое главное — это безусловно преданное, добросовестное и любовное отношение к делу всего персонала; без этого добиться более или менее хороших результатов было бы невозможно.

Второе — правильное построение режима жизни и воспитания ребенка, применительно к необычным условиям жизни в бомбоубежище и, конечно, с достаточно строгим учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Третье — весьма существенное — это правильное, строго индивидуальное питание детей».

Особенно большое внимание обращалось на предупреждение заноса инфекций, не допускалось никакого снижения

требований в отношении строгой изоляции коллективов детей от контакта с посторонними детьми и взрослыми.

Позже, в 1944, А.Ф. Тур писал, что не вполне удалось предупредить внутриучрежденческого инфицирования детей²⁷. Объясняется это тем, что бомбоубежище, в котором жили дети, в первое время имело контакт со смежными отсеками, в которых укрывались посторонние и ночевали дети, проживавшие на территории института. Отсюда проникла корь и ветряная оспа; источник заноса дифтерии остался невыясненным. В период наибольших трудностей с водоснабжением и с питанием была небольшая вспышка кишечных заболеваний колитного характера. Надо отметить сравнительно большое количество катаральных конъюнктивитов, несомненно, связанных с использованием для освещения «коптилок», пылью от бетонированного пола и плохо побеленных стен.

Эти случайные инфекции сильно осложняли и затрудняли работу отделения, особенно принимая во внимание отсутствие при бомбоубежище изолятора, невозможность пользоваться из-за тесноты помещения переносными боксами, недостаточное количество теплой воды, большие задержки со стиркой белья и т.д.

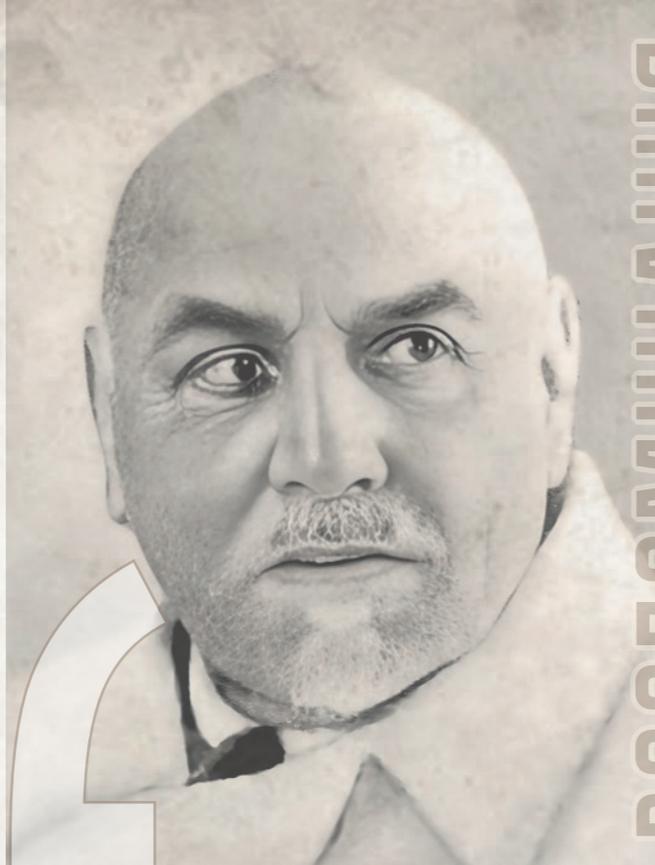
Кафедра и клиника акушерства поздней осенью 1941 года, когда вышло из строя цен-

²⁷ Тур А.Ф. Режим жизни и питания детей в условиях войны и блокады. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, 1944. С. 20–30.

В клинике ЛПМИ, 1944 год

1942

ВОСПОМИНАНИЯ

Само собой понятна необходимость хотя бы скудного освещения, теплой воды, возможности поддержания в асептическом состоянии рук врача и предметов ухода, наличия чистого белья и, что особенно было трудно в условиях суровой зимы 1941–1942 гг., поддержания надлежащей температуры в помещениях, предназначенных для ведения родов, чтобы согреть как обнаженную мать, так и новорожденного. Даже этих минимальных условий для акушерской работы многие отделения не могли иметь и для их создания медицинским работникам часто приходилось предпринимать героические усилия: согреть воду и помещение, осветить палату, дать женщине, только что родившей, горячую пищу.

Заведующий кафедрой и главный акушер-гинеколог города, профессор К.К. Скробанский

тральное отопление, должна была, сократив объемы своей работы, переехать в другое приспособленное помещение, которое можно было отапливать с помощью времянок. Заведующий кафедрой и главный акушер-гинеколог города профессор К.К. Скробанский писал: «Само собой понятна необходимость хотя бы скудного освещения, теплой воды, возможности поддержания в асептическом состоянии рук врача и предметов ухода, наличия чистого белья и, что особенно было трудно в условиях суровой зимы 1941–1942 годов, поддержания надлежащей температуры в помещениях, предназначенных для ведения родов, чтобы согреть как обнаженную мать, так и новорожденного. Даже этих минимальных условий для акушерской работы многие отделения не могли иметь и для их создания медицинским работникам часто приходилось предпринимать героические усилия: согреть воду и помещение, осветить палату, дать женщине, только что родившей, горячую пищу»²⁸.

Все от врача до санитарки не покидали своих постов и старались сделать в этих условиях все, что от них зависело.

С конца 1941 года и все годы войны кафедру акушерства и гинекологии возглавлял ученик К.К. Скробанского И.И. Богоров. Он сосредоточил свое внимание на изучении патологии женщин в условиях военного времени, специфике медицинской помощи беременным в женских консультациях и на предприятиях, а также на вопросах организации ухода за новорожденными и недоношенными детьми²⁹.

Рождаемость сократилась. В 1940 г. показатель рождаемости по Ленинграду составлял 25,1 на 1000 населения, в 1941 году — 25,0‰, в 1942 году — 6,4‰, в 1943 году — 12,6‰, в 1944 году — 30,5‰, в 1945 году — 38,0‰.

Соответственно сокращалось число родов по сравнению с 1940 г.: в 1942 г. — в 7,9 раз, а в 1943 г. — в 10,4 раза. Реальный рост рождаемости начинается с 1944 г.

А вот данные по родильному дому ЛПМИ о количестве родов, которые были приняты по кварталам 1941–1944 годов:

²⁸ Скробанский К.К. Родовспоможение и течение беременности и родов в первые 11 месяцев блокады (с июля 1941 г. по май 1942 г.) // Сборник работ членов Ленинградского акушерско-гинекологического общества за время войны и блокады. — Ленинград: Гос. изд-во мед. лит. Ленингр. отд. 1943. Вып. 1. С. 1–8.

²⁹ Богоров И.И. Об особенностях работы женских консультаций Ленинграда по обслуживанию беременных в период блокады 1941–1942 гг. // Сборник работ членов Ленинградского акушерско-гинекологического общества за время войны и блокады. Ленинград: Гос. изд-во мед. лит. Ленингр. отд. 1943. Вып.1. С. 92–96.

1941 г.: III кв. — 651, IV кв. — 418.
1942 г.: I кв. — 450, II кв. — 176, III кв. — 65, IV кв. — 20.
1943 г.: I кв. — 88, II кв. — 135, III кв. — 118, IV кв. — 280.
1944 г.: I кв. — 338.

Число родившихся детей по полугодиям 1941-1944 гг.:

1941 г. 2-е полугодие — 1 049;
1942 г. 1-е полугодие — 409, 2-е полугодие — 84;
1943 г. 1-е полугодие — 217; 2-е полугодие — 387;
1944 г. 1-е полугодие — 636 .

С улучшением условий питания и быта беременных женщин происходило постепенное восстановление физического состояния новорожденных и приближение к норме реакции их на различные патогенные факторы.

Дети, рождавшиеся в конце 1941 и 1942 годах от сильно истощенных матерей, были очень малого веса и отличались крайне низкой жизнеспособностью. У матерей же, как правило, было очень скудное количество молока, а потому много новорожденных уже в первые дни приходилось докармливать искусственными смесями, приготовленными из коровьего молока или его суррогатов (сгущенное коровье молоко, сухое молоко и т.д.).

Большое количество преждевременных родов, наличие врожденной слабости у многих детей, родившихся в срок, но с низким весом, описанные выше крайне неблагоприятные условия для ухода за новорожденными и их вскармливания — все это вполне объясняет высокие цифры смертности новорожденных детей в период 1941 и 1942 годов.

Изучение показателей физического развития детей, в том числе новорожденных, в ЛПМИ проводилось на кафедре организации здравоохранения под руководством Ю.А. Менделевой и С.А. Новосельского.

Материалами служили истории болезни акушерской клиники ЛПМИ и других родильных домов, а также отчетные данные 18 ясельных учреждений Ленинграда. Война и блокада

крайне неблагоприятно отразились на физическом развитии ленинградских новорожденных детей: по данным акушерской клиники ЛПМИ в 1942 году средняя масса тела их уменьшилась, по сравнению с 1940 годом, в среднем больше чем на 600 г, рост — на 2 см, окружность головы и груди — почти на 1,5 см³⁰.

Антропометрическое обследование ясельных детей показало также некоторое отставание веса и роста этих детей от средних норм, причем оно было более выражено для веса, чем для роста. Отставание среднего роста ясельных детей от средних норм (на 4–5%) отмечалось во всех возрастах с 1-го месяца до 3 лет. Средний рост ясельных детей несколько отставал в основном в возрасте от 1,5 до 3 лет³¹.

Резко пониженное питание наблюдалось в 1942 году у детей дошкольного возраста. 50–60% детей в детских садах имели признаки дистрофии II–III степени. По данным медицинских осмотров, в некоторых школах 96% детей страдали дистрофией и рахитом. Эти дети брались под тщательное наблюдение, им проводилась соответствующая терапия. Произведенные в конце блокады (конец 1943 г.) обследования детей дошкольного и школьного возраста в детских садах и школах Ленинграда также выявили отставание их физического развития. Средний рост отставал во всех возрастных группах в пределах 1,5–5,5 см. Отставание среднего веса в возрасте 3–5 лет не отмечалось, у детей в возрасте 6–14 лет наблюдалось отставание в пределах 1–3 кг, более выраженное в группах 13–14 лет. Улучшение показателей физического развития началось с 1944 г.

Учеными нашего Института были разработаны рекомендации, предусматривающие существенное усиление мероприятий по охране здоровья беременных женщин и детей, особенно в отношении надлежащего их питания (белки, жиры, витамины). Восстановлению физического развития новорожденных в Ленинграде до довоенного уровня способствовало тщательное проведение мероприятий по антенатальной профилактике.

По данным детских поликлиник, в 1945 году 83–93% детей имели нормальное физическое развитие.

³⁰ Менделева Ю.А. Физическое развитие новорожденных в Ленинграде. В кн.: Вопросы охраны материнства и детства. Период войны и блокады: Сборник трудов Кафедры организации здравоохранения Ленингр. гос. педиатр. мед. ин-та. Под ред.: проф. Ю.А. Менделевой, действ. чл. Акад. мед. наук, проф. С.А. Новосельского и проф. А.Н. Антонова. Л.; 1946: 51–63.

³¹ Новосельский С.А. О физическом развитии новорожденных и ясельных детей в Ленинграде в военное и послевоенное время. В кн.: Демография и статистика. М., 1978: 250–252.

1943

ВОСПОМИНАНИЯ

...Случай позволил мне увидеть в истерзанном войной Ленинграде это замечательное учреждение, продолжающее работать, несмотря на блокаду, голод, холод, учреждение, держащее высоко в руке факел науки, который нацисты пытаются угасить. Ведение научной работы и в то же время активное участие в деле борьбы с врагом — замечательное достижение Педиатрического института.

Генри Шапиро — корреспондент информационного агентства «Юнайтед пресс» США, побывавший в ЛПМИ в 1943 году

БЛОКАДНЫЕ ИНФЕКЦИИ. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭПИДЕМИИ

В августе 1941 года в своем кабинете умер профессор П.С. Медовиков — основатель кафедры детского туберкулеза. Ее возглавил доцент С.И. Волчок.

В блокаду подавляющее большинство детей наряду с туберкулезом страдали алиментарной дистрофией и скорбутом, что обусловило особенности течения болезни. Отягощали ее и условия подвального помещения, отсутствие столь важного лечебного фактора, как свежий воздух, наконец, питание, не отвечающее требованиям диеты туберкулезного больного, так как пища содержала мало жиров, белков и витаминов.

Нацеленность врачей на алиментарную дистрофию и скорбут обуславливали отсутствие в диагнозе направления указаний на туберкулез; поэтому дети поступали в соматические отделения института, и только там у них обнаруживали туберкулезный процесс.

Сотрудники клиники туберкулеза детского возраста А.Э. Певзнер, С.Б. Адельберг, Ц.Л. Бибикова отмечали, что по сравнению с довоенным временем в 2,5 раза уменьшился процент локальных форм легочного туберкулеза; в то же время отмечалось некоторое увеличение частоты диссеминированного туберкулеза легких и, особенно, тяжелых форм туберкулеза органов брюшной полости. Во всех возрастных группах повысилась летальность от туберкулеза, главным образом у детей дошкольного и школьного возраста.

Все инфекционные больные в годы блокады обязательно госпитализировались. В ЛПМИ продолжала работать кафедра и клиника детских инфекционных болезней.

*Доцент М.М. Котон, заведующий кафедрой
общей химии (справа)
и ассистент кафедры И. А. Чернов, 1942 год*

Заведующий — профессор М.Г. Данилевич был в эвакуации. Всю работу в клинике в эти годы организовывала Л.А. Колчанова. Большинство оставшихся сотрудников были переведены на казарменное положение. Бесменно трудились врачи В.А. Парфенова, В.А. Халюткина, А.П. Сони́на.

В первую инфекционную клинику госпитализировались дети с разными инфекциями, вторая была полностью выделена для больных дифтерией.

Центральное отопление здесь также не работало, дров не было. Санитарки сами складывали печурки из кирпича в палатах и боксах, трубы от этих печурок выходили прямо в форточки, а для топки сами разбирали деревянные дома, брошенные жильцами, сами пилили и кололи привезенные на себе дрова. Весь деревянный забор, которым была обнесена клиника, был разобран на отопление боксов. Водопровод не работал, приходилось топить снег и готовить пищу на этой воде. Хлеб выдавался строго по норме, и эта норма отвешивалась для каждого ребенка сестрой-хозяйкой. Сотрудники для себя варили суп из листьев барбариса и шиповника, растущего в саду, а весной в пищу широко пошли подорожник, крапива и лебеда.

Во время бомбежек детей спускали в подвал, иногда из-за частых воздушных тревог приходилось совершать это по несколько раз в день.

В эти трудные годы команды студентов помогали уберечь здания института от враже-

*В клинике профессора М.С. Маслова. Медсестра А.В. Николаевна
одевает выздоравливающих детей на прогулку. 1944 год*

ских «зажигалок» и возникающих пожаров. Среди них были и будущие сотрудники кафедры Л.А. Антипова, З.Г. Булаткина, О.А. Алексеева, А.Д. Швалко.

Продолжал свою работу и небольшой коллектив кафедры и клиники кожных болезней. Заведующий — профессор С.Я. Голосовкер по болезни был эвакуирован в г. Свердловск, а заведующая клиникой кожных и венерических заболеваний М.Н. Ушкова призвана военным врачом в действующую Армию.

Обязанности заведующей кафедрой в годы войны и блокады исполняла доцент Э.И. Раутенштейн, отделением руководила ассистент А.М. Глезер (1941–1944).

С конца 1941 до мая 1942 годов отделение находилось в убежище, в темном подвальном помещении. Из 35 коек 20 в самые тяжелые месяцы блокады отдали для лечения больных дистрофи-

ей, но 15 штатных мест продолжали функционировать. За весь 1942 год здесь получили лечение 108 детей. В основном это были больные пиодермией, чесоткой и врожденным сифилисом. Заболевания протекали на фоне тяжелой дистрофии и авитаминоза. Проводилось полноценное комплексное лечение, включая гемотрансфузии. После перевода клиники из подвального помещения, заметно улучшилось обслуживание больных детей.

Потрясающе, но в те годы практически не было больных экземой и нейродермитом!

Все годы блокады не прекращали работу вспомогательные отделения. В бактериологической лаборатории врачи Л.Г. Гефтер, Р.А. Алексеева и лаборант Э.В. Розова обеспечивали проведение необходимых бактериологических исследований для клиник и учебный процесс.

В рентгенологическом отделении в связи с мобилизацией врачей в 1941–1942 годах остались доктора Р.С. Левин и М.А. Топоркова. Все сотрудники находились на казарменном положении. В эти годы работал только один аппарат в поликлинике. Помещение отапливалось чугунной печкой с трубой, выведенной в окно. Врачи работали в пальто. Дети со всех отделений для обследования приносились в поликлинику, смотрели их, почти не раздевая. Из-за обстрелов не действовали водопровод и трансформаторная подстанция, рентгенологический аппарат поликлиники часто выходил из строя. В 1943–1944 годах профессором Р.С. Левиным в бомбоубежище проводились общегородские курсы для врачей педиатров по рентгенодиагностике детского туберкулеза.

Патология детей существенно менялась в разные периоды блокады, и педиатры тщательно отслеживали эти изменения. Так, в 1941–1942 годах в наиболее тяжелый период целый ряд болезней стал большой редкостью, например, дети почти не болели крупозной пневмонией, ревматизмом, ангинами, острым нефритом, бронхиальной астмой, т.е. заболеваниями, в патогенезе которых решающая роль принадлежит повышенной реактивности организма.

Кроме того, педиатры отмечали значительные изменения в самом течении некоторых заболеваний: в то время как одни болезни приняли более доброкачественный характер, другие протекали весьма тяжело. Одно из первых мест среди заболеваний, отличавшихся особенно тяжелым течением в этот период, занял туберкулез.

В связи с прорывом блокады Ленинграда в январе 1943 года его военное и экономическое положение начало меняться к лучшему. Приток людей из эвакуации носил еще ограниченный характер, и детское население Ленинграда на протяжении всего этого года увеличилось в основном лишь за счет повышения рождаемости. По существу, Ленинград продолжал оставаться замкнутым городом и это естественно наложило отпечаток на характер заболеваемости детского населения, которая имела довольно существенные отличия по сравнению с 1942 годом. Главным, без сомнения, было резкое уменьшение частоты алиментарной дистрофии у детей. Правда, тенденция к такому снижению наметилась еще во второй половине 1942 года но окончательное свое завершение она получила к концу 1943 года.

Вместе с тем изменилось и течение алиментарной дистрофии. Оно стало гораздо более благоприятным: перестали поступать дети с далеко зашедшими необратимыми случаями, с быстрым наступлением смертельного исхода вскоре после госпитализации. Редкими стали и такие прогностически неблагоприятные проявления болезни, как глубокая депрессия и резкая анорексия³².

По воспоминаниям А.Б. Воловика: «Условия жизни в осенне-зимний период 1942–1943 годов стали более благоприятными. Это отразилось положительно и на работе детских учреждений. Алиментарная дистрофия, авитаминоз стали

³² Воловик А.Б. Особенности патологии детей Ленинграда за время Отечественной войны. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, ЛГПМИ; 1946. С. 95–100.

встречаться все реже. Улучшилось состояние здоровья рожениц, увеличилась лактация у матерей, вновь стали работать пункты донорского молока при детских консультациях. Питание детей в яслях и детсадах, школьных столовых по калорийности приблизилось к довоенным нормам. Улучшились лечебные возможности детских больниц; педиатры начали шире применять гемотрансфузии, сульфаниламиды, витамины. Это привело к дальнейшему снижению больничной летальности. Если в конце 1942 года она составляла 5%, то к лету 1943 года уменьшилась до 0,94%, т.е. почти в 5,5 раз»³³.

Второй важной особенностью можно считать существенное снижение различных авитаминозов и, в частности, их выраженных и тяжелых форм. Это относится, главным образом, к цинге, вспышка которой весной и летом 1943 года значительно уступала (в 3 раза меньше) по своему масштабу тому же периоду 1942 года. Резко сократилась и частота болезни Барлова у малых детей; довольно редко наблюдались и выраженные формы пеллагры и полиневрита, равно как и кератомалиции.

Наряду с резким спадом в 1943 году заболеваемости дистрофией и авитаминозами, более благоприятное течение приобрел ряд других заболеваний, таких как туберкулез, дифтерия, бронхопневмония. Также более типичную клиническую картину представляли собой ветрянка, свинка, пневмония, что тогда расценивали как повышение сопротивляемости, иммунитета и общей реактивности детского организма по сравнению с 1942 годом³⁴.

В 1943 году не имели большого распространения бронхиальная астма, диффузный нефрит, ревматизм, крупозная пневмония. Однако в первой половине 1943 года, по свиде-

³³ Воловик А.Б. Ленинградские педиатры в годы войны и блокады. Вопросы охраны материнства и детства. 1967. № 9. С. 58–61.

³⁴ Воловик А.Б. О заболеваемости ленинградских детей в 1944 г. Сообщение III. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, ЛГПМИ, 1946. С. 100–105.

Сотрудники отделений, 1944 год

тельству А.Ф. Тура, резко возросло число детей с тяжелым рахитом и анемией, преимущественно в возрасте 3–4 лет³⁵. Также увеличилось число детей с нервно-психическими заболеваниями.

Из других соматических заболеваний следует отметить большое сокращение частоты бронхопневмоний у детей дошкольного и школьного возраста и некоторое учащение у них крупозной пневмонии. Клиническая картина и характер течения бронхопневмонии приблизились к довоенному времени. Редко наблюдались и проявления экссудативного диатеза у малых детей. Наряду с этим в 1943 году имелось довольно широкое распространение глистных инвазий среди детей. Несколько чаще, чем в 1942 году, встречался эпидемический цереброспинальный ме-

³⁵ Тур А.Ф. Алиментарные дистрофии у детей Ленинграда в 1941 – 1944 гг. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение, ЛГПМИ, 1946. С. 5–15.

*Профессор Александр Федорович Тур —
первый главный педиатр Ленинграда, 1942 год*

нингит у маленьких детей а также стрептококковые инфекции, такие как ангины, отиты, рожа, флегмона, стрептодермия.

В 1944 году наряду с почти полной ликвидацией алиментарной дистрофии и авитаминозов увеличилась заболеваемость крупозной пневмонией, характеризующейся тяжелым течением и достаточно высокой смертностью, что объяснялось отказом от госпитализации и преимущественным лечением на дому³⁶. Вновь появились бронхиальная астма, ревматизм и острый нефрит.

Исключительное внимание уделялось эпидемиологической обстановке в Ленинграде, которая в разные периоды войны была неодинаковой.

В первые месяцы войны в связи с быстрым продвижением фашистов, первые эвакуированные из Ленинграда в Ленинградскую область были вынуждены вернуться в город. Вместе с ними прибывала масса беженцев. Численность населения возросла. Это создавало условия для вспышки инфекционных заболеваний. Усугублялось это ещё и тем, что при воздушных тревогах население укрывалось в бомбоубежищах.

³⁶ Воловик А.Б. К характеристике заболеваемости в 1943 г. Сообщение II. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2. Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт. Л.: ЛГПИ-МИ, 1946. С. 95–105.

Детские учреждения нередко полностью переходили на жизнь в бомбоубежищах. Скуденность способствовала развитию эпидемий. Особенно большое внимание уделялось предупреждению заноса инфекций. Не допускалось никакого снижения требований в отношении строгой изоляции коллективов детей, ограничивались контакты с посторонними детьми и взрослыми. Вместе с тем особая обстановка Ленинграда блокадного периода создавала условия, оказывающие тормозящие действие на развитие инфекций: снижение рождаемости, сокращение и прекращение миграции населения, перевод детей почти полностью на интернатный быт, разрозненность детских контингентов и ограниченность встреч между ними.

Однако в течение второго полугодия 1941 года в инфекционной клинике регистрировалась высокая летальность от кори, но 60% детей погибало от характерных осложнений. Вспышка кори утасла в декабре 1941 года и на протяжении всего 1942 года показатели заболеваемости корью были низкими.

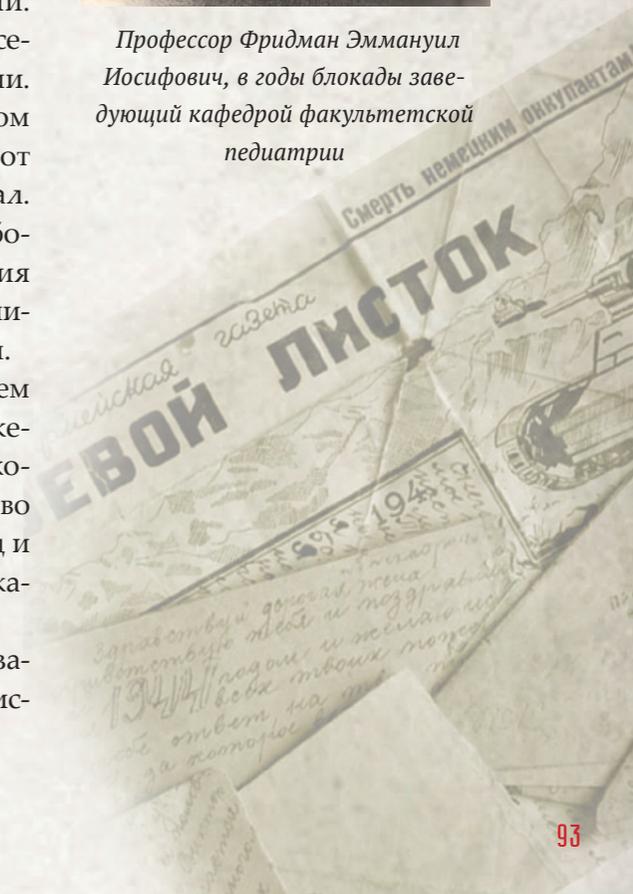
Скарлатина блокадного периода протекала в основном в легкой форме при низких показателях заболеваемости, от нее, собственно, кроме единичных случаев, никто не умирал. В.Н. Офицеров, доцент кафедры детских инфекционных заболеваний, объяснял столь резкое изменение характера течения скарлатины в сторону более легкого, качественным изменением питания населения по сравнению с довоенным уровнем.

По-иному характеризовалась заболеваемость коклюшем в Ленинграде. Эта инфекция регистрировалась на протяжении всей войны. Значительный подъём заболеваемости коклюшем наблюдался в начале войны, ещё более высокий — во второй половине 1942 года, а затем начался медленный спад и во второй половине 1943 года, заболеваемость коклюшем оказалась ниже довоенной.

В течение всего периода блокады отмечалась высокая заболеваемость дифтерией, которая в 1942 году, отличалась исключительно тяжелым лечением.

*Профессор Фридман Эммануил
Иосифович, в годы блокады заведующий кафедрой факультетской
педиатрии*

*Богоров Исая Исакович,
заведующий кафедрой акушерства
и гинекологии*

Изменился характер дизентерии (ведущий возбудитель — шигелла Флекснера): исчезли острые токсические формы, стали доминировать затяжные со скудными клиническими проявлениями, которые, однако, неблагоприятно влияли на течение и исход алиментарной дистрофии. Летальность была высокой, при этом ведущей причиной смерти были дистрофия в сочетании с авитаминозами (86% всех умерших).

В феврале 1942 года в детском доме на Загородном проспекте появились случаи заболевания брюшным тифом. Оперативно была создана специальная прививочная комиссия во главе с А.Ф. Туром, в задачи которой входил контроль за проводившимися впервые в стране прививками против брюшного тифа детям с 2-летнего возраста. Это свидетельствует о том, насколько чутко Институт реагировал на изменение обстановки в городе и разрабатывал мероприятия, необходимые в данный момент.

Назовем еще два примера важных организационных новаций 1942–1943 годов.

Введение должностей детских врачей в городах было важным шагом, предусмотренным Постановлением СНК СССР № 1739 и подтвержденным Приказом Наркомздрава СССР от 3 ноября 1942 года № 531, где утверждалось Положение о детском враче города, городского района, рабочего поселка³⁷.

Детский или главный врач города назначался в каждом городе для обеспечения организации должной лечебно-профилактической помощи детскому населению, на него возлагалась ответственность за медицинское обслуживание детей всех возрастов и за качество работы детских учреждений. В Ленинграде уже в конце 1942 года должность первого главного педиатра исполнял А.Ф. Тур, районных педиатров — А.Б. Воловик, Э.И. Фридман, Н.А. Курачева, В.Н. Офицеров и др. Вве-

³⁷ Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени. М.: Статут; 2013. Доступен по: <https://www.iprbookshop.ru/49117.html> (дата обращения: 14.01.2024).

дение этих должностей способствовало более эффективной координации педиатрической службы города. Кроме того, М.Г. Данилевич был назначен городским инфекционистом, И.И. Богоров — городским акушером, районными терапевтами: В.А. Вальдман, М.Э. Мандельштам, С.Я. Кофман³⁸.

В период войны число детских учреждений из-за нахождения в опасной зоне города и артобстрелов сократилось, уменьшилась и численность медицинского персонала.

Так, к 1942 году насчитывалось только 28 детских консультаций и 17 детских поликлиник³⁹. Условия жизни блокадного Ленинграда заставили перестроить систему оказания поликлинической помощи детям.

В конце 1942 года на кафедре организации здравоохранения (зав. Ю.А. Менделева) ЛПМИ совместно с руководством Детской консультации № 16 и Детской поликлиники № 21 Свердловского района (Н.Г. Синявская) была разработана методика работы объединенного учреждения: детской консультации, оказывающей лечебно-профилактическую помощь детям от 0 до 3 лет, и детской поликлиники, оказывающей лечебно-профилактическую помощь детям от 4 до 16 лет⁴⁰.

В 1943 году в городе началось объединение этих учреждений; организованная объединенная консультация-поликлиника (в 1943 г. — 35, в 1944 г. — 36) работала по принципу единого педиатра и оказывала помощь детям от рождения до 16 лет. Основным методом работы был патронаж детей всех возрастов.

Переход на новую систему в 1943–1944 годах положительно сказался на здоровье детей, позволял своевременно госпитализировать ослабленных и больных детей. На проходившем

³⁸ Советский педиатр. 1945. №1.

³⁹ Микиртчян Г.Л. Охрана здоровья детей в блокированном Ленинграде. Вопросы охраны материнства и детства. 1984. №1. С. 6–10.

⁴⁰ Синявская Н.Г. Опыт обслуживания единым педиатром детского населения в возрасте от 0 до 16 лет. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л.: Медгиз, 1944. С. 15–19.

*Офицеров Владимир Николаевич,
доцент кафедры детских
инфекционных болезней*

Синявская Нина Георгиевна

в Москве 9–11 марта 1943 года Всесоюзном совещании по вопросам детского здравоохранения, созванном Наркомздравом СССР, с большим интересом и волнением было заслушано выступление директора ЛПМИ проф. Ю.А. Менделевой, рассказавшей о героических буднях работников детского здравоохранения Ленинграда в суровые дни блокады, а А.Ф. Тур рассказал участникам совещания об организации питания в блокированном Ленинграде. Заместитель наркома здравоохранения М.Д. Ковригина положительно оценила новый опыт поликлинической работы в нашем городе и предложила распространить этот опыт на другие территории страны⁴¹.

Реорганизация поликлинической помощи способствовала более тщательному наблюдению за заболеваемостью детей, особенно инфекционной, обязательному проведению общих и специальных противоэпидемических мероприятий, в том числе прививок: осуществлялись обязательное оспопрививание, вакцинация и ревакцинация БЦЖ по показаниям, противодифтерийная иммунизация, как мера борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями проводилось фагирование детей.

Ленинград в 1943 году, несмотря на прорыв блокады оставался, еще закрытым городом, завоза инфекции извне не было. Однако настороженность в отношении возможного распространения эпидемий среди детского населения вызвала к жизни Приказ уполномоченного Государственного комитета обороны по проведению противоэпидемических мероприятий Народного комиссара здравоохранения СССР № 28 от 22 июля 1943 года «О предупреждении распространения острых детских инфекций».

Были даны четкие указания относительно мер борьбы с дифтерией, корью, коклюшем, а также по оспопрививанию. В Ленинграде низкая заболеваемость скарлатиной, отсутствие

⁴¹ Всесоюзное совещание по детскому здравоохранению. Советское здравоохранение. 1943. № 4–5. С. 56–63.

Елка для маленьких пациентов в клинике проф. М.С. Маслова. 29 декабря 1944 года

кори, резкое снижение дизентерии, уменьшение частоты коклюша, и, наконец, падение летальности от дифтерии были достигнуты настойчивым проведением общих противоэпидемических мероприятий, широким охватом детей прививками против дифтерии, тифопаратифозной группы и дизентерии.

19
44

ВОСПОМИНАНИЯ

На Лесном проспекте у Литовской улицы снаряд попал в трамвай: пострадавших принесли в клинику института, и тут же им оказали квалифицированную помощь. В январе 1943 года блокада была прорвана, но обстрелы еще продолжались... В январе 1944 года мы услышали интенсивную канонаду. Это наши войска повели энергичное наступление на немцев. Было и радостно и тревожно, особенно тем, у кого кто-либо из близких был на Ленинградском фронте. Наконец немцы были отброшены далеко от Ленинграда, и в январе 1944 года впервые за все время войны прогремел у нас в Ленинграде праздничный салют. Радостные, мы все вышли из помещений и любовались победными залпами салюта...

Ю.Н. Берг ассистент кафедры общей химии ЛПМИ

ПРОРЫВ И СНЯТИЕ БЛОКАДЫ. КУРС НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА

В 1943 году в Ленинграде и в нашем Институте побывал корреспондент информационного агентства «Юнайтед пресс» США Генри Шапиро и оставил такие строки: «...Случай позволил мне увидеть в истерзанном войной Ленинграде это замечательное учреждение, продолжающее работать, несмотря на блокаду, голод, холод, учреждение, держащее высоко в руке факел науки, который нацисты пытаются угасить. Ведение научной работы и в то же время активное участие в деле борьбы с врагом — замечательное достижение педиатрического института»⁴².

27 января 1944 года произошло полное освобождение Ленинграда от фашистской осады и блокады. Ликованию ленинградцев не было предела. В городе был дан салют двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

Выбежали на улицы и сотрудники ЛПМИ, вместе со всеми горожанами радовались, обнимались и плакали.

Вот как об этом дне писала преподаватель кафедры общей химии Ю.Н. Берг: «В январе 1944 года мы услышали интенсивную канонаду. Это наши войска повели энергичное наступление на немцев. Было и радостно, и тревожно, особенно тем, у кого кто-либо из близких был на Ленинградском фронте. Наконец немцы были отброшены далеко от Ленинграда, и в январе 1944 года впервые за все время войны прогремел у нас в Ленинграде праздничный салют. Радостные, мы все вышли из помещений и любовались победными залпами салюта...»⁴³

⁴² Оборона Ленинграда. 1941–1944: Воспоминания и дневники участников / Предисл. Маршала Советского Союза М. В. Захарова. Ленинград: Наука, 1968. 791 с.

⁴³ Берг Ю.Н. Воспоминания. Рукопись. Фонд Музея Истории СПбГПУ.

Дети на прогулке в пальто, подаренных К. Черчилль, 1945 год

Профессор Н.И. Лопатина, в 1944 г. — студентка ЛПМИ, вспоминала: «27 января в 8 часов вечера мы с мамой, как и все ленинградцы, вышли на улицу, на Международный проспект, посмотреть салют в честь снятия блокады. Это был незабываемый час — впервые за 2 года и 7 месяцев на улицах Ленинграда стало светло от праздничных ракет. Земля была покрыта белым снегом, в небе искрились разноцветные огни, а дома стояли темные и суровые, еще не была снята светомаскировка. Людей на Международном проспекте было не очень много, ведь Московский район был прифронтовым районом, большинство составляли женщины. Почти все плакали, кричали «Ура», негромко пели песни. Вот таким остался в моей памяти тот незабываемый день»⁴⁴.

⁴⁴ Лопатина Н.И. Воспоминания. Рукопись. Фонды Музея Истории СПбГПМУ.

*Студентки ЛПМИ на выгрузке торфа для Ленинграда.
На первом плане Л. Семечкова. 13 августа 1944 года*

Заведующий кафедрой пропедевтики детских болезней ЛПМИ профессор А.Б. Воловик писал: «Ленинградцы вздохнули полной грудью»⁴⁵.

Бомбежки и артобстрелы нанесли огромный ущерб зданиям Института. Нужно было начинать восстановление поврежденных корпусов. Требовались стройматериалы, стекло, рабочие руки и пр. В эту работу пришлось включиться самим работникам Института. Например, помещение кафедры физиологии, крыша которого особенно сильно пострадала, было восстановлено силами преподавателей и других сотрудников.

⁴⁵ Воловик А.Б. Ленинградские педиатры в годы войны и блокады. Вопросы охраны материнства и детства. 1967. № 9. С. 58–61.

Дети на прогулке, 1943 год

Уже к 1 мая 1944 года остеклили 2500 м² окон; на поврежденные полы, стены и другие поверхности уложили фанеру площадью 4500 м²; восстановлена сеть центрального отопления объемом 97 662 кубометров. Отремонтирована кровля площадью 2700 м²; проведен косметический ремонт помещений площадью 4950 м².

Это позволило проводить занятия со студентами и врачами, госпитализировать детей в более-менее приемлемых условиях.

А 1 июля 1944 года был восстановлен главный клинический корпус, пищевой блок, произведен небольшой по масштабу ремонт ряда других корпусов.

В 1944 году все 20 теоретических кафедр работали в своих старых помещениях, расположенных в 4 корпусах с общим количеством помещений — 182.

Имелся ряд лабораторий для занятий со студентами, 7 аудиторий, 2 библиотеки, 2 прозекторских и виварий. Кроме того, работала экспериментальная

Дети на прогулке в парке ЛПМИ, 1943 год

мастерская, в задачи которой входило изготовление точных приборов для кафедр Института, удовлетворение текущих технических потребностей, стеклодувные работы, усовершенствование аппаратуры и проч.

Но ресурсов на восстановление всех корпусов Институт не имел. Осенью 1944 года вопрос о производстве восстановительных работ был поставлен перед Наркоматом здравоохранения СССР. Был утвержден план и объем работ, и вся документация передана для выполнения Ленгорисполкому. Работы были начаты в конце 1944 года.

Особенно насущным был вопрос о студенческом общежитии. До войны Институт своего общежития не имел и при приеме ориентировался исключительно на молодежь Ленинграда. После прорыва блокады был взят курс на прием студентов из других территорий. Строительство общежития стало одной из первоочередных задач администрации. Его спроектировали в 5 этажей,

на 500 студентов и на 100 мест для врачей курсов усовершенствования. Здание возвели уже после войны.

В связи с полным прорывом блокады весной 1944 года началось постепенное возвращение ленинградцев к родным местам. Реевакуация в Ленинград началась в соответствии с Постановлением Государственного Комитета обороны от 29 марта 1944 года⁴⁶. Начали возвращаться из эвакуации сотрудники, и к 1 июля 1944 года практически весь профессорско-преподавательский состав ЛПМИ, за исключением погибших, работал в Ленинграде.

Постепенно численность города стала увеличиваться, изменился возрастной состав, росло число детского населения. В 1944 году реевакуация проходила еще в очень незначительных количествах, однако в Ленинграде отмечалась вспышка дифтерии и эпидемия кори. Благодаря широкому применению противокоревой сыворотки корь протекала довольно легко. В этом же году возросло число больных пиодермией и чесоткой, появилась десквамативная эритродермия Лейнера и экзема. Кожное отделение ЛПМИ вновь развернули на 35 коек.

Для педиатров в ЛПМИ были организованы специальные занятия, на которых давались рекомендации о необходимости тщательного патронажа прибывающих детей, о методах ранней диагностики, лечения и профилактики кори.

В 1944 году Ленгорздравотделом была разработана «Инструкция о порядке наблюдения за детьми, прибывающими в Ленинград». Контроль за проведением необходимых мероприятий был возложен на Противоэпидемическое управление Ленгорздравотдела, где сосредоточивались сведения о приезжающих.

Безусловно, постепенному улучшению эпидемиологического состояния города способствовало и улучшение питания.

⁴⁶ Газиева Л.Л. Проблемы организации реевакуации ленинградских детей в 1944–1945 годах. Вестник Пермского университета. 2016. Т. 3(34). С. 108–115.

Хотя по качественному составу и ассортименту получаемое детьми питание еще отставало от норм довоенного времени, оно оказалось все же достаточным для того, чтобы изжить в основном алиментарную дистрофию, особенно в ее выраженной и тяжелой форме. Это сказалось как в повышении общего количества, так и удельного веса белкового компонента пищи, в большем обогащении ее витаминами. В детских профилактических, и особенно лечебных учреждениях, широко давались витаминные препараты.

Данные по младенческой смертности, которая в те годы называлась детская смертность, на протяжении всех лет войны и блокады собирали профессор кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения С.А. Новосельский и его сотрудники.

Самым неблагоприятным по детской смертности был 1942 год, когда в результате лишений блокады показатель достиг громадных размеров — 74,8%⁴⁷. В 1943 году началось резкое понижение смертности и в 1944 году она почти достигла довоенного уровня — 17,8%. В числе причин смертности на первом году жизни в Ленинграде в 1944 году ведущее место занимала пневмония, на втором месте — острые желудочно-кишечные заболевания. Понизилась в 1944 году смертность от недоношенности и врожденной слабости — соответственно 9,8% и 0,5% (1939 г. — 14,1% и 2,8%). Случаев смерти от дистрофии и авитаминозов в группе детей возрасте от 0 до 1 года в 1944 году не было.

Несомненно, этому способствовала правильная постановка и организация научно-исследовательской работы.

⁴⁷ Новосельский С.А. Выживаемость и смертность детей до 1 года в Ленинграде в послеблокадном периоде. В кн.: Демография и статистика. М., 1978. С. 252–258.

Профессор Новосельский Сергей Александрович — один из основателей санитарной и демографической статистики

Грамота Ленинграду
города Соединенных Штатов Америки вручаю эту грамоту в знак признания мужества и героизма ленинградцев в годы войны, которые будучи захваченными частью своего народа и постоянные бомбардировки, голода и болезни, не сдавали свой люб-
мой город в течение этого периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1942 года и символизировали неустрашимый дух народа Советских Республик и всех мира, сопротивляющихся агрессии.
ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛТ
17 мая 1944 года.
Вашингтон.

19
44

ВОСПОМИНАНИЯ

В тяжелый период блокады Общество детских врачей Ленинграда сыграло большую положительную роль; в те дни заседания его бывали особенно многолюдны и на них решались самые жгучие вопросы, требовавшие срочного решения. Доклады проводились по вопросам дистрофии, скорбута, по вопросам питания, профилактического и лечебного обслуживания детей и т.д. Накопленным опытом делились с оставшимися в Ленинграде врачами, которые в большом количестве, не смотря на опасность момента, стекались на эти заседания, проявляя к нам живейший интерес... Работа научной мысли не ослабевала. Все мы боролись за то, чтобы сохранить детские жизни, боролись упорно, одновременно накапливая большой опыт.

Профессор Юлия Ароновна Менделеева, ректор ЛПМИ

ИТОГИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПЕДИАТРОВ

До 1944 года заместителем директора ЛПМИ по научно-учебной части был профессор кафедры госпитальной педиатрии Ю.А. Котиков, а затем заместителем директора по научной части был назначен заведующий кафедрой патологической анатомии профессор Д.Д. Лохов, а Ю.А. Котиков получил должность заместителя директора по учебной части. Большое участие в организации научной деятельности принимал проф. А.Ф. Тур.

Как уже упоминалось, наиболее обширной являлась группа работ, посвященных изучению особенностей течения детских заболеваний в период блокады: дистрофии, авитаминозов (А.Ф. Тур, А.Б. Воловик, С.А. Гаврилов, Э.И. Фридман, Р.М. Муравина, Г.А. Николаев, М.В. Миллер-Шабанова и др.), анемии (А.Н. Антонов, Ю.А. Котиков и др.), детских инфекционных заболеваний (А.Б. Воловик, В.Н. Офицеров и др.), туберкулёза (А.Э. Певзнер и др.) и ряда других заболеваний.

Очень серьезно и глубоко в социально-гигиеническом аспекте изучались показатели здоровья детей: физическое развитие, мёртворождаемость, детская смертность, заболеваемость (С.А. Новосельский, М.Я. Слуцкий, А.Н. Антонов, Ю.А. Менделеева и др.) Представляют интерес работы организационного характера и, прежде всего, по обоснованию задач в области охраны материнства и детства в период блокады Ленинграда (С.И. Волчок, Ю.А. Менделеева, А.Ф. Тур).

Однако, кафедры института не обошли вниманием в дни войны и патологию взрослых, в том числе алиментарную дистрофию и авитаминозы, военную травму (В.В. Лавров, Д.А. Кремшевский и др.), профилактику и лечение гипертонической болезни (М.Э. Мандельштам, В.А. Вальдман, И.О. Неймарк, Б.А. Житников, и др.), аменорею и эклампсию военного времени (И.И. Богоров и др.) и др.

Наработки военного периода, опыт, полученный врачами ЛПМИ во время войны и блокады, по терапии и профилактике соматической и инфекционной патологии у детей, по изуче-

Профессора М.С. Маслов и А.Ф. Тур с коллегами

нию динамики их физического и психомоторного развития, по анализу заболеваемости и смертности, организации лечебно-профилактической помощи детям, позволили создать целую совокупность сведений и представлений, касающихся физиологии и патологии детей, в том числе новорожденных и недоношенных детей, разработать комплекс рекомендаций по лечению, выхаживанию и реабилитации, положительно влияющих на показатели здоровья детей всех возрастов, многие из которых к концу войны достигли довоенного уровня, а показатель детской смертности в 1945 году был ниже уровня 1940 года.

Таким образом, изучение всех проблем, выдвинутых войной, позволило значительно улучшить лечение больных и позволило спасти сотни детей и взрослых, лечившихся в клиниках института.

Впечатляют и количественные итоги научной работы сотрудников ЛПМИ.

В 1942 году было оформлено 26 работ и подготовлены к печати 4 монографии и учебника. В 1943 году подготовлено несколько монографий и учебников,

Защита диссертации, ЛПМИ. 1943 год

десятки журнальных статей, защищены 1 докторская и 7 кандидатских диссертаций. В первом квартале 1944 года закончено 10 журнальных статей, защищена одна докторская диссертация и две кандидатских, а за весь 1944 год выполнено 130 работ. Всего за время войны было защищено 9 докторских и 36 кандидатских диссертаций, представлено 165 журнальных статей⁴⁸.

За годы войны сотрудники ЛПМИ выпустили 6 сборников трудов, в которых отражен коллективный опыт наших ученых:

1. Скорбут при алиментарном истощении / Под ред. проф. С.Я. Кофмана; При участии О.П. Быковой, Н.Л. Воробейчик, З.Ф. Высоцкой и др. Ленингр. гос. педиатр. мед. ин-т. Л.: Гос. изд-во мед. лит-ры, Ленингр. отд-ние, 1944. 80 с.
2. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: в 2 сборниках / Под ред. проф. Ю.А. Менделевой, проф. А.Ф. Тура и проф. А.Н. Антонова. Л.: Медгиз — Ленингр.

⁴⁸ Менделева Ю.А. Двадцать лет деятельности Ленинградского педиатрического медицинского института. Вопросы педиатрии и охраны материнства и детства. 1946. Т. 14(3). С. 3–10.
Тур А.Ф. Научно-исследовательская работа института. Советский педиатр. 1945. № 1.

отд-ние, 1944-1946. Сборник 1: Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. 1944. 144 с.

3. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 2: Труды кафедр педиатрии действит. члена Акад. мед. наук, заслуж. деятеля науки проф. М.С. Маслова, чл.-кор. Акад. мед. наук, проф. А.Ф. Тура и проф. А.Б. Воловика. / Отв. ред. проф. Ю.А. Менделева. Ленинград : Медгиз — Ленингр. отд-ние; ЛГПМИ, 1944–1946. 1946. 328 с.
4. Вопросы военного травматизма и хирургической практики / редкол.: Ю.А. Менделева, А.Ф. Тур, А.Н. Антонов. Ленинград: Медгиз, 1945. 120 с. [2] л. ил. : рис., табл.; 21,5 см. (Труды Ленинградского Государственного педиатрического медицинского института; Вып. 3). Библиогр.: с. 120.
5. Вопросы охраны материнства и детства: [период войны и блокады]: сб. тр. каф. организации здравоохранения Ленингр. гос. педиатр. мед. ин-та / под ред. Ю.А. Менделевой, С.А. Новосельского, А.Н. Антонова. Ленинград: 8-я тип. Воениздата, 1946. 155 с.
6. Труды факультетской терапевтической клиники (взрослых) Ленинградского государственного педиатрического медицинского института. Вопросы патологии крови и кровообращения: Выпуск 3. Гипертоническая болезнь в Ленинграде в 1943–1944 гг. сборник трудов / Сборник посвящается Юлии Ароновне Менделевой. Л.: Медгиз — Ленинградское отд., 1946. 186 с.

Работы ленинградских педиатров составили весь четвертый номер журнала «Педиатрия» за 1944 г.

В редакционной статье журнала подчеркивалось: «Пусть этот номер «Педиатрии» останется историческим памятником самоотверженной работе детских врачей Ленинграда на

пользу детей того многострадального города, стремлению педиатров к научной работе, которому не могли помешать никакие внешние условия. Честь и слава героическим врачам-педиатрам города Ленина!»⁴⁹.

Кроме того, в этом номере приведена составленная А.Ф. Туром библиография, включающая 127 работ ленинградских педиатров, выполненных в 1941–1944 гг.

В 1945 году научно-исследовательская работа института развернулась еще шире, когда условия жизни в Ленинграде значительно улучшились. В научный план 1945 года включено около 250 тем, около 40 диссертаций, больше 20 монографий и руководств.

В научную работу кафедральных сотрудников были вовлечены аспиранты и студенты. При ЛПМИ обучалось 70 аспирантов, большинство из них были призваны в Армию в первые дни войны, остальные эвакуировались с детьми в далекий тыл. С 1943 года Институт снова получил возможность готовить кадры аспирантов, с осени 1944 года согласно плану НКЗ СССР обучалось 11 аспирантов.

Первые студенческие научные кружки в ЛПМИ были организованы еще в 1934 г.

В 1943 году были организованы студенческие научные кружки на кафедрах госпитальной и факультетской педиатрии, госпитальной хирургии, неорганической химии, физики, психиатрии. Очень активно работало студенческое научное общество на кафедре тера-

Заведующая детской клиникой ЛПМИ М.Г. Рысс осматривает Аню Рукас, апрель 1943 года

⁴⁹ От редакции. Педиатрия. 1944. №4. С. 9.

Ю.А. Менделова (в центре), Д.Д. Лохов (слева), Ю.А. Котиков (справа) с группой студентов

пии под руководством профессора В.А. Вальдмана. Студенты включились в научную тематику кафедры, помогали врачам при изучении вспышки гипертонической болезни в Ленинграде. В.А. Вальдман организовал студенческую научную конференцию, прошедшую с большим успехом, на которую студентами всех курсов было представлено 10 докладов.

Активизации научной работы и быстрому внедрению новых достижений в практику способствовала и работа Научного общества детских врачей Ленинграда, которое возобновило свою работу с мая 1942 года.

До войны председателем Общества был заведующий кафедрой факультетской педиатрии ЛПМИ профессор М.С. Маслов. Поскольку он одновременно руководил кафедрой детских болезней в Военно-медицинской академии, то с началом войны он в ее составе находился в Самарканде. Обязанности председателя в эти годы были возложены на Ю.А. Менделову и А.Ф. Тура,

которые до войны были заместителями председателями Общества. Секретарем Общества как и в довоенные годы была доцент кафедры факультетской педиатрии О.П. Тимофеева.

Ю.А. Менделова вспоминала: «В тяжелый период блокады Общество сыграло большую положительную роль; в те дни заседания его бывали особенно многочисленны и на них решались самые жгучие вопросы, требовавшие срочного решения. Доклады проводились по вопросам дистрофии, скорбута, по вопросам питания, профилактического и лечебного обслуживания детей и т.д. Накопленным опытом делились с оставшимися в Ленинграде врачами, которые в большом количестве, не смотря на опасность момента, стекались на эти заседания, проявляя к нам живейший интерес. Должна отметить, что основные работники нашего Института всегда были активными членами Общества и выносили на обсуждение его все свои научные и практические достижения. Работа научной мысли не ослабевала. Все мы боролись за то, чтобы сохранить детские жизни, боролись упорно, одновременно накапливая большой опыт»⁵⁰.

Заседания проходили на территории ЛПМИ в 3-й аудитории. Со стороны педиатров интерес к заседаниям был столь высок, что аудитория всегда была полна⁵¹.

Несмотря на трудности блокадного времени, заседания организовывались довольно часто: в 1942 году состоялось 18 заседаний, на которых присутствовало 1900 человек и заслушано 20 докладов⁵². Темы обсуждались самые актуальные: организа-

⁵⁰ Менделова Ю.А. Воспоминания: рукопись. Государственный Мемориальный Музей Оборона и блокады Ленинграда Рукописный Документальный Фонд (ГММОБЛ РФ), Оп. 1. Д. 217: Л. 34.

⁵¹ Волчок С.И. Забота о детях в блокированном Ленинграде. В кн.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Л.: Медгиз – Ленинградское отделение; 1944. С. 3–8.

⁵² Тимофеева О.П. Ленинградское отделение Всесоюзного общества детских врачей. Педиатрия. 1944. №4. С. 77–78.

Профессор Вальдман
Виктор Александрович

ция помощи детям в условиях войны и блокады, дистрофии и авитаминозы, их влияние на течение других заболеваний, борьба с желудочно-кишечными и инфекционными заболеваниями, в том числе с брюшным и сыпным тифом у детей и др.

В этом же году состоялось несколько совместных заседаний с обществом терапевтов, фтизиатров и акушеров-гинекологов, на которых обсуждались общие вопросы, в том числе посвященные пневмониям, специфической противотуберкулезной профилактике, организации помощи недоношенным детям и др.

26–27 декабря 1942 года на объединенной конференции терапевтов и педиатров по алиментарной дистрофии, гиповитаминозам у взрослых и детей, проведенной Ленгорздравотделом Общество детских врачей приняло активное участие: его члены сделали на ней 6 докладов (профессора А.Ф. Тур, Э.И. Фридман, А.Б. Воловик, доцент Э.И. Раутенштейн и др.).

В 1943 году Обществом детских врачей проведено 17 заседаний, которые посетило 1672 человека, было заслушано 33 доклада.

21 июля 1943 года проведено торжественное заседание, посвященное 25-летию Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, на котором профессор Ю.А. Менделева выступила с докладом: «25 лет охраны здоровья в Советском Союзе и задачи Общества детских врачей». Профессор С.С. Мнухин сделал доклад «О психических нарушениях при алиментарной дистрофии».

Большой интерес вызвали 2 специальных заседания 1943 года: на одном из них выступила Н.Г. Синявская с докладом на тему «Опыт работы единого педиатра», причем в результате обсуждения были сделаны ряд практических выводов организационного характера. На втором заседании, проведенном совместно с представителями городского отдела здравоохранения, были предложены меры по профилактике и борьбе с летними детскими поносами, являющимися основной

Заседание Ученого Совета ЛПМИ, 1943 год

причиной смертности детей, особенно раннего возраста. На этом заседании с докладами выступили доцент С.И. Волчок и П.М. Бударевич.

Помимо указанных выше, в 1943 году было проведено пять объединённых заседаний. Два из них состоялись с участием педиатров и терапевтов: 24 марта обсуждались вопросы переливания крови, а 21 сентября — вопросы инфекционных желтух. Ещё два заседания объединили педиатров и фтизиатров, где уделили внимание специфической профилактике туберкулёза методом Кальметта. На объединённом заседании педиатров и акушеров обсуждалась организация работы в палатах для новорождённых, а также проблемы развития и выживаемости недоношенных детей. Основные доклады представили профессор А.Ф. Тур и М.С. Франгулова.

В 1944 году на заседания Общества были заслушаны доклады, познакомившие врачей с новыми клиническими наблюдениями и опытом военного времени: доклад профессора А.Б. Во-

Выпуск 1945 года

ловика «Об особенностях течения пневмоний у дистрофиков», доцента В.Н. Офицера «Клинические наблюдения над течением дизентерии в Ленинграде в 1943 г.», Казаковой и Черной «Копрологическая характеристика дизентерии», Шумятской «Секреция слюны у детей-дистрофиков», профессора Э.И. Фридмана «Патогенез некоторых форм анемий», К.П. Глуховой «Капиллярскопия и венозное давление при дистрофиях и скорбуте у детей» и др. Также как и в предыдущие два года состоялось несколько совместных заседаний с актуальной повесткой.

В 1944 году остро встал вопрос об улучшении подготовки врачебных кадров, о необходимости более длительного обучения. С 1945 года в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 декабря

1944 года «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей» начался постепенный переход медицинских институтов на 6-летний срок обучения.

В основу нового учебного плана были положены следующие принципы: строгое соблюдение последовательности в изучении теоретических и клинических дисциплин, увеличение объема часов для ключевых предметов, усиление практической подготовки, а также установление оптимального баланса между лекционными и практическими занятиями.

Нашему Институту было поручено разработать программу преподавания на педиатрических факультетах применительно к 6-летнему сроку обучения.

Кроме обучения студентов в ЛПМИ не прекращалась работа по повышению квалификации медицинских работников, которая особенно активизировалась, начиная с 1943 года. Только в 1943 году было подготовлено:

1. Сестер военного времени — 500 чел.
2. К 1 мая 1943 года были подготовлены к работе «единого педиатра» на месячных курсах — 157 врачей.
3. Курсы для врачей отделений новорожденных в ноябре-декабре 1943 года прошли 6 человек.
4. Курсы по диететике здорового и больного ребенка — 263 человек.
5. Подготовка кадров по питанию:
 - а) курсы для кухарок (поваров) яслей и других учреждений — 65;
 - б) курсы врачей по питанию и диетических школьных столовых — 35 врачей;
 - в) курсы для заведующих и кухарок в детских учреждениях Выборгского РОНО — 30 человек.
6. Курсы по повышению квалификации госсанinspectоров и их помощников — 25 человек.

В 1944 году были организованы следующие курсы:

1. Краткосрочные курсы для районных педиатров Облздрава: с 17.02 по 4.03 — 5 человек, и с 18.03 по 11.04 — 9 человек.
2. Курсы по диететике здорового и больного ребенка с 2.03 по 22.04 — 31 человек.
3. Курсы по инфекционным болезням с 03.03 по 19.04 — 31 человек.
4. Курсы по переливанию крови — подготовлено 85 специалистов.

5. Курсы повышения квалификации школьных врачей с 07.03 по 23.05 — 35 человек. Всего 111 человек.

Кроме того, институт подготовил кадры поваров для работы в яслях и диетических школьных столовых.

Два раза в месяц в клиниках ЛПМИ устраивали обходы профессоров и доцентов, предназначенные для городских педиатров. Во время обходов проводился разбор случаев и демонстрация пациентов.

Всего за годы войны курсы усовершенствования закончили 459 врачей. В институте было подготовлено 25 операционных сестёр, 275 сандружинниц из состава работниц фабрик и заводов, 1 800 сестёр Российского Общества Красного Креста, 500 военных медицинских сестёр.

Все годы войны при институте работала Школа медицинских сестёр (преобразованная в 1936 году из Медицинского техникума). Школа организовывала 6-месячные и одно-годичные курсы для ускоренной подготовки медицинского персонала. В июле 1941 года школой были открыты 3-месячные курсы Российского общества Красного Креста (РОКК) для студентов вузов и втузов. Несмотря на тяжелые дни, переживаемые населением Ленинграда в сентябре и октябре 1941 года курсы систематически посещало около 300 человек, получивших серьезную подготовку у лучших преподавателей нашего Института. В октябре 1941 года эти курсы переданы в распоряжение РОККа. В 1943–44 учебном году был возобновлен нормальный 2-годичный срок обучения в Школе с двумя группами учащихся.

Наряду со Школой медицинских сестер в годы войны подготовкой среднего медицинского персонала занимался непосредственно и наш вуз. Студенты двух первых курсов получили дипломы сестер военного времени, также были организованы краткосрочные курсы для различных слоев населения.

С большой интенсивностью работала Клиническая больница при ЛПМИ.

Обход профессора А.Ф. Тура

Кочный фонд в 1942 году претерпел большие изменения по сравнению с 1941 годом.

На 1 января 1942 года вместо 1100 штатных коек довоенного времени функционировало 675, из них 170 коек для взрослых терапевтических больных.

Надо понимать, что при этом штат медработников существенно сократился, многие отправились на фронт, кто-то в эвакуацию, кто-то обессиленный просто не мог работать.

Если в отдельные месяцы 1941–1942 годов число коек сокращалось до 500–600, то на 1943 год Наркомздравом СССР было определено 800 штатных коек. Это же число оставалось и в 1944 году. Особенности и динамика заболеваемости диктовали профилизацию коек, в 1944 году начинается увеличиваться число коек для инфекционных больных.

Кочный фонд Клинической больницы ЛПМИ к 1944 году распределялся по специальностям следующим образом:

Выпуск медсестер (в центре директор школы медсестер Ф.И. Геронимус, директор института Ю.А. Менделеева), 1945 год

- ▶ соматических детских коек — 225;
- ▶ туберкулезных — 50;
- ▶ хирургических — 50;
- ▶ акушерско-гинекологических — 110;
- ▶ инфекционных — 130;
- ▶ кожных — 35;

Мать с новорожденным в клинике ЛПМИ, 1945 год

- ▶ коек для недоношенных детей — 45;
- ▶ коек для взрослых терапевтических больных — 50;
- ▶ детских физиологических — 35;
- ▶ коек для нервных больных — 15;
- ▶ для новорожденных — 55.

Через все клинки больницы за годы блокады прошли 15 576 больных:

- ▶ детей — 8 793;
- ▶ акушерско-гинекологических — 3 832;
- ▶ взрослых — 2 941, из них раненых — 553.

19 43

ВОСПОМИНАНИЯ

Сегодня прочли о том, что наш Педиатрический институт, который мы окончили в 1938 г., по-прежнему существует, узнали, что Вы также бесменно находитесь при нем. Чувство радости охватило. Захотелось поделиться с Вами. Мы очень часто вспоминаем наш любимый и близкий, как родной дом, институт. Вот уже два года работаем в госпитале хирургами, но в то же время не забываем педиатрию, любовь к которой привил нам институт. Надеемся, что после окончания войны вновь вернемся к обслуживанию малышей, но сейчас, поскольку Отечественная война требует специальных сил, мы с охотой переключились на эту работу и стремимся сделать все, чтобы быстрее вернуть в строй бойцов и командиров Красной Армии» (1943 г.).

**Военные хирурги,
выпускницы ЛПМИ, Карякова и Кудрявцева**

НА ПЕРЕДОВОЙ: ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКОВ – ВЫПУСКНИКОВ ЛПМИ

Выпускники, находившиеся на фронте, не прерывали связь с институтом. На имя директора Ю.А. Менделевой приходили от них многочисленные письма. В письме врачей выпуска 1938 г. Каряковой и Кудрявцевой из действующей Армии есть такие строки: «Сегодня прочли о том, что наш Педиатрический институт, который мы окончили в 1938 г., по-прежнему существует, узнали, что Вы также бесменно находитесь при нем. Чувство радости охватило. Захотелось поделиться с Вами. Мы очень часто вспоминаем наш любимый и близкий, как родной дом, институт. Вот уже два года работаем в госпитале хирургами, но в то же время не забываем педиатрию, любовь к которой привил нам институт. Надеемся, что после окончания войны вновь вернемся к обслуживанию малышей, но сейчас, поскольку Отечественная война требует специальных сил, мы с охотой переключились на эту работу и стремимся сделать все, чтобы быстрее вернуть в строй бойцов и командиров Красной Армии» (1943 г.)⁵³.

Врач Соловецкий писал из армии: «...В тяжелейшее для Ленинграда время Вы остаетесь на своем посту, сохраняете наш прекрасный институт, сохраняете жизни многих, многих людей. Вы, наши учителя, привили нам те качества, за которые так ценит нас Красная Армия и за которые с таким уважением относятся к нашему институту».

Из письма аспиранта-выпускницы института Миронович, находящейся в армии: «Горжусь, что кончила именно Педиатрический Институт, где с такой любовью и чуткостью руководили нами,

⁵³ Советский педиатр. 1945. №1.

*Медицинский персонал санитарного поезда. Ленинградский фронт
(в центре — П.Е. Санина, старшая медсестра ЛОР клиники)*

где личным примером учат, как надо относиться к делу. Мечтаю возвратиться в наш институт».

Военный терапевт Федорова, награжденная медалью «За боевые заслуги» и орденом «Красной Звезды», писала, что получила много практических знаний. «Жаль только: рядом — маленьких пациентов нет! Я постараюсь, чтобы Вам никогда не пришлось краснеть за Вашу ученицу. Когда я получала орден, я вспоминала Вас и Вашу речь на выпускном вечере в жуткие дни блокады, вспомнила потрясающий голод, а мы все же учились. Вот я — уже врач!».

Письма шли из Сибири, из Заполярья, Кировской области, Челябинской области, верховьев Лены, очень много из армии и во всех письмах красной нитью — теплое, большое чувство к институту, благодарность коллективу педагогов и директору ЛПМИ.

И действительно, окончившие ЛПМИ в тяжелое блокадное время врачи работали самоотверженно, проявили себя очень достойно. Многие из них получили правительственные награды и занимали ответственные должности.

За работу в годы войны многие сотрудники были награждены орденами и медалями. Родина высоко оценила героическую работу сотрудников ЛПМИ: 42 из них награждены орденами и медалями СССР, 1420 — медалью «За оборону Ленинграда», 50 — значком «Отличнику здравоохранения», 200 — почетными грамотами Ленгорсовета.

После окончания войны вернулись с фронта оставшиеся живыми сотрудники института и клиники. Приходили на работу фронтовики, ранее не работавшие в ЛПМИ.

Среди ветеранов войны: профессора — А.А. Русанов, Г.А. Баиров, Е.М. Маргорин, А.А. Шошин, А.А. Кедров, С.Е. Шпилень, К.А. Морозов, Ф.Х. Кутушев, Т.А. Осипкова, А.В. Цинзерлинг, В.А. Постовит, Г.Ф. Всеволодов, М.Н. Логаткин и др.; доценты — О.Ф. Тарасов, В.И. Белов, С.С. Быстров, Е.Н. Янченко, К.И. Мякишев и др.; ассистенты — Л.К. Жолобов, А.И. Крутоверцев, М.И. Неволин, Б.И. Шлепков, С.А. Щеглова, Л.М. Бочкова, А.В. Неженцева, А.П. Маревская и др.

Среди сотрудников клинической больницы во время войны работали на фронте врачи — А.Т. Кузьмичева, А.Л. Либов, И.В. Шарлай, М.А. Коняхина, А.Е. Барышева, А.С. Самохвалова, Вайшенблит, Гурович, Э.М. Либензон, В.И. Кругликова, Рахлина, К.В. Мельник, Н.Н. Райков и др.; медсестры — В.П. Иванова, А.П. Масленникова, Г.И. Куряшкина, М.И. Гусева, В.Н. Морозова, Е.Ф. Пасенко, Н.И. Пирлина, С.Р. Румянцева, Л.Т. Малышева, Х.Б. Корчагина, Санина, Иванова, Лесникова, Н.А. Кочергина, О.П. Евелева и другие.

Все долгие дни и годы кровопролитной войны сотрудники нашего института и больницы сражались на фронте, самоотверженно трудились в тылу, шли на огромные жертвы и лишения, отдавая все силы во имя великой победы, во имя спасения жизни детей.

Выступая на активе работников здравоохранения Ленинграда в мае 1942 года А.Ф. Тур говорил, что в первые месяцы войны многие педиатры готовы были переключиться на работы в области терапии и хирургии, неверно считая, будто в военное время педиатрия потеряла свою ценность. «Бойцы, приходящие с фронта или уходящие на фронт, прежде всего думают о своей семье, о своём ребёнке... и это воспоминание является тем огоньком, который

подогревает их на совершение героических поступков. Может ли быть более ответственная и почётная работа, чем сохранение здоровья семей бойцов, ушедших на фронт, в частности детей, а если они и заболеют, то быстрое излечение. Может ли быть более почётная работа, чем женщине-матери, потерявшей мужа на фронте, сохранить жизнь и здоровье ребёнка!».

И еще слова А.Ф. Тура, под которыми могут подписаться педиатры: «Борьба за детскую жизнь и здоровье — наша обязанность, это наш долг, долг всех советских людей тыла перед Родиной и перед теми, которые, оставив на наше попечение своих детей, сами ушли с оружием в руках защищать Советскую страну и всё культурное человечество от озверелых орд. Каждая спасенная детская жизнь, каждое предупрежденное заболевание ребенка — наш крупный вклад в дело обороны страны и одновременно меткий удар по ненавистному врагу»⁵⁴.

Работа Института в годы Великой Отечественной войны — пример следования своему долгу, доблести и мужества. Возвращение памяти к этим дням вызывает щемящее чувство неизбежной скорби, волнения и восхищения, необыкновенной благодарности людям, которым судьба уготовила столь тяжелые испытания.

Пусть будут посвящением всем сотрудникам, работавшим в годы войны и блокады в ЛПМИ, строки поэтессы Веры Инбер, которая в эти годы жила в Ленинграде, была хорошо знакома с Ю.А. Менделевой, бывала в Институте и писала о его работе⁵⁵.

⁵⁴ Тур А.Ф. Как уберечь ребенка от заболевания поносом в летнее время Л : Наркомздрав СССР Медгиз Ленингр. отд-ние, 1943. С.3,

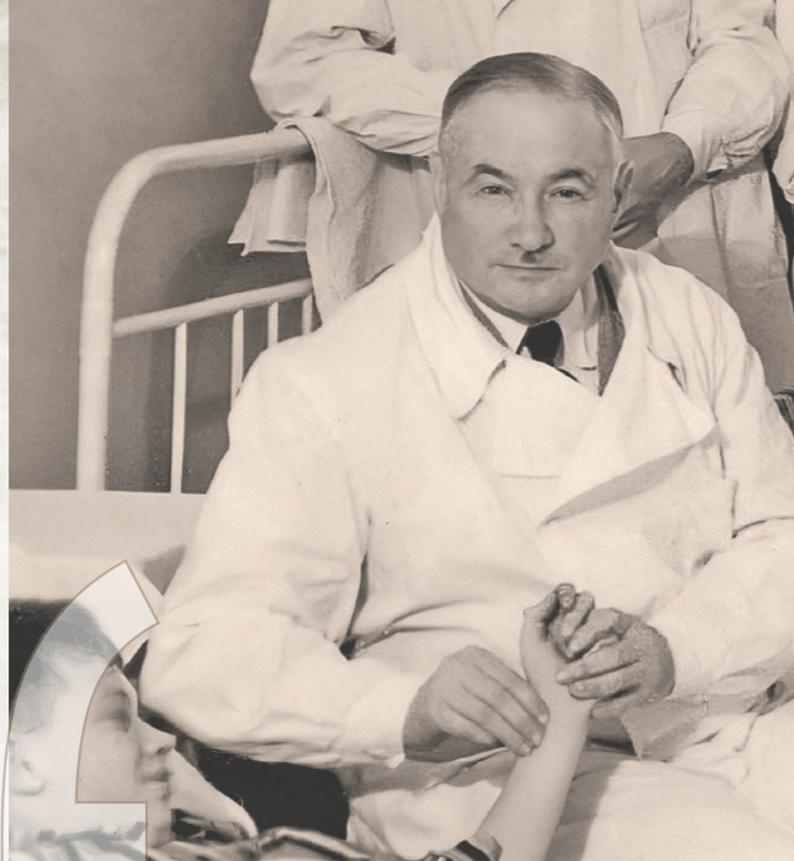
⁵⁵ Инбер В.М. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. М.: Гослитиздат; 1954.

СЛАВА ВАМ, КОТОРЫЕ В СРАЖЕНИЯХ
ОТСТОЯЛИ БЕРЕГА НЕВЫ.
ЛЕНИНГРАД, НЕ ЗНАВШИЙ ПОРАЖЕНИЯ,
НОВЫМ СВЕТОМ ОЗАРИЛИ ВЫ.

СЛАВА И ТЕБЕ, ВЕЛИКИЙ ГОРОД,
СЛИВШИЙ ВОЕДИНО ФРОНТ И ТЫЛ.
В НЕБЫВАЛЫХ ТРУДНОСТЯХ КОТОРЫЙ
ВЫСТОЯЛ. СРАЖАЛСЯ. ПОБЕДИЛ.

*«Залпы Победы».
1944 г., Ленинград.
Вера Инбер — поэтесса,
житель блокадного Ленинграда).*

К осени 1942 года город на Неве как бы возродился. Появились новые трамвайные маршруты, ленинградцы продолжали расчистку города. Были еще затяжные частые артиллерийские обстрелы, но бомбежки стали реже, улучшалось продовольственное снабжение, были налажены водопровод и электрическое освещение. В это же время наметился явный сдвиг в состоянии здоровья детей. Стали реже поступать больные в тяжелом дистрофическом состоянии, уменьшилась распространенность авитаминозов, сократилась частота пневмоний и летальность.

*А.Б. Воловик,
заведующий кафедрой
пропедвтики детских болезней ЛПМИ*

АРКАДИЙ БОРИСОВИЧ ВОЛОВИК

Годы блокады Ленинграда — пример нестигаемой воли, мужества и героизма всего населения города. Это относится и к медицинским работникам Ленинграда, в том числе — к детским врачам.

Зима 1941–1942 годов была ранней и суровой. В больницы поступали дети в основном с дистрофией в сочетании с пневмонией и различными авитаминозами. Сказывались нехватка витаминов А, D, С и группы В. Авитаминоз проявлялся как в виде классического скорбута, так и в виде болезни Барлова (цинга), встречалась и пеллагра. Натуральных витаминов, как и синтетических, было очень мало. В борьбе с цингой широко использовали настой хвои.

Большинство больных находилось в тяжелом состоянии, и летальность, естественно, была велика (особенно в осенне-зимний период 1941–1942 годов среди новорожденных). Большинство детей рождалось недоношенными, а доношенные имели значительно меньший вес и рост (по сравнению с довоенными нормами) и отличались пониженной сопротивляемостью. В апреле 1942 года личный состав медицинских институтов был частично эвакуирован. В городе остались профессора-педиатры А.Ф. Тур, Э.И. Фридман, А.Н. Антонов, М.Н. Лукьянчикова, Ю.А. Котиков и автор этих строк. Сильно поредели ряды преподавателей. Так, например, кафедра пропедвтики детских болезней состояла из 2 человек — профессора и ассистента. С весны 1942 года вновь началась регулярная учеба — в институте читались лекции, велись практические занятия. Студентов было тогда немного: на третьем курсе Педиатрического медицинского института — 20 человек. Лекции читались в небольшой комнате, где было тепло (весна стояла прохладная), и, пожалуй, никогда раньше у лекторов не было такого тесного и духовного контакта с аудиторией, как в это время. Регулярно происходили заседания ученого совета, защищались докторские и кандидатские диссертации.

К осени 1942 года город на Неве как бы возродился. Появились новые трамвайные маршруты, ленинградцы продолжали расчистку города. Были еще затяжные частые артиллерийские обстрелы, но бомбежки стали реже, улучшалось продовольственное снабжение, были налажены водопровод и электрическое освещение. В это же время наметился явный сдвиг в состоянии здоровья детей. Стали реже поступать больные в тяжелом дистрофическом состоянии, уменьшилась распространенность авитаминозов, сократилась частота пневмоний и летальность.

С лета 1942 года оживилась в городе и научная деятельность. Ленгорздравотдел стал регулярно проводить общегородские научные конференции, в которых принимали участие терапевты и педиатры, а также представители других гражданских и военных специальностей. С осени того же года возобновились систематические заседания общества детских врачей.

Возглавил общество А.Ф. Тур, его заместителями были автор этих строк и Э.И. Фридман. На заседаниях общества ставились такие вопросы, как состояние здоровья новорожденных, показатели их физического развития, заболеваемость и летальность и, конечно, вопросы дистрофии, пневмонии и т.д. Сектор детства, во главе которого стоял заместитель заведующего Ленгорздравотделом, доцент кафедры детского туберкулеза С.И. Волчок, часто созывал совещания руководящих педиатров, на которых обсуждали вопросы обслуживания детей, организационные мероприятия. Если начинался обстрел, работа продолжалась в убежище.

Начался 1943 год. Блокада была частично прорвана, улучшилась связь с «Большой землей» и подвоз всего необходимого. Условия жизни в осенний период 1942–1943 годов стали более благоприятными. Это отразилось положительно и на работе детских учреждений. Алиментарная дистрофия, авитаминоз стали встречаться все реже. Улучшилось состояние здоровья рожениц, увеличилась лактация у матерей, вновь стали работать пункты донорского молока при детских консультациях. В начале 1944 года наступил долгожданный момент — войска Ленинградского и Волховского фронтов разгромили фашистских захватчиков и полностью освободили город Ленина от вражеской осады и блокады.

...Мне с подвижными частями наших войск выпала великая честь защищать нашу Родину с первого дня войны, испытать тяжесть отступления, дойдя до Волги, участвовать в битве за Сталинград и в победоносном наступлении нашей армии в октябре 1944 г. войти в Пруссию, затем на Эльбу, завершая окружение немецких войск в Берлине...

17 мая в Берлине состоялась церемония снятия флага с рейхстага и отправки в Москву на парад Победы. По этому поводу состоялся парад войск берлинского гарнизона. Парад проходил около здания рейхстага. Вот он – рейхстаг, весь поврежденный и пробитый снарядами и осколками. Снаружи и внутри на стенах надписи наших воинов, ведущих бои за рейхстаг... На портике Бранденбургских ворот написано: «Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином»...

В.В. Зайончковский, зав. медпунктом ЛПМИ

ВОСПОМНЕНИЯ

...Вспоминаются дни боев, тяжелые дни боев в пригородах родного Ленинграда. Наша 72-я Стрелковая дивизия наступала от Ленинграда в направлении Нарвы, освобождая Эстонию, а затем была переброшена на 1-й Украинский фронт, где начав наступление с Сандомирского плацдарма, прошла с боями Силезию и встретила День Победы в Вальденбурге. Однако бои для нас еще не кончились, в Чехословакии сопротивлялась, стремясь прорваться на запад, большая группировка немцев под командованием фельдмаршала Шернера. И еще три дня после Победы в последних, завершающих боях на территории Чехословакии мы теряли наших товарищей.

О.Ф. Тарасов,
проректор по научной работе ЛПМИ

ОЛЕГ ФЕОДОСЬЕВИЧ ТАРАСОВ

...Конечно, мои воспоминания не претендуют на всеобъемлемость, ибо они написаны по памяти и касаются главным образом работы немедицинских служб — автор этих строк в то время работал в системе МПВО — но, тем не менее, эта сторона деятельности, обеспечивавшая работу вуза и клиники, представляется мне немаловажной и к тому же наименее освещенной во всех послевоенных публикациях.

...Это был ясный, солнечный и морозный день. Искрясь инеем, стояли деревья в сквере перед Московскими казармами, скрипел под ногами снег и только резким контрастом с этим зимним великолепием смотрелись редкие прохожие на проспекте Карла Маркса. Собственно говоря, проспекта не было — были две траншеи, из которых можно было видеть лишь до пояса фигуры бредущих по противоположной стороне людей. Между траншеями, на бывшей проезжей части, высилась груда слежавшегося и примятого редкими машинами снега. Встречные выглядели «по-блокадному»: медленно бредущие, кажущиеся полными из-за множества накрученных одежд, перевязанные накрест вязаными платками, из которых выглядывали бледные отёчные лица с потухшим взглядом усталых глаз. Некоторые тащили детские санки с немудрёной поклажей или с зашитыми в одеяла «куклами» — людьми, не выдержавшими тягот блокады.

По рекомендации Александра Федоровича Тура я, бывший школьник, не состоявшийся студент химфака ЛГУ, прошедший в составе Ленинградской армии народного ополчения сквозь кошмар сентябрьских и октябрьских боев под Ленинградом, шёл 12 января 1942 года устраиваться на работу в Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт, о существовании которого я до этого дня и не подозревал.

Теперь представьте себе чувства постоянно голодного владельца иждивенческой карточки, получавшего до 25 декабря 1941 года 125 граммов хлеба и живущего в холодной квартире,

когда, миновав проходную, он оказался в тёплом и светлом помещении административного корпуса ЛПМИ. В коридоре горел свет, а комнаты штаба МПВО (сейчас помещение первого отдела) были залиты ярким солнечным светом, проникавшим через целые (целые!) стекла. Возникало невольное желание ущипнуть себя, чтобы убедиться в том, что это все не сон. Штаб занимал две комнаты: в первой сидела секретарь начальника штаба и печатала на машинке, а вторая, угловая, была жилой — ее занимала начальник штаба МПВО Анна Вацлавовна Сониная, заведующая 2-й инфекционной клиникой. Выйдя ко мне, Анна Вацлавовна сказала, что обо мне ей говорил Александр Фёдорович и она может предложить мне две вакансии: санитаром в СПМ (стационарный пункт медпомощи) или штатным пожарником. Условия в первом случае — суточное дежурство с тарелкой супа один раз в три дня, во втором — казарменное положение, ежедневная дополнительная пайка в 50 грамм хлеба и 25 грамм повидла или сахара.

О содержании работы я уже не спрашивал — сказочные условия второго предложения в тот же миг решили мою судьбу.

Служба МПВО Института времён блокады складывалась следующим образом. Во главе его стоял начальник Объекта — профессор кафедры госпитальной педиатрии, проректор Института по учебной работе Юрий Агеевич Котиков. Всею деятельностью МПВО руководила начальник штаба МПВО, уже упоминавшаяся А.В. Сониная. Штабу подчинялись звенья: спецхимзащиты, которую возглавлял молодой профессор Михаил Михайлович Котон, заведующий кафедрой общей химии, ныне директор института Высокомолекулярных соединений АН СССР; медицинское, возглавляемое врачом Верой Исаковной Лубенской; аварийно-техническое, которым командовал главный инженер Института Николай Васильевич Пучковский; и, самое большое, пожарное, возглавляемое Дмитрием Николаевичем Дурасовым, бывшим лаборантом одного эвакуированного академического института. Все звенья,

кроме пожарного, включали сотрудников соответствующих подразделений Института.

В медицинское звено Института входили врачи — Евдокия Исаковна Рохленко, Зинаида Фёдоровна Высокая и другие, а в аварийно-техническое — начальник техстанции Клячкин, начальник экспериментальных мастерских Григорий Маркович Соркин и другие. Пожарная команда состояла из трёх сменных отрядов пожарниц или, как их называли, «кукушек». Это были бывшие санитарки, уборщицы «законсервированных» кафедр, которым по сигналу воздушной или артиллерийской тревоги надлежало, надев каски и пожарные пояса с топорами, отправляться на свои посты по чердакам зданий. Самыми небезопасными считались посты на крыше акушерского и «производственного» корпусов — они были самые высокие. На крыше акушерского корпуса была выстроена будка, но и в ней было неуютно. Когда по крыше стучал град осколков от зенитных снарядов или слышался леденящий душу вой бомбы или снаряда, сигналы «тревоги» или «отбоя» дублировались институтским радиоузлом (весь Институт был радиофицирован), которым до сентября 1942 года заведовал Лева Алеев, погибший в 1943 году на Ленфронте, затем до февраля 1943 года Дима Моисеев, после войны — радист Балтийского пароходства, проработавший там много лет, ныне пенсионер Дмитрий Григорьевич Моисеев, а с января по май 1943 года — я. «Кукушки», отдежурив сутки, уходили домой на двое суток. Во главе каждой смены стоял штатный пожарный. Нас тогда было трое: Виктор Хмелев, я и принятый на работу в один день со мной Фёдор Витковский. На взгляд, это был крепкий парень из пригорода Ленинграда, на котором как будто не отразились тяготы блокады. Тем неожиданнее явилась его смерть: он умер скоропостижно в булочной, располагавшейся в фанерном ларьке на углу Лесного проспекта и Батениной улицы (ныне ул. А. Матросова).

Наше общежитие штатных пожарных помещалось на 3-м этаже административного корпуса там, где сейчас находится

деканат 6-го курса. В соседней небольшой комнате размещались: Д.Н. Дурасов и Сергей Иванович Баев, его заместитель, в прошлом преподаватель кафедры физвоспитания. По соседству с ними располагались профессор А.Н. Антонов (профессор кафедры госпитальной педиатрии) и доцент кафедры ЛОР Карпов. Мы знали, что Антонов пишет книгу, а Карпов трудится над докторской диссертацией. За стеклянной перегородкой, на кухне, жил с семьей врач Онисько. Нам в своей комнате приходилось постоянно ходить на цыпочках, потому что директор Института Юлия Ароновна Менделева жаловалась, что «эти пожарники ужасно стучат своими сапожищами».

В директорских апартаментах большая комната с овальным столом, как и сейчас, служила кабинетом и местом заседания Учёного Совета. Соседняя — нынешний кабинет проректора по учёбе — была жилой: в ней жила сама Юлия Ароновна. При входе был кабинет проректора Ю.А. Котикова.

На первом этаже располагались, кроме уже упомянутого штаба МПВО, спецотдел, партком (секретарь — Фаина Огнева), главный бухгалтер Михаил Юлианович Калужинский, бухгалтерия, расчётный отдел и отдел кадров вуза. По другую сторону лестничной площадки все осталось неизменным: кабинет главного врача — Давида Самойловича Тумаркина, его секретаря — Любви Александровны, отдел кадров больницы, кассы, медканцелярия и лишь в «аппендиксе» располагалась хозчасть, возглавляемая Ильей Романовичем Валдайцевым. Его помощниками были Дмитрий Александрович Блинов и завхоз Коротков. В подвале, как я уже писал, размещались пожарный штаб (налево от входа) и помещение для «кукушек» направо. В каждом помещении была кирпичная печь, маленькие окошки пропускали минимум света. В штабе

постоянно находились дежурный штатный пожарный, секретарь штаба Лидия Ивановна Игуменова (жившая с матерью в городе и ежедневно приходившая на работу) и уборщицы штаба из числа «кукушек» — Валя Шмидт и Настя Тюкина, застигнутые блокадой Ленинграда жительницы Ленобласти.

Интересное зрелище являл собой Институт глазам дежурного пожарного, обязанного дважды в сутки обходить его территорию. Дорожки были расчищены теми же «кукушками», но жизнь за стенами действующих корпусов угадывалась лишь по дыму из железных труб «буржук», выведенных наружу через оконные проёмы. Изредка встречались закутанные санитарки, вёзшие на санках либо охапку дров, либо кастрюлю с едой для больных (в этом случае их было две). На заднем дворе дымила высокая кирпичная труба кочегарки. По счастью, она уцелела вопреки планам некоторых панических голов, предлагавших в начале войны взорвать эту трубу дабы лишить немецкую авиацию ориентира. Конечно, никаким ориентиром среди множества фабричных труб Выборгского района она служить не могла, но уж наверняка лишила бы Институт того минимума тепла, которым обеспечивал корпуса единственный котёл, работавший на довоенных запасах мазута, хранившихся в подземной ёмкости на заднем дворе. Административный корпус отапливался печами.

В Институт вели три входа: проходная, ворота на Литовской улице и ворота на Батениной. Действующая сторожка была и у почти всегда закрытых ворот на углу Литовской улицы и проспекта Карла Маркса. Вспоминается, как в конце января кто-то, просунув голову в штаб, сказал как бы между прочим: «У вас там дед горит». Мы не придали этим словам значения и продолжили

разговор. Вдруг открылась дверь, и на пороге возник дед с окладистой бородой. Из всех карманов и прорех ватных брюк и фуфайки валил едкий дым. Мы мгновенно вытолкнули деда на улицу и буквально вытряхнули его из куртки и из брюк, но дед, топчась босиком на снегу, никак не хотел спускаться в тёплый подвал и все повторял: «Карточки, карточки». К счастью, карточки не пострадали. Оказывается, дед замёрз, растопил печку и сел на нее погреться... Пострадать он не пострадал и через полчаса в новой экипировке направился на свой пост со строжайшим наказом не садиться на горячую печь. Пожалуй, это был единственный за всю блокаду пожар, где нам пришлось вмешиваться так активно...

Около Батенинских ворот каждое утро в январе, феврале и марте мы подбирали 6–7 трупов и оттаскивали их в подвал анатомического корпуса — это обессиленные люди доставляли умерших к Институту, будучи не в силах отвезти их на кладбище.

На заднем дворе располагалась и лесопилка. Под наблюдением представителя хозчасти каждая клиника могла отпилить себе от бревна два кругляша и расколоть их либо здесь же, либо около клиники — это была дневная норма.

Производственный корпус готовил пищу. Здесь размещались: главная кухня, возглавляемая Натальей Владимировной Балинской; молочная кухня, которой «командовала» Софья Исаевна Полякова; кухня прикорма; витаминный цех — заведующая Гоголь; Совет по питанию, в который входили профессор Александр Фёдорович Тур, профессор Вера Борисовна Киселева и производственники, изобретавшие казалось бы невозможные блюда из скудного ассортимента продуктовой кладовой, откуда продукты с точностью до грамма отпускали Анатолий Александрович Петухов и его помощник Михаил Ползик. Хлебом ведала Татьяна Фоминична Григорьева. Большим подспорьем явились еще довоенные заготовки витаминных соков из ягод подсобного хозяйства. Из-под арки налево дверь вела на техстанцию к главному электрораспределительному щиту Института и большой динамомашине. Когда-то эта машина обеспечивала электроэнергией городскую детскую больницу «В память священного коронования их Императорских Величеств». От тех ещё времён остались недействующая теперь динамомашина и начальник электростанции — Павел Николаевич Кропалов. Из машинного зала дверь вела в котельную.

Направо из-под арки дверь вела в столовую, располагавшуюся на втором этаже. Ее возглавляла Полина Федоровна Левинэ. Столовая, где за вырезанный

из карточки крупяной талон можно было получить в свою посуду один черпак супа, была средоточием жизни. Большей частью супом служила мучная болтушка, а иногда бывало и разнообразие, например «гороховый суп». Помню, как однажды, получив полкотелка горохового супа, я поставил его в теплую печку, а сам опустил по каким-то делам в штаб, согреваемый мыслью о предстоящем ужине. Когда удалось подняться наверх, то к моему великому ужасу от супа в тёплой печке остался только серый налёт на дне котелка, среди которого возвышались две или три шкурки от гороха. До сих пор живо во мне это воспоминание.

Для сильно дистрофированных сотрудников был создан силами дирекции пункт питания при СПМ в подвале акушерского корпуса. Сдавая карточки, люди приобретали возможность один раз в день получить, хотя и в небольших порциях, «настоящий калорийный обед» из трех блюд. Обычно, к СПМ прикрепляли на 2–3 недели, но и этого срока было достаточно, чтобы подкрепить угасающие силы. Самыми тяжелыми выдались дни в конце января 1942 года. Прекратилось водоснабжение Института, и сразу же под угрозой остановки оказался весь производственный корпус с его кухнями и котельной. В самом же Институте непомерные тяготы легли на пожарных: нам предстояло в бочках возить воду с Малой Невы. Представьте себе картину: 4–5 изможденных голодных женщин тянут по сугробам Батениной улицы санки с установленной на них бочкой с водой. А ведь бочку еще нужно было наполнить ведрами. За день удавалось привезти 3–4 бочки.

По мнению главного инженера, ледяная пробка образовалась в коллекторной трубе, проходившей под зданием анатомического корпуса. Эта задача так же была возложена на нас, в частности на мою смену «кукушек». Целую ночь мы пытались группами по 4–5 человек тяжёлыми кувалдами разбить застарелый цемент. Мне пришлось ночь напролёт ходить с фонарем «летучая мышь» вглубь подвала по узкому проходу между двумя штабелями трупов. Фонарь выхватывал из темноты то свисающие руки, то мертвые лица. К счастью, водоснабжение удалось через два дня восстановить.

Жизнедеятельности Института во многом способствовали действующие в помещении производственного корпуса прачечная (заведующая Прасковья Фоминична Устинова) и дезкамера (заведующая Анна Ивановна Левина), включенные в объекты МПВО, и поэтому их сотрудники получали дополнительные пайки хлеба и сахара. Благодаря их деятельности больные, да и сотрудники,

были избавлены от вшей, хотя многие больные поступали завшивленными. Кроме того, в производственном корпусе размещались радиоузел, о котором я писал, и телефонная станция, возглавляемая инженером Наташей Рассыпной — дочерью Наталии Владимировны Балинской. Связь в Институте работала бесперебойно.

В заслугу пожарникам можно поставить то, что за всю зиму в Институте не было ни одного случая возгорания. Правда, работала лишь часть зданий — корпуса микробиологии и биохимии, нормальной физиологии, яслей, анатомии, акушерский (кроме подвала) были законсервированы. Бомбёжки не коснулись Института, хотя после того как сошел снег весной 1942 года, возле 4-й госпитальной клиники мы обнаружили неразорвавшуюся зажигательную бомбу. Она представляла собой цилиндр с хвостовым оперением, длиной около полуметра, серебристого цвета. Мне было поручено доставить ее в мастерские МПВО района, помещавшиеся в доме 84 по проспекту К. Маркса. Этот дом сохранился, только бывший вход в мастерские со стороны улицы заложен и осталось на его месте окно. Всю дорогу от Института до мастерской я прошел пешком, неся бомбу на вытянутых руках, обливаясь холодным потом и неуверенно шагая на ватных от страха ногах. Осторожно вошел в мастерскую и доложил работающему у тисков мастеру о моей страшной ноше. «А брось ее в угол», — последовал ответ после взгляда через плечо на мою бомбу. «Т.т.то есть как брось?» «Да брось и все, видишь сколько их в углу навалено!» — я осторожно посмотрел — действительно, в углу виднелась куча родных сестер моей бомбы. «А хочешь мы ее при тебе разрядим?» Отказаться от этого «удовольствия» мне не позволила гордость, и тогда, к моему величайшему ужасу, мастер зажал бомбу в тиски, взял зубило и молоток и начал изо всех сил бить бомбу по цилиндрической головке, стараясь стронуть с резьбы. Я уже мысленно простился с жизнью, как крышка поддалась и начала отворачиваться. Отвернув крышку,

мастер извлёк маленький капсюль, похожий на капсюль от охотничьего патрона, и после этого небрежно бросил обезвреженную бомбу в угол. Ко мне вернулся дар речи, но только для того, чтобы сказать: «Спасибо, очень интересно, до свидания!»

Артиллерийские обстрелы района часто беспокоили Институт, а дважды — в январе и в мае 1942 года — накрывали цель номер 708, так обозначался Институт на трофейных немецких артиллерийских картах. В первый раз снаряды разорвались на парапете законсервированных яслей и у фонтана, а второй раз снаряд попал в третью факультетскую клинику (впоследствии вторую факультетскую), и к тому же обрушил на крышу двухэтажного здания хирургического корпуса с северной стороны одну из лип. Никто не пострадал, потому что дети, как всегда при объявлении артиллерийской или воздушной тревоги, были спущены на ковре (рацпредложение одной из медсестер, Репиной) в бомбоубежище. Еще во время обстрела мы бросились туда. Урон был невелик, снаряд разорвался на чердаке, была разворочена крыша, пробит потолок, вся мебель в двух палатах была искорёжена, все вокруг было засыпано штукатуркой и, конечно, во всей клинике вылетели стекла. Возгорания, к счастью, не произошло: по строжайшей инструкции во время тревоги везде были загашены печки. В начале марта у входа в Институт появилось объявление о приёме студентов на первый курс и вскоре «пятак» у входа в Административный корпус стал самым оживленным местом в Институте. Конечно, ни о каких вступительных экзаменах не было и речи — просто принимали документы и поэтому среди абитуриентов оказались студенты консерватории, первого медицинского института, Университета и выпускники блокадных школ. Подал документы и я, «чтобы не терять времени», далекий от мысли изменить своей любимой химии, которой я серьёзно занимался с 7-го класса. В середине марта начались занятия «весеннего потока» — так мы окрестили свой набор. Слабые, истощённые блокадной зимой, слушали студенты

Олег Феодосьевич Тарасов

лекции по физике Бориса Васильевича Остроумова, по химии Михаила Михайловича Котона, по физиологии Макса Гуговича Закса. Мне, конечно, пришлось совмещать занятия с основной работой. Лекции читались в трех аудиториях (номер 1 и 2 в красном здании, номер 3 в хирургическом корпусе. Аудитория 1 была впоследствии отдана кафедрам). Не прошло и месяца, как весенний поток был взбудоражен известием об эвакуации в Пятигорск. Большинство склонялось к эвакуации, мечтая о занятиях в «мирных условиях». Эвакуировались еще по ледовой трассе «Дорога жизни». Я остался в Институте.

В конце марта началась декада по очистке города. Солнце уже пригревало, а город был завален снегом и нечистотами. Каждый получил удостоверение участника, в котором проставлялось количество отработанных часов. Норма для работающих была установлена в 20 часов. Первый день, 27 марта, выдался ясным, солнечным днём; погода, как мы тогда шутили, «летальная». Кажется, весь Выборгский район вышел на улицы. Кто сохранил силы — скалывал лёд, другие — по 4–5 человек нагружали сколотыми глыбами оледеневшего снега фанерные волокуши и тащили их к Неве. А на следующий день — о, чудо! — по расчищенным ото льда рельсам поехал трамвай. Обычный грузовой трамвай с двумя платформами, но его приветствовали и криками «Ура!», и слезами — ведь с ноября месяца ленинградцы не видели «живого» трамвая.

А в Институте продолжались напряженные трудовые будни... С мая месяца приступил к занятиям новый набор студентов, в апреле–мае начались огородные работы. Вскопана была большая часть территории: зазеленели всходы у хирургического корпуса, между одно- и двухэтажными зданиями около инфекционного корпуса сажали, используя семена — другого посадочного материала не было. В рационах столовой и главной кухни появились блюда из дикорастущих трав, «белковый» (из дрожжей) суп, котлеты из соевого шрота, изредка стали выдавать соевое молоко. Прекратилась массовая смертность. Было принято решение Горисполкома о разборке деревянных зданий на дрова, чтобы обеспечить город топливом на предстоящую зиму. Нам по разнарядке выделили три дома в старой деревне, от желающих принять участие в их разборке студентов и сотрудников не было отбоя, так как брёвна везли в институт, а мелочь раздавалась работающим.

Занятия все лето шли своим чередом. Обстрелы города продолжались...

В июле до нас дошли вести об эвакуированных. Раньше мы только имели сведения о том, что они благополучно добрались до Пятигорска и приступили

Товарищу Тарасов, Олег Федосеевич, во время наступательных действий дивизии с 10 июня 1944 по 26 июня 1944, будучи на должности военного переводчика дивизии, хорошо производил сбор военноязычных и своевременно инкорпорировал высестаданые и низестаданые штабы. 17.06.1944 тов. Тарасов, О. Ф., действуя с группой разведчиков, при соприкосновении с засадой пр-ка, лично убил 3 фризов и издал у них личные документы.

После перевода этих документов, данные с пр-ка оказались ценными и своевременно для командования дивизии. Выполнив свою работу военного переводчика, тов. Тарасов О. Ф. неоднократно ходил в разведку. С работой военного переводчика дивизии справляется. Много уделяет внимания инкорпорации высестаданых и низестаданых штабов, данных о пр-ке. Тов. Тарасов О. Ф. проявил себя как отличного — Сталина.

ТОВ. ТАРАСОВ О.Ф...

к занятиям. После этого сообщения связь прекратилась и мы только с тревогой читали сводки Совинформбюро о продвижении немцев на Кавказе. Оказывается, нашим эвакуированным пришлось бежать из Пятигорска и они оказались в Барнауле. В оккупированном Пятигорске была повешена немцами сотрудник кафедры организации здравоохранения З.О. Мичник. В Барнаул беженцы прибыли почти без вещей.

Тотчас по распоряжению Ю.А. Менделевой началась подготовка «посылки». В эту посылку, состоящую из 20 больших ящиков, вошли учебники, постельное белье, ватники и железные печки с трубами, изготовленные срочно в экспериментальных мастерских и уложенные в ящики с маркировкой «микроскопы». Естественно, что иначе груз бы просто не приняли к перевозке, а у беженцев нужда в микроскопах определенно отступала на задний план. Сопроводить этот груз до Барнаула должна была сотрудница института Мария Федосеевна Захарова, впоследствии многолетний председатель месткома, а обеспечить переправу этих грузов через Ладогу и погрузку их на поезд поручили мне и второму пожарному Диме Моисееву. Без приключений добрались мы до Осиновца, перегрузили ящики на лихтер и через четыре часа были на другом берегу Ладоги в Кобоне. Товарные вагоны стояли уже на пирсе и поэтому не составило большого труда перегрузить и нашу «посылку» в вагон. Облегченно вздохнув, мы помчались на питательный пункт для эвакуированных ленинградцев. Там получили по миске наваристого супа, миску каши (со сливочным маслом!), килограмм хлеба, 260 грамм сахара и 200 грамм масла. Естественно, все это было уничтожено за короткое время с аппетитом молодых

Тарасов Олег Феодосьевич, Чехословакия, 1944 год. Ему 20 лет

волков. Расплачиваться за жадность пришлось в полной мере дважды! Ночь в вагоне мы спали более чем чутко, — этому способствовали желудки, отвыкшие от столь обильной и добротной пиши, — а второй раз на следующий день, когда мы узнали, что этот сухой паек выдан из расчета на три дня. Хорошо, что уже в этот день поезд отправился по назначению, а мы получили возможность через сутки голодными добраться до Ленинграда.

В сентябре пожарная служба МПВО была ликвидирована и я перешел на работу электромонтером, а с января 1943 года стал заведовать радиоузлом Института вплоть до 25 мая — дня призыва в Красную армию.

...Вспоминаются дни боев, тяжелые дни боев в пригородах родного Ленинграда. Наша 72-я Стрелковая дивизия наступала от Ленинграда в направлении Нарвы, освобождая Эстонию, а затем была переброшена на 1-й Украинский фронт, где начав наступление с Сандомирского плацдарма, прошла с боями Силезию и встретила День Победы в Вальденбурге. Однако бои для нас еще не кончились, в Чехословакии сопротивлялась, стремясь прорваться на запад, большая группировка немцев под командованием фельдмаршала Шернера. И еще три дня после Победы в последних, завершающих боях на территории Чехословакии мы теряли наших товарищей.

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Старшина.

Добровольно вступил в армию народного ополчения.

В 1941–1945 гг. — диктор-переводчик 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, разведчик 40-й разведывательной роты 72-й стрелковой Павловской Краснознаменной Ордена Суворова дивизии в составе Ленинградского, 1-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Праги» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

К.м.н., доцент кафедры детских болезней, проректор по научной работе. Направления его научной деятельности — детская гематология, вопросы организации детского здравоохранения. В течение ряда лет работал за рубежом, возглавляя педиатрический центр советского Красного Креста в Дели.

Там дежурили 4 человека, а иногда и пять. Проверяя работу дежурных во время тревоги, я всегда была поражена, какой там был порядок. Все инструменты на своих местах, противопожарные средства тоже. Дежурные находились по своим назначенным им местам, а не собирались вместе. Встречала меня при выходе пожилая женщина, санитарка с терапии и очень толково объясняла, что надо сделать, чтобы легче было переходить через бревна. Я спросила, как ее фамилия, а она мне сказала: «Зовите меня тетей Нюшей». После двухнедельного перерыва я снова оказалась на этом чердаке, но тети Нюши уже не было.

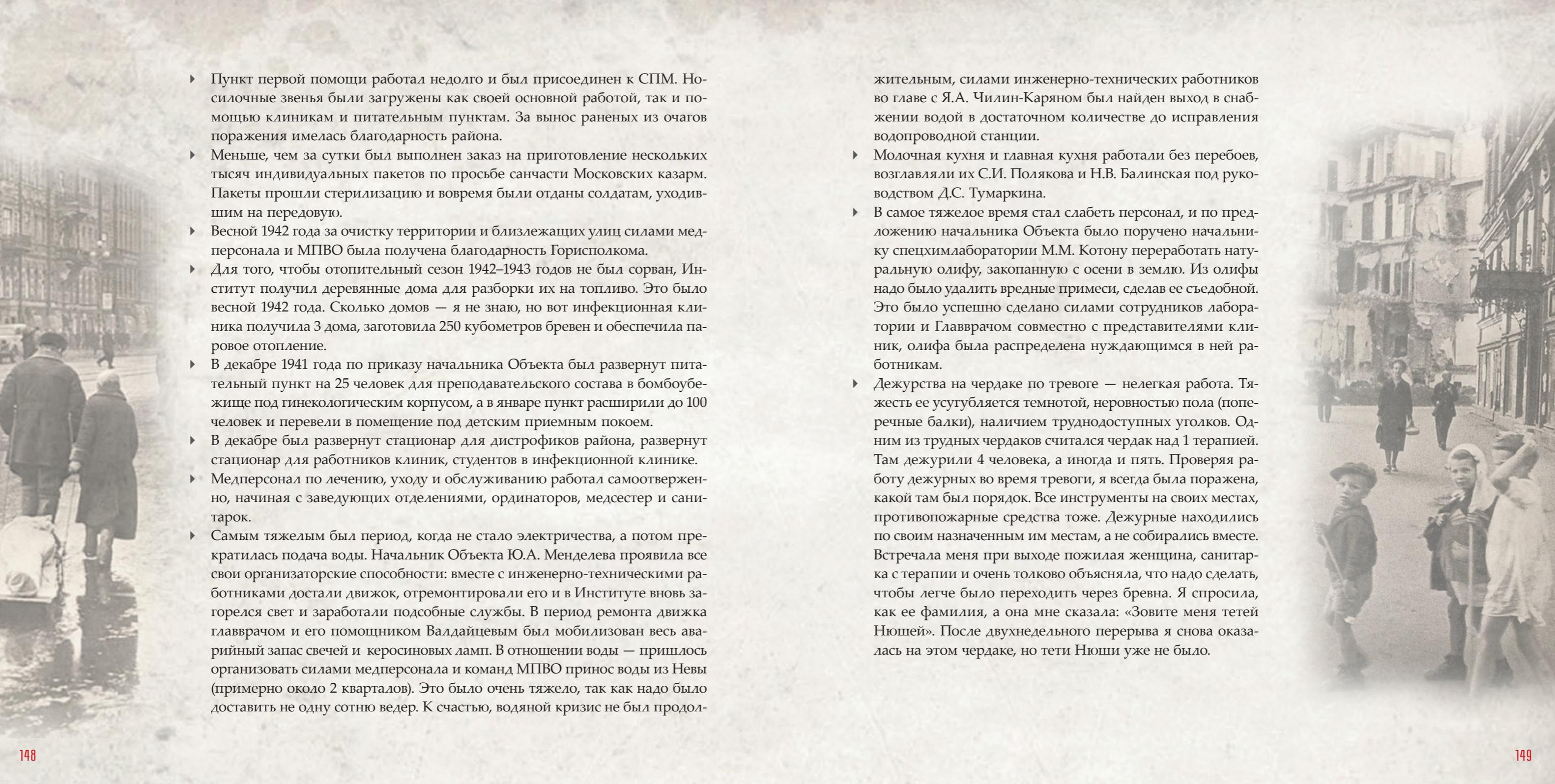
**Сонина А.В., врач-инфекционист,
начальник штаба МПВО ЛПМИ**

АННА ВАЦЛАВОВНА СОНИНА

К моменту начала Отечественной войны 1941 года был сформирован состав команды МПВО ЛПМИ. Начальник Объекта — Ю.А. Менделева, секретарь парткома — Ф.В. Отнева, начальник штаба МПВО — А.В. Сонина.

Силами медперсонала клиник и команд МПВО была проведена следующая работа:

- ▶ Переклейка стекол во всех окнах зданий института.
- ▶ Засыпка пола чердаков гарью и песком на указанную толщину слоя. Всего 23 чердака.
- ▶ Выкопаны траншеи, установлены дополнительные крепления бомбоубежищ для укрытия людей с накаткой бревен и засыпкой — силами восстановительной команды.
- ▶ Разбор деревянного здания у детского приемного покоя, опасного при попадании зажигательных бомб в отношении пожара — силами восстановительной команды.
- ▶ Развертывание бомбоубежищ, оснащение их инвентарем вначале для временного пребывания по тревоге, а потом и постоянного пребывания — силами персонала клиник, носилочного звена и звена ревпорядка.
- ▶ Дополнительное оснащение спецхимлаборатории, которая была признана лабораторией первой категории. Работа проведена М.М. Котоном и сотрудниками Барсуковой, Ю.Н. Берг и другими. За хорошую работу имелся приказ района с благодарностью.
- ▶ Начальником СПМ В.И. Лубенской была проделана большая работа по подготовке персонала. Но сама работа СПМ была как пункт первой помощи со стационаром в бомбоубежище. Особенно нужно отметить работу операционных сестер Маханьковой, Е.И. Людоговской, З.И. Марковой-Ариничевой, а также всего операционного блока гинекологии, сестер-санитарок, а также врачей Белошапко, Онисько и хирургов гинекологического корпуса.

- ▶ Пункт первой помощи работал недолго и был присоединен к СПМ. Носилочные звенья были загружены как своей основной работой, так и помощью клиникам и питательным пунктам. За вынос раненых из очагов поражения имелась благодарность района.
- ▶ Меньше, чем за сутки был выполнен заказ на приготовление нескольких тысяч индивидуальных пакетов по просьбе санчасти Московских казарм. Пакеты прошли стерилизацию и вовремя были отданы солдатам, уходившим на передовую.
- ▶ Весной 1942 года за очистку территории и близлежащих улиц силами медперсонала и МПВО была получена благодарность Горисполкома.
- ▶ Для того, чтобы отопительный сезон 1942–1943 годов не был сорван, Институт получил деревянные дома для разборки их на топливо. Это было весной 1942 года. Сколько домов — я не знаю, но вот инфекционная клиника получила 3 дома, заготовила 250 кубометров бревен и обеспечила паровое отопление.
- ▶ В декабре 1941 года по приказу начальника Объекта был развернут питательный пункт на 25 человек для преподавательского состава в бомбоубежище под гинекологическим корпусом, а в январе пункт расширили до 100 человек и перевели в помещение под детским приемным покоем.
- ▶ В декабре был развернут стационар для дистрофиков района, развернут стационар для работников клиник, студентов в инфекционной клинике.
- ▶ Медперсонал по лечению, уходу и обслуживанию работал самоотверженно, начиная с заведующих отделениями, ординаторов, медсестер и санитарок.
- ▶ Самым тяжелым был период, когда не стало электричества, а потом прекратилась подача воды. Начальник Объекта Ю.А. Менделева проявила все свои организаторские способности: вместе с инженерно-техническими работниками достали движок, отремонтировали его и в Институте вновь загорелся свет и заработали подсобные службы. В период ремонта движка главврачом и его помощником Валдайцевым был мобилизован весь аварийный запас свечей и керосиновых ламп. В отношении воды — пришлось организовать силами медперсонала и команд МПВО принос воды из Невы (примерно около 2 кварталов). Это было очень тяжело, так как надо было доставить не одну сотню ведер. К счастью, водяной кризис не был продол-

жительным, силами инженерно-технических работников во главе с Я.А. Чилин-Каряном был найден выход в снабжении водой в достаточном количестве до исправления водопроводной станции.

- ▶ Молочная кухня и главная кухня работали без перебоев, возглавляли их С.И. Полякова и Н.В. Балинская под руководством Д.С. Тумаркина.
- ▶ В самое тяжелое время стал слабеть персонал, и по предложению начальника Объекта было поручено начальнику спецхимлаборатории М.М. Котону переработать натуральную олифу, закопанную с осени в землю. Из олифы надо было удалить вредные примеси, сделав ее съедобной. Это было успешно сделано силами сотрудников лаборатории и Главврачом совместно с представителями клиники, олифа была распределена нуждающимся в ней работникам.
- ▶ Дежурства на чердаке по тревоге — нелегкая работа. Тяжесть ее усугубляется темнотой, неровностью пола (поперечные балки), наличием труднодоступных уголков. Одним из трудных чердаков считался чердак над 1 терапией. Там дежурили 4 человека, а иногда и пять. Проверять работу дежурных во время тревоги, я всегда была поражена, какой там был порядок. Все инструменты на своих местах, противопожарные средства тоже. Дежурные находились по своим назначенным им местам, а не собирались вместе. Встречала меня при выходе пожилая женщина, санитарка с терапии и очень толково объясняла, что надо сделать, чтобы легче было переходить через бревна. Я спросила, как ее фамилия, а она мне сказала: «Зовите меня тетей Ньюшей». После двухнедельного перерыва я снова оказалась на этом чердаке, но тети Ньюши уже не было.

Не редки были случаи, когда мы спешили на лекции во время интенсивных артиллерийских обстрелов Выборгского района.

В этих случаях дежурные команды ПВО препровождали граждан в ближайшие убежища (движение по улице прекращалось).

Когда же во время лекции разрывался снаряд во дворе Института (было и такое) или же в непосредственной близости от здания Института, НИКТО в аудитории даже не поднимался с места, лекция продолжалась, как будто ничего не произошло.

А.Ф. Волкова, заведующая кафедрой марксизма-ленинизма ЛПМИ

АННА ФЁДОРОВНА ВОЛКОВА

В ЛПМИ я пошла работать совершенно неожиданно для себя.

Весной 1942 года, после тяжелой, холодной и очень голодной зимы высшие учебные заведения Ленинграда, за исключением медицинских, были эвакуированы.

Однажды, это было летом 1942 года, когда я занималась эвакуацией академиков из Академии Наук, ко мне в Горком пришла директор ЛПМИ Юлия Ароновна Менделева (член КПСС с 1905 года). Неожиданно для меня она попросила меня дать согласие на работу в ЛПМИ заведующей кафедрой марксизма-ленинизма. Я знала, что медицинские учебные заведения не прекращали своей работы даже в летний период. Процесс обучения шел непрерывно. Взамен выпускников сразу же производился новый приём. Фронты требовали огромного количества врачей и других медицинских работников, готовить эти кадры обязаны были медицинские учебные заведения.

Первый вопрос, который надо было решать немедленно, был вопрос о преподавательских кадрах кафедры. Дирекция Института предоставила кафедре марксизма-ленинизма очень хорошее помещение в большом сером полукруглом помещении выходящим фасадом на улицу Матросова (бывшая Батенина), на втором этаже, состоявшее из нескольких комнат и коридора. Лекции для студентов читали в больших аудиториях, т.к. потоки учащихся насчитывали 200 и более человек.

Работать в Институте во время блокады Ленинграда было очень и очень трудно. Город ежедневно и ежечасно подвергался бомбежке с воздуха и обстрелам из артиллерийских орудий.

Городской транспорт работал крайне нерегулярно. Преодолевать большие расстояния приходилось чаще всего пешком. Кроме того, постоянный голод подтачивал физические силы, ослаблял память, а о нервах уж и говорить нечего. Постоянное нервное перенапряжение, сон урывками

(стали мы не раздеваясь, как солдаты в полной боевой готовности), всё это сильно снижало обычную работоспособность. И, несмотря на такие условия, я не помню случая, чтобы кто-то из нас, преподавателей, не явился на лекции или семинарные занятия, на заседание кафедры или какое другое важное совещание.

Сама я читала лекции I и II курсу, руководила семинарскими занятиями, преподавала историю партии врачам, готовящимся к сдаче кандидатских экзаменов. Надо сказать, что в течение всего периода войны в Институте регулярно заседал Ученый совет (его членом являлась и я), который обсуждал кандидатские и докторские диссертации и присваивал ученые степени.

Лекции и семинарные занятия, экзамены и Государственные экзамены проводились строго по расписанию, утверждавшемуся зам. директора по учебной части д.м.н., профессором Юрием Агеевичем Котиковым.

Не редки были случаи, когда мы спешили на лекции во время интенсивных артиллерийских обстрелов Выборгского района. В этих случаях дежурные команды ПВО препровождали граждан в ближайшие убежища (движение по улице прекращалось).

Когда же во время лекции разрывался снаряд во дворе Института (было и такое) или же в непосредственной близости от здания Института, НИКТО в аудитории даже не поднимался с места, лекция продолжалась, как будто ничего не произошло.

Секретарем парторганизации Института была тогда врач Фаина Васильевна Огнева. Кафедра работала с ней в тесном контакте (хотя мы, как совместители, не состояли в Институте на партийном учете) и не отказывала парткому ни в одной просьбе.

Время от времени кафедра выделяла своих работников на огородные работы в подсобных хозяйствах Института. А осенью, когда поспевал урожай, дирекция давала распоряжение о выдаче работникам кафедры по несколько килограммов различных овощей, что было большой поддержкой в питании каждого из нас.

Никаких уборщиц у нас в то время не было, помещения кафедры мы убирали сами и держали их всегда в чистоте. Некоторые руководители Института (директор, заместитель директора по административно-хозяйственной части т. Чилин-Карян и др.) жили в Институте и находились на казарменном положении.

Были месяцы, когда все преподаватели Института не получали ни копейки зарплаты, т.к. по решению общего собрания отдавали зарплату то на танки, то на самолеты для фронта.

Несмотря на войну и блокаду, в Институте отмечали юбилеи его работников (профессора К.К. Скробанского, Ю.А. Менделевой и других). В праздновании юбилейных дат принимал участие весь профессорско-преподавательский состав (вносили по 100 рублей и организовывали товарищам ужин).

Клементина Черчилль после посещения Педиатрического института, 1945 год

В концерте, посвященном юбилею, выступали профессора и преподаватели (игра на скрипке, на рояле, художественное чтение), приезжали и жены профессоров, иногда профессиональные артисты, как например С.П. Преображенская.

В Ленинграде я возглавляла филиал Антифашистского Комитета советских женщин. Поэтому все женские иностранные делегации, приезжавшие в наш город, встречала я, проводила с ними все дни их пребывания и провожала их из Ленинграда. В этой работе мне помогали многие знатные женщины города, в том числе и Юлия Ароновна Менделева. Женские иностранные делегации я часто привозила в Педиатрический институт, где обычно показывалось много интересного для них. Помню, как восторгались всем увиденным в Институте фран-

цузские женщины во главе с председателем международной Женской демократической федерации Эжени Коттон.

Во время посещения Института одной из иностранных делегаций, Юлия Ароновна решила показать им кабинет детской мягкой игрушки. Такую игрушку изготавливали работницы Института под руководством опытного мастера-женщины (не помню теперь ее фамилии). Всех тогда поразила высокая художественность мягкой игрушки (в кабинете была богатая выставка таких игрушек).

Юлия Ароновна предложила иностранным гостям «если желают, взять что-нибудь на память». И к ужасу своему увидела, что все игрушки были разобраны гостями с выставки мгновенно.

На другой день, когда я пришла в Институт на лекцию, Юлия Ароновна спросила меня, сокрушенно качая головой: «Что же я теперь скажу заведующей кабинетом? Ведь ни одной игрушки даже на образец не осталось!»

В те годы в Педиатрический институт приезжало много знатных иностранных гостей, во встречах с ними принимали участие и сотрудники кафедры марксизма-ленинизма.

В Институте побывала мадам Черчилль, жена премьер-министра Великобритании, совершавшая поездку по Советскому Союзу.

Летом 1943 года, когда я получила извещение о гибели своего мужа в боях под Курском, первый человек, с которым я поделилась своим горем и который переживал его вместе со мной, была Юлия Ароновна Менделева. Когда Юлия Ароновна в середине 50-х годов вернулась из ссылки, я не однажды посещала ее дома во время болезни.

На ее похоронах было очень много работников Института.

Выступив с надгробным словом (что я делала в редчайших случаях), я постаралась выразить в нем и мое глубокое уважение, и мою любовь к Юлии Ароновне, и большую скорбь по поводу этой тяжелой утраты.

Работа в клиниках и учебные занятия продолжались несмотря на бомбежку. Только после резкого похолодания, когда полопались водопроводные трубы и батареи парового отопления, занятия временно прекратились. Но довольно быстро были сложены железные печи под руководством опытного печника Озолина. Студенты занимались в пальто, сотрудники в ватниках. Электроэнергия подавалась с перебоями, пользовались коптилками, иногда фонарями. Трамваи не ходили, но студенты приходили регулярно, иногда издалека. Приходили замерзшие и закопченные от домашних времянок.

Ю.Н. Берг, доцент кафедры химии ЛПМИ

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА БЕРГ

Уже в конце тридцатых годов создалось тревожное положение в Европе в связи с ростом фашизма и германского милитаризма. Наша страна стала готовиться к обороне.

Также и у нас в институте были организованы команды: медицинские (начальниками были врачи Т.И. Кузина, К.Л. Дрейер, С.И. Лубенская), аварийно-восстановительная (начальник — заведующий техстанцией И.И. Глуценко), противопожарная противохимическая или дегазационная (начальник — ассистент кафедры общей химии И.А. Чернов, потом Ю.Н. Берг). На базе кафедры общей и органической химии была развернута спецхимлаборатория по анализу воды и пищевых продуктов на присутствие в них шести ОВ. Начальником медицинской службы был главный врач Д.О. Тумаркин, начальником химслужбы и спецхимлаборатории — доцент кафедры общей химии М.М. Котон. В подвалах устраивались бомбоубежища, дезинфекционная камера института была переоборудована для дегазации одежды. На кафедре общей химии создавалась мощная вентиляция, позволявшая работать с отравляющими веществами. Вся эта работа проводилась под руководством начальника штаба МПВО института врача инфекционной клиники А.В. Сониной и главного инженера Н. Пучковского. По распоряжениям штаба МПВО города проводились неоднократно тренировочные учения в командах и в спецхимлаборатории.

22 июня 1941 года в 6 часов утра были вызваны на сборные пункты института начальники команд и служб, а в 11 часов сообщило радио о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Больных детей спустили в бомбоубежище, окна кафедры общей химии, помещавшейся на первом этаже, были срочно засыпаны песком и забиты досками, чтоб обезопасить круглосуточную работу членов спецхимлаборатории. Команды МПВО разбили на дежурные смены,

которые в часы дежурства должны были являться на сборные пункты по сигналу воздушной тревоги. Часть сотрудников института и дирекции были переведены на казарменное положение. Так как линия фронта очень быстро приближалась к Ленинграду, то население участвовало в оборонных работах по рытью противотанковых рвов в пригородах и на окраине Ленинграда.

Работа в клиниках и учебные занятия продолжались несмотря на бомбежку. Только после резкого похолодания, когда полопались водопроводные трубы и батареи парового отопления, занятия временно прекратились. Но довольно быстро были сложены железные печки под руководством опытного печника Озолина. Студенты занимались в пальто, сотрудники в ватниках. Электроэнергия подавалась с перебоями, пользовались коптилками, иногда фонарями. Трамваи не ходили, но студенты приходили регулярно, иногда издалека. Приходили замерзшие и закопченные от домашних времянок.

Ни дворников, ни водопроводчиков и других рабочих не было — кто ушел на фронт, кто умер от голода. Все делали сами — расчищали территорию от снега, вставляли стекла, заготавливали топливо, разбирая деревянные строения. Весной 1942 года даже скалывали и убирали толстый слой снега и льда со всех улиц, прилегающих к институту. Правильно отметил недавно профессор М.М. Котон, о котором я писала в моей статье от 25 марта 1985 года, что со стороны истощенных голодом людей это было подвигом. Но люди не роптали — знали, что это надо. В связи с пожаром на Бадаевских складах продуктовые карточки полностью не отоваривались и дирекция открыла в административном корпусе столовую, в которой сотрудники могли получать питание в пределах карточных норм. В инфекционной клинике был открыт стационар для наиболее ослабевших сотрудников. В спецхимлаборатории дежурные смены под руководством М.М. Котона начали выделять льняное масло из олифы и витамин «С»

из хвойных игл. Это тоже распределялось наиболее нуждающимся сотрудникам и студентам, и поддержало их. Часть населения эвакуировалось, повысились нормы выдачи продуктов.

Весной 1942 года жить стало легче — пошли трамваи, появилась молодая крапива и другие травы, пригодные в пищу, вся территория института была превращена сотрудниками в огород. Желающим выделяли участки под огород в подсобном хозяйстве на Ржевке, но ездить было небезопасно из-за участившихся обстрелов города. Постепенно, благодаря И.И. Глуценко, был восстановлен водопровод, и можно было продолжать научно-исследовательскую работу и занятия кружка СНО на кафедре.

Все эти годы нас поддерживала вера в успешное окончание войны. Когда это свершилось, наша радость и благодарность всем участникам войны, обеспечившим эту Победу, была безгранична.

Мы все с удовольствием встречаем весну, но весна этого года — года 40-летия Победы — особенно радостна для нас.

Наш выпуск был первым неускоренным выпуском военных лет. Учебу в Институте мы совмещали с работами по восстановлению города и с работой в подсобном хозяйстве Института. Надо учесть, что и учеба, и работа — все это происходило в городе-фронте.

Нас бомбили, нас обстреливали. На наших глазах погибали наши товарищи, мирные люди города. Не забыть мне смерти во время артобстрела моей подруги Кати Львовой — снаряд попал в трамвай, в который она села, а я не успела сесть (не смогла подбежать к нему). Она умерла на носилках, когда мы уносили ее с места разрыва снаряда в Институт.

Е.Д. Прокопова, выпускница 1943 года, преподаватель кафедры психиатрии

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ПРОКОПОВА

По окончании школы-десятилетки в 1937 году я поступила во Второй Медицинский институт. В 1939–1940 годах, во время Финской компании, одновременно с учебой в институте работала в госпитале медсестрой.

Весной 1942 года я подала документы для продолжения учебы в Педиатрический институт. Чувствовала себя очень ослабленной и просила принять меня на третий курс для повторения пройденного материала и для досдачи некоторых, новых для меня, дисциплин. Но декан, профессор Юрий Агеевич Котиков, ознакомившись с моей зачетной книжкой, зачислил меня на четвертый курс с досдачей не пройденных мною предметов в процессе текущей учебы.

Было нелегко, но после всего пережитого это уже казалось пустяками. Вся обстановка в Институте, забота о студентах, дружный коллектив Института — все это вселяло силы, способствовало бодрому настроению, помогало в учебе. И, сдав госэкзамены с отличием, я закончила Педиатрический институт в октябре 1943 года.

Наш выпуск был первым неускоренным выпуском военных лет. Учебу в Институте мы совмещали с работами по восстановлению города и с работой в подсобном хозяйстве Института. Надо учесть, что и учеба, и работа — все это происходило в городе-фронте. Нас бомбили, нас обстреливали. На наших глазах погибали наши товарищи, мирные люди города. Не забыть мне смерти во время артобстрела моей подруги Кати Львовой — снаряд попал в трамвай, в который она села, а я не успела сесть (не смогла подбежать к нему). Она умерла на носилках, когда мы уносили ее с места разрыва снаряда в Институт.

По окончании Института мне предложили остаться работать в нем. Меня интересовала психопатология, но места на кафедре психиатрии тогда не было, и я была зачислена клиническим ординатором по кафедре инфекционных болезней детского возраста. С февраля 1944 года меня перевели на кафедру психиатрии, также клиническим ординатором.

*Мои две подруги и я жили за городом, в Парголово. В Институт мы приезжали к 7 часам утра...
Обратно возвращение поезда было в 17 часов.*

*В ожидании занятий мы обычно проводили время в аудитории № 1. К нашему появлению печь-временка, как правило, была уже затоплена, и мы в тепле могли готовиться к занятиям.
До сих пор поднимается теплое чувство благодарности препаратору кафедры физики.*

*Фамилию, к сожалению, мы не запомнили...
Занятия проходили живо, так как несмотря на лишения, связанные с блокадой, вся группа приходила на занятия хорошо подготовленной.*

**А.В. Боголюбова, выпускница 1947 года,
доцент кафедры общей гигиены ЛПМИ**

А.В. БОГОЛЮБОВА

Великая Отечественная война началась, а я только едва успела закончить 9 классов. Многие юноши нашего класса в первые же месяцы войны ушли добровольцами на фронт... а мы, девушки, были мобилизованы на оборонные работы... В марте 1942 года, не окончив курсы, мы были направлены в лес на заготовку дров, весной заготавливали хвою для приготовления витаминных настоев. Позднее мы заготавливали на пригородных болотах мох, который использовали в госпиталях вместо ваты. Летом, когда появилась зелень, наряду с работой по заготовке мха трое из нашего класса: Л. Огнева, Э. Золотова и я приступили к самостоятельным занятиям по программе 10 класса. К октябрю 1942 года все трое сдали экстерном экзамены за 10 класс и сразу же поступили в ЛПМИ.

Учебный год в Институте начался в ноябре 1942 года. Вновь принятые студенты сразу же включились в работу по подготовке помещений (аудиторий №1 и №2) к занятиям: устанавливали печи-временки, убрали и мыли полы.

Мои две подруги и я жили за городом, в Парголово. В Институт мы приезжали к 7 часам утра, так как поезд в Ленинград прибывал лишь один раз в сутки. Обратно возвращение поезда было в 17 часов. В ожидании занятий мы обычно проводили время в аудитории № 1. К нашему появлению печь-временка, как правило, была уже затоплена, и мы в тепле могли готовиться к занятиям. До сих пор поднимается теплое чувство благодарности препаратору кафедры физики. Фамилию, к сожалению, мы не запомнили. Лекции по физике читал профессор Б.А. Остроумов, который жил в то время на кафедре. Лекции по нормальной анатомии читала профессор А.В. Шилова. Она же вела и практические занятия в нашей группе. Навсегда остался в памяти ее тихий, но твердый и одновременно ласковый голос. Занятия проходили живо, так как несмотря на лишения, связанные с блокадой, вся группа приходи-

ла на занятия хорошо подготовленной. Лаборантом в анатомическом зале была В.Н. Вербицкая, всегда аккуратная, подтянутая, доброжелательная и трудолюбивая.

Особенно мне запомнились преподаватели тех лет: А.А. Большакова и Ю.Н. Берг. Весь период блокадных дней на кафедре общей химии действовал кружок СНО, руководимый М.М. Котоном. Занятия в кружке проходили очень интересно.

Лекции по биологии читал профессор В.А. Павлов, а по нормальной физиологии — проф. А.Г. Геницинский. Всю зиму 1942–43 годов, несмотря на тяжелые условия, занятия в Институте не прекращались.

Летом 1943 года все студенты были направлены на заготовку торфа на станции «Дунай». Работать приходилось на болоте. Резиновых сапог у нас не было, но мы получили противомикробные чулки, что значительно облегчило нам работу, правда, на небольшой срок. Все 100 человек жили в одном огромном бараке без каких-либо перегородок. На все это помещение было две маленькие печурки. Но мы не унывали, нормы выполняли. Работали бригадами (группа — бригада, староста — бригадир).

Изредка к нам приезжало руководство Института — директор профессор Ю.А. Менделева и зам. директора по учебной части проф. Ю.А. Котиков. Юрий Агеевич замечательный был человек, внимательный к нуждам студентов и очень доброжелательный.

Среди студентов царил атмосфера доброты и братства. За все годы обучения мы не имели каникул. Летом 1944 года мы участвовали в работах по восстановлению и расчистке города. Летом 1945 года мы осваивали программу 3-го дополнительного семестра, что позволило нашему курсу закончить пятилетнюю программу в срок к весне 1947 года.

ДО СИХ ПОР НЕ СОВСЕМ ПОНИМАЮ,
КАК ЖЕ Я, И ХУДА, И МАЛА,
СКВОЗЬ ПОЖАРЫ К ПОБЕДНОМУ МАЮ
В КИРЗАЧАХ СТОПУДОВЫХ ДОШЛА.
И ОТКУДА Взялось столько силы
ДАЖЕ В САМЫХ СЛАБЕЙШИХ ИЗ НАС?
ЧТО ГАДАТЬ! — БЫЛ И ЕСТЬ У РОССИИ
ВЕЧНОЙ ПРОЧНОСТИ ВЕЧНЫЙ ЗАПАС.

Юлия Друнина
«Запас прочности»

Комсомольцы помогли в рытье огородов на территории Института, где выращивались овощи для сотрудников, находящихся на казарменном положении.

Комитет ВЛКСМ в первые дни войны возглавил в Институте движение за безвозмездное донорство для нужд фронта и тыла (60 комсомольцев сдали кровь в 1941 году).

С.Б. Поташникова,
выпускница 1947 года,
секретарь комитета ВЛКСМ

СОФИЯ БОРИСОВНА ПОТАШНИКОВА

С самого начала войны вся комсомольская работа была перестроена на военный лад. Комитет ВЛКСМ ежедневно проводил мобилизацию комсомольцев (кроме ушедших в армию) в команды МПВО района и Института.

Бойцы этих команд занимались тушением зажигательных бомб на крышах и по территориям Института, круглосуточно несли службу пожарных. Одним из штатных пожарных Института 12 января 1942 года был зачислен комсомолец Олег Тарасов (ныне проректор по науке ЛПМИ). В функцию бойцов МПВО входила также эвакуация больных детей в бомбоубежища во время сигнала «Воздушная тревога».

Из комсомольцев, погибших в начале войны: Иван Комаров — бывший секретарь комитета ВЛКСМ; Давид Лондон — член курсового комсомольского бюро; Екатерина Львова (погибла при обстреле города у Института); Юра Баранцевич (погиб в блокадном Ленинграде); Наум Мац (погиб, защищая свой родной город Житомир в 1943 году); Раиса Куценогая — активная комсомолка, отличница учебы.

Из комсомольцев, оставшихся в Институте в 1941–43 годах, активно работали в комсомольских бюро Кривошеева (Журавлева), Ю.М. Фрейман (сейчас доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в I ЛМИ), А. Тарасова, П. Дадиомова, В. Коняшкина (сейчас В.А. Волкова — врач-окулист 23 поликлиники), С. Тряскунова (заведующая санчастью завода «Светлана»), Н. Лопатина (ассистент кафедры), З. Прусакова, Ю. Баранцевич (погиб), З. Моладушкина, Е. Милованова, Е.И. Богданова (ассистент кафедры психиатрии), Д. Балашевская, Г. Забелина, Т. Голикова, Г. Санина (Алекина), Юра Твардовский, Ю. Белугина, К. Дрейер, Е. Рохленко и Г. Рохленко, В. Степанова, Л.Е. Нодельман (Коган).

Из комсомольцев (46 человек) была создана бригада по разбору деревянных домов в Выборгском районе (бригадир С.Б. Поташникова).

Всего в городе было разобрано 9 тыс. деревянных домов.

Одновременно из ослабленных комсомольцев была создана бригада в помощь работникам молочной станции для изготовления витаминных соков из хвои и шиповника (12 человек).

В госпитале помню раненных, приходилось заниматься акушерством, было много эвакуированных из Таллина, Риги, беременных женщин, жен комсостава, часто с патологическими родами. И это нужно было вспомнить из лекций проф. Скробанского. Справилась. В руководимое мною отделение в Ленинграде поступил раненый ассистент кафедры анатомии Педиатрического института А.Н. Габузов, получивший огнестрельное ранение бедра, осложнившееся газовой гангреной. Антибиотиков тогда не было, применяли лампасные разрезы, сульфамиды и поили спиртом. Так жизнь устроила встречу ученицы с учителем, на операционном столе.

**О.А. Черных (Цветкова),
выпускница ЛПМИ 1938 года**

ОЛЬГА АРХИПОВНА ЧЕРНЫХ (ЦВЕТКОВА)

...В 1941 году в первые месяцы войны я была направлена на оборонно-окопные работы под Лугой, и видела убитых гражданских людей при бомбежках, оказывала медицинскую помощь. В 1941 году была призвана в Военно-Морской Балтийский флот и направлена в военно-морской госпиталь №3 в Ленинграде заведующей хирургическим отделением... Так что моя экстернатура по хирургии, мне очень помогла в практической работе. Всю Блокаду работала в Ленинграде и Кронштадте. Семья, дочь и родители оставались в Ленинграде и голодали, холодали как все ленинградцы. Мне приходилось получать трехдневную увольнительную, из Кронштадта по льду, мимо фортов, в маскировочном халате, пешком добираться до Лисьего Носа, а затем на попутной, до Ленинграда, чтобы принести им офицерский паек и сухари.

В госпитале помню раненных, приходилось заниматься акушерством, было много эвакуированных из Таллина, Риги, беременных женщин, жен комсостава, часто с патологическими родами. И это нужно было вспомнить из лекций проф. Скробанского. Справилась. В руководимое мною отделение в Ленинграде поступил раненый ассистент кафедры анатомии Педиатрического института А.Н. Габузов, получивший огнестрельное ранение бедра, осложнившееся газовой гангреной. Антибиотиков тогда не было, применяли лампасные разрезы, сульфамиды и поили спиртом. Так жизнь устроила встречу ученицы с учителем, на операционном столе.

Александр Федорович Тур — «Туринька», как мы его звали, — наш главный, самый любимый, самый почитаемый Учитель! Всегда спокойный, какой-то очень ласковый, с тихим голосом и добрыми глазами Врача. Мне кажется, что одним звуком голоса, одними своими глазами он умел лечить детей, а заодно и наши студенческие души в тяжелые дни войны и блокады. Большой ученый, умный, требовательный учитель, «врач от Бога» — таким он остался в памяти благодарных его учеников, светла о нем память.

Н. Яцевич, выпускница ЛПМИ 1942 года

НАДЕЖДА ЯЦЕВИЧ

Весной 1938 года Рабфак был закончен, пришло время исполнения давней мечты: я подала заявление в 1 Ленинградский медицинский институт, и после успешной сдачи экзаменов была принята на педиатрический факультет. В конце первого курса или в начале второго курса (точно не помню) наш факультет был переведен в Педиатрический институт на Литовскую улицу. Мы оставались жить в этом же общежитии (1 медицинского института) до глубокой осени 1941 года.

Мы, студенты, метались между общежитием на Петроградской стороне, Институтом на ул. Литовской и больницами в разных районах города, где проходили практику. Ездить в Институт надо было на трамвае №29, который очень часто попадал под бомбежку или обстрел, и хотя мы очень боялись, но до ноября 1941 года ездили, так как другого транспорта не было. А немцы уже рвались к Ленинграду. В ноябре под окна общежития попала тяжелая фугасная бомба. Жить в общежитии стало невозможно. Но вскоре для меня, для многих моих друзей все изменилось. Директором Педиатрического института была Юлия Ароновна Менделева, а секретарем парткома — Александра Жигарева (одна из героинь романа Н. Островского «Как закалялась сталь»). Это они спасли нас от голодной смерти, дали крышу над головой, дали возможность закончить институт, стать врачами, дали вторую путевку в жизнь...

В феврале 1942 года, когда уже давно замерзли на рельсах трамваи, застыл весь городской транспорт, не было света, жизнь поддерживалась редкими прибавками к пайке хлеба, а надежда на завтрашний день — только голосом Ольги Берггольц по радио, Юлия Ароновна Менделева посадила в машину студента 3 курса Сеню Дайховского (закончив Институт, он ушел на фронт и не вернулся), дала ему список и сказала: «Разыщи всех, кто еще жив, скажи, что институт работает, занятия в нем возобновляются, всем быть на лекциях!»

На общем собрании Юлия Ароновна сказала твердо: «К августу вы должны закончить полный курс института. Выходных дней, каникул не будет. Будете учиться утром и днем, а вечерами работать в госпиталях и клиниках, дежурить на крышах во время бомбежек — делать все, что от вас потребуется». И мы делали это все!

Наши преподаватели тоже жили в стенах Института, на своих кафедрах, деля общую с нами судьбу. Весной многие из них занялись огородами, делали грядки на парковых газонах, сажали картофельные «глазки», капусту, сеяли редиску и все, что можно было посеять, если есть семена.

На кафедре анатомии, еще до нашего перехода в Педиатрический институт, курс лекций читал нам профессор Привес — высокий, очень красивый брюнет, всегда чисто выбритый, элегантный, какой-то недоступный. Лекции он читал блестяще, но никогда не допускал в них ни шуток, ни улыбок, глаза были холодные. Мы побаивались его так же, как самой анатомии, на лекции не опаздывали и с них не удирали.

Александр Федорович Тур — «Туринька», как мы его звали, — наш главный, самый любимый, самый почитаемый Учитель! Всегда спокойный, какой-то очень ласковый, с тихим голосом и добрыми глазами Врача. Мне кажется, что одним звуком голоса, одними своими глазами он умел лечить детей, а заодно и наши студенческие души в тяжелые дни войны и блокады. Большой ученый, умный, требовательный учитель, «врач от Бога» — таким он остался в памяти благодарных его учеников, светла о нем память.

Кафедра фармакологии была для нас грозной, трудной, преподаватели требовали от будущих врачей очень много. Профессор Карасик читал лекции прекрасно, ошибок не прощал, оправдания не признавал, если ошибка могла повредить жизни больного. Ассистенткой его была нами очень любимая Кира Александровна Мещерская...

Профессор К.К. Скробанский — весь большой, очень быстрый и движениях, и в разговоре, и в чтении лекций. Будущие матери и просто больные женщины, наверно, молились на него как на своего особого «женского бога». Его учебник «Акушерство и гинекология» был настольной моей книгой в годы работы в районной больнице Мгинского района, к нему я обращалась не раз еще много-много лет.

Дорогие наши Учителя! Вас уже нет на Земле, нет в живых и большинства ваших благодарных учеников, но те, кто был возле вас, кто слушал вас, кто жил и работал после блокады, бережно храня ваши уроки, кто еще доживает свою старость уже в следующем — двадцать первом веке, хранят и память рассудка, и память сердца о вас!

В августе 1942 года Институт был закончен. Я успешно сдала госэкзамены и получила звание врача, к которому так стремилась и которое всем нам так нелегко досталось, ведь освоить двухлетний курс наук за полгода в условиях блокады и всего с ней связанного не так уж просто. Госэкзамены я сдала в числе лучших, и месяца через полтора подружка показала мне номер газеты «Ленинградская правда» за конец августа, где была фотография трех молодых врачей: на ней были Гела Чернова, Броня Славинская и я — Надя Яцевич. После этого мы получали много писем от воюющих ребят с разных фронтов с просьбой рассказать о своей жизни в блокаде.

В течение первых четырех месяцев 1945 года мне пришлось работать в ППГ (полевом подвижном госпитале). Хирургическая работа шла днем и ночью, в наступательных боях было много раненых. Я помню, например, что в начале апреля все врачи госпиталя в течение недели отдыхали только днем 2 часа, а уже с 2 часов дня вновь были в операционной.

*Г.М. Хитрик, заведующая
4-й госпитальной клиникой,
выпускница ЛПМИ 1938 года*

ХИТРИК ГАЙЯ МИХАЙЛОВНА

Вместе с наступающими войсками 1 Прибалтийского фронта наши госпитали уже с января 1945 года переместились из Литвы в Восточную Пруссию. Шли тяжелые бои, нашим войскам приходилось прорывать долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, преодолевать упорное сопротивление противника. В январе 1945 года были взяты Тильзин (ныне г. Советск) и Инстербург (г. Черняковск), в течение последующих двух месяцев нашей артиллерией и ударами с воздуха разрушалась крепостная оборона осажденного Кенигсберга. 9 апреля наши войска штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии городом Кенигсбергом.

В течение первых четырех месяцев 1945 года мне пришлось работать в ППГ (полевом подвижном госпитале). Хирургическая работа шла днем и ночью, в наступательных боях было много раненых. Я помню, например, что в начале апреля все врачи госпиталя в течение недели отдыхали только днем 2 часа, а уже с 2 часов дня вновь были в операционной.

В наших госпиталях к началу мая скопилось много раненых, эвакуация в тыл задерживалась из-за того, что восстанавливались железнодорожные пути. И хотя мы знали, что уже близка победа, что бои идут на подступах и в самом Берлине, однако, когда в ночь на 9 мая мы услышали оживленную стрельбу и залпы тяжелых орудий вблизи поселка, где располагались госпитали, стало тревожно за судьбу большого количества раненых.

С началом войны ежедневно все студенты дежурили на чердаках клиник, боролись с зажигательными бомбами. Каникул не было ни летом, ни зимой.

Я продолжала учиться, порой от голода еле волоча ноги до института. После занятий ещё нужно было сбегать к хлебному заводу, отстоять на жутком морозе очередь, чтобы получить по карточке 125 граммов серого, но безумно вкусного хлеба.

Затем получать приходилось и за папу, у которого от голода и холода отказали ноги. А позже и за маму...

Родители умерли от голода..

Т.В. Поцелуева, выпускница ЛПМИ 1942 года

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ПОЦЕЛУЕВА

*Посвящается моим родителям —
участнику финской и ВОВ Поцелуеву Александру Александровичу
и участнице ВОВ подполковнику медицинской службы
Поцелуевой Тамаре Васильевне*

*Составлено дочерью Т.В. Поцелуевой,
профессором Казанского университета Л.А. Поцелуевой*

Мои родители провели свои детские годы в Петрограде (с 26 января 1924 г. — Ленинграде), жили они в непосредственной близости друг от друга, папа — на проспекте им. Карла Либнехта, впоследствии Большом проспекте, а мама — на ул. Воскова, с 1938 г. — на Крестовском острове. Из-за раздельного обучения до 9 класса учились они в разных школах, но в 10 классе они встретились в параллельных классах школы №7 им. Макса Гельца, окончив её в 1938 г. в составе 1-го выпуска. Из-за маленького роста Саша называл Тамару любовно Кнопкой. После окончания школы Саша поступил в Институт физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, а Тамара — в Педиатрический медицинский институт.

В конце 1939 г. началась финская война. В институте физкультуры им. П.Ф. Лесгафта стали создавать студенческие лыжные батальоны. 6 января 1940 г. (день рождения Таминой мамы) Тамара зарегистрировала брак с Сашей, который прямо из-за праздничного стола ушёл на войну, все пошли его провожать (финская война закончилась подписанием 12 марта 1940 г. мирного договора с финнами, с нашей стороны погибло 170 000 человек, с финской стороны — 30 000 чел.). 27 февраля 1940 г. Тамара прописалась в квартиру мужа на Большом проспекте, д.70/72, кв. 14.

Страшная дата — 22 июня, когда началась война с немцами, застала Тамару в пионерском лагере связи в Толмачёво Ленинградской области, где она работала медсестрой и где в солнечный

воскресный день ждала друзей, чтобы отметить свой день рождения. Увидеться с мужем до ухода его на фронт Тамаре тогда не довелось.

С началом войны ежедневно все студенты дежурили на чердаках клиник, боролись с зажигательными бомбами. Каникул не было ни летом, ни зимой. Тамара продолжала учиться, порой от голода еле волоча ноги до института. После занятий ещё нужно было сбегать к хлебному заводу, отстоять на жутком морозе очередь, чтобы получить по карточке 125 граммов серого, но безумно вкусного хлеба. Затем получать приходилось и за папу, у которого от голода и холода отказали ноги. А позже и за маму... Блокада тяжело отразилась на семье Тамары Васильевны, родители умерли от голода.

В 1942 г. курс Тамары ускоренными темпами проходил обучение в институте в условиях блокадного Ленинграда, кроме того, будучи старостой группы, Тамара ходила по домам, собирая одноклассников в студенческие аудитории. Из-за пропущенных занятий государственные экзамены, которые состоялись в октябре 1942 г., сдавали не все студенты.

После окончания Педиатрического медицинского института, Тамара Васильевна в период с 15 октября 1942 г. по 27 февраля 1943 г. работала врачом-педиатром в поликлинике №34 (на ул. Пушкинской). Обслуживала она детей по вызовам, большинство квартир было коммунальными, и приходилось искать больного ребёнка по всем комнатам, находя его в кровати с матерью-дистрофиком. Детских инфекций не было. Дети ослабленные, не ходили, не играли. Были случаи, когда Тамара Васильевна по дороге на вызов к ребёнку получала сообщение, что по карточкам на 10 дней выдают суррогатные конфеты. Тамара Васильевна показывала ребёнку конфетку, и его сморщенное личико выдавало подобие улыбки.

В феврале 1943 г. Тамара Васильевна была мобилизована, при этом для перехода в РККА (рабоче-крестьянскую Красную Армию) на казарменное положение Тамара 11 марта 1943 г. выписалась из квартиры мужа на Большом проспекте. Далее она была направлена в Военно-медицинскую академию, где располагался эвакогоспиталь № 267, и определена для проживания в «Красные казармы» по ул. Боткинская, д. 9 а, к. 93.

Большая часть персонала академии была эвакуирована, оставлены были лишь те, кто был необходим для организации военного госпиталя. В это время в ГИДУВе были организованы хирургические курсы, на которые начальник торакального отделения, куда Тамара Васильевна была определена ординатором, её и направил.

В торакальном отделении, где лежали солдаты и офицеры с ранением грудной клетки и проникающими ранениями (лёгкие, сердце, рёбра, позвоночник) Тамара Васильевна проработала с марта 1943 г. по сентябрь 1944 г. Из-за маленького роста она при операциях была вынуждена пользоваться скамеечкой.

Фронтальная операционная. Т. Поцелуева, выпускница 1942 года

При окружении Ленинграда немцами места скопления людей постоянно обстреливались. Начальник никого не выпускал из отделения, т.к. медицинского персонала практически не осталось, а раненых всё подвозили и подвозили с фронта. Тамару попросили помочь и перейти в ортопедическое отделение. На следующий день после её перехода при артобстреле в торакальном отделении пробило крышу, снаряд разорвался на 3-м этаже, именно на месте бывшего поста Тамары. Вслед за взрывом Тамара побежала к зданию, надеясь на чудо, что вылеченных раненых успели перенести в бомбоубежище. Но ужас! Кто погиб, кто получил ещё более тяжелые ранения. Многие подготовленные к выписке раненые погибли. Тамару на прежнем посту заменил

Тамара и Саша

академик Майоров, он погиб, погибла врач с соседнего поста, медсестры в перевязочной. Все сотрудники считали, что погибла и Тамара Васильевна, т.к. взрыв был на её посту. О переходе Тамары Васильевны в ортопедию за день до взрыва никто не знал.

Из госпиталя Военно-медицинской академии Тамару вызвали в хирургическую группу усиления при танковой бригаде. Себе в группу она подобрала хорошую медсестру. Двигались вместе с бригадой по болотистой и лесной местности по маршруту — Нарва, Тарту, Таллин. В лесу Тамаре с медсестрой на двоих поставили маленькую палатку. Ночью они были вызваны к раненому, оказав помощь, вернулись к палатке, а она оказалась обстрелянной на уровне лежаков. Вызов к раненому оказался спасительным для обеих. Вот почему Тамару Васильевну можно назвать трижды обречённой: она трижды избежала смерти вначале от голода в блокадном Ленинграде, далее от прямого попадания бомбы в пост и, наконец, от пуль «лесных братьев».

Когда наши войска стали двигаться на запад, освобождённых русских собирали в Хельсинки и для них формировали эшелоны из товарных вагонов. Вагоны были оснащены полками и снабжены вёдрами и фонарями. Один вагон для медиков, другой для проведения медицинских процедур, в ящиках были медикаменты, необходимые инструменты, перевязочный материал. На остановках заболевших несли из других вагонов, ходячие больные приходили самостоятельно. В Выборге медики принимали всех едущих, обнаруженных при осмотре больных

оставляли в стационаре. Особенно высматривали беременных, которых было очень много, некоторые из которых скрывались, приходилось в пути и роды принимать. Когда немцы занимали советские территории, наше население пригоняли для работы к себе, а когда немцев стали гнать наши войска, угнанное население стали репатриировать (возвращать в СССР). Ведь стране как раз весной необходимы были рабочие руки для сельскохозяйственных работ. Тамару от работы с репатриантами освободили.

Последующий послужной список Тамары Васильевны включает работу в июне 1944 г. врачом хирургической группы усиления в танковом соединении (Выборг, Нарва), с 1 сентября 1944 г. по ноябрь 1945 г. — ординатором хирургического отделения ЭГ №991 (Ленинград, Лодзь, Белорусский фронт), с сентября по октябрь 1944 г. — врачом хирургической группы усиления в танковом соединении (Эстония), в период с марта по май 1945 г. — ординатором нейрохирургического отделения 3412 (Познань).

В Познани Тамара Васильевна была ответственной за работу нейрохирургического отделения госпиталя. Поступали раненые в спину, с поражённым черепом, позвоночником, с параличами. В операционной определяли их будущее: задеты ли позвонки пулей или осколком, задет ли спинной мозг или не задет? Если пострадал только позвонок, то его кусочек мог давить на спинной мозг. Осколки позвонка удаляли осторожно, постепенно появлялась чувствительность и медленные движения. Если был повреждён спинной мозг, раненого эвакуировали в СССР.

Затем Тамара Васильевна была переброшена в ортопедическое отделение, где собирали бойцов с ранениями конечностей, с комбинированными ранениями (челюсти, грудная клетка и т.д.).

Наши войска приближались к Берлину. Были ужасные бои, раненые поступали без перерыва, медикам было не до сна. Последние бои. Небо красное. Наконец, сообщают о капитуляции. Что тут было!!? Раненые выползали из палат, был жуткий шум, все кричали и плакали. Ведь многие в полку были как в семье, родные погибли, деревни уничтожены, серьёзно пострадали города. Поступление раненых уменьшилось и Тамару отпустили в свой госпиталь, который из Ленинграда разместился в Польше в пригороде г. Лодзи, где раньше располагался санаторий Тушино. Раненых было много, их старались долечивать, оперировать и возвращать на родину. Тамару по её настоятельной просьбе демобилизовали и она с трудом, используя разные виды транспорта, добиралась домой. Удалось это лишь в день их регистрации с Сашей — 6 января 1946 г. после 4,5 лет разлуки.

Поцелуева Т.В. награждена орденами Красной звезды и Отечественной войны II степени, а также множеством медалей как периода ленинградской блокады и нахождения в действующей армии, так и послевоенного периода, её труд отмечен также грамотами Минздрава РТ.

Голод не обошёл и нас. Чтобы выжить, мы научились есть и кошек, и собак. Однажды во время дежурства по зданию разнёсся запах жареного мяса. Мы бросились из подвала (места нашего расположения) на давно забытый аромат. Профессор (фамилию его не упоминаю) жарил «кролика». Всем досталось по кусочку и всем понравилось мясо кошки. Но ремни и столярный клей мы есть не могли. Силы убывали. Благодаря заботе директора института Юлии Ароновны Менделевой студенты получали соевые шроты (не путать со шпротами) и какую-то похлёбку. Смерти среди студентов не было.

Б.В. Зайцев, выпускник ЛПМИ 1942 года

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ЗАЙЦЕВ

Был хороший, солнечный воскресный день 22 июня 1941 года. И вдруг, как гром среди ясного неба, в 13 часов дня из чёрных тарелок громкоговорителей прозвучали слова министра иностранных дел Вячеслава Молотова: «Война! Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз». Через несколько дней выступил Иосиф Виссарионович Сталин: «Братья и сёстры! К вам обращаюсь я...». Он обратился к народу за помощью встать грудью на защиту своей Родины.

После войны я обратился к начальнику Управления аппарата Совета Федерации федеративного собрания Российской Федерации информации и документации и получил подробный ответ на мои вопросы о статистике через «Музей обороны и блокады Ленинграда».

По последней переписи населения в 1939 году в Ленинграде проживало 3 млн 119 тыс человек. На день войны 3 млн 500 тыс человек. 28 июня постановлением ленинградского обкома партии стало создаваться Народное Ополчение. В их ряды было призвано 110 тыс. ленинградцев. Было мобилизовано 4 тыс. коммунистов и комсомольцев. Студенты последних курсов медицинских институтов горвоенкоматом оставлены на 6 месяцев для прохождения курсов военно-полевой хирургии для оказания помощи раненым бойцам и офицерам. Практику проходили в больнице им. Куйбышева.

В ряды Народного Ополчения вступил отец моей жены Романов Владимир Петрович. Но, по состоянию выраженной дистрофии, был отчислен из рядов Народного Ополчения. 12 января 1942 года он скончался. 1 июля 1941 года был создан Комитет обороны Ленинграда под председательством Андрея Александровича Жданова.

В конце августа 1941 года началась эвакуация населения. Началась частичная эвакуация завода «Большевик». Мои родители и сестра с двухлетним ребёнком, моя жена с дочкой вместе

с родителями были эвакуированы в город Курган. По данным «Музея обороны и блокады Ленинграда» различными видами транспорта за 1941–1942 годы из Ленинграда и пригородов было эвакуировано 1,7 млн человек, в том числе 200 тыс. авиацией. По данным Н. Демидова, участника боёв на Ладоге, ответственного секретаря Совета Краснознамённой ладожской флотилии, по Дороге Жизни через Ладогу было эвакуировано водным путём 738 тыс. человек, и по замёрзшей Ладоге 638 тыс. человек, итого по Дороге Жизни было эвакуировано 1 млн 376 тыс. человек.

На Ленинград наступала немецкая группа «Север», численность её превышала численность советских войск. 9 июля наши войска оставили Псков. Вокруг Ленинграда силами граждан стали создавать оборонительные сооружения и траншеи. Хорошо созданный Лужский оборонительный рубеж приостановил наступление немецких войск. Лужский оборонительный рубеж дал возможность укрепить оборонительный рубеж Ленинграда.

8 сентября 1941 года немецкие войска сомкнулись в районе станции Мга, создав блокаду Ленинграда. Началась 900-дневная блокада города. Ежедневные обстрелы и бомбёжки с воздуха, душераздирающие сигналы тревоги о воздушном нападении вражеской авиации. Жизнь ухудшалась с каждым днём. Стёкла окон заклеивались лентами бумаги. Все окна закрывались тканью для затенения в вечерние и ночные часы. Город погрузился во мрак. Население носило на груди в тёмное время светящиеся фосфорные значки. 12 сентября 1941 года к Осиновецкому маяку подошёл караван из двух барж, гружённых 2000 тонн зерна. Начала действовать водная трасса Дороги Жизни. Когда Шлиссельбургская Губа замёрзла, с 22 ноября 1941 года по льду непрерывным потоком пошли автомашины. Окна Елисеевского магазина и Гостиного Двора закрывались двумя рамами с наличием песка между ними. Длительное время работал ленинградский трамвай.

В декабре 1942 года жители блокадного Ленинграда стали получать наградную медаль, созданную Советом министров СССР, «За оборону Ленинграда»: около 1 млн военнослужащих (тогда получил и я), около 500 тыс. блокадников, в том числе около 15 тыс. подростков. Продовольственное снабжение города к началу войны было недостаточным, поэтому 18 июля 1941 года правительством была введена карточная система по утверждённым нормам на хлеб ежедневно, а крупа, мясо, рыба, жир один раз в месяц. С момента блокады с 8 сентября наличие продуктов систематически снижалась. И особенно после взрыва и пожара на продовольственном складе. Норма выдачи хлеба дошла до 125 грамм («с огнём и кровью пополам» — Ольга Берггольц). В 1942 году в связи с увеличением завоза муки, продовольственных товаров, норма хлеба увеличилась. По данным Общества блокадников (ноябрь 1998 года) на день 8 сентября 1941 г. было выдано продовольственных карточек в количестве 2 млн 800 тыс., в том числе 400 тыс. детям и подросткам.

Мы, студенты последних курсов института, были переведены на полуказарменное положение и одеты в брезентовую форму пожарных со всей их амуницией. Во время налётов авиации мы дежурили на крышах зданий. Легче было бороться с зажигалками, чем с фосфорными, т.к. они «успокаивались» только при нанесении на них большого количества песка. Однажды мы дежурили на крыше акушерско-гинекологического корпуса. Напротив здания находился завод им. Карла Маркса. В него попала бомба. Воздушной волной я был сброшен с крыши как пушинка. Случайно зацепившись цепью за трубу на крыше здания, я повис у края крыши. Ощущение было не из приятных. По окончании тревоги пожарные сняли меня с крыши с помощью лестниц. Занятия в институте продолжались.

Голод не обошёл и нас. Чтобы выжить, мы научились есть и кошек, и собак. Однажды во время дежурства по зда-

Зайцев Борис Васильевич, 2009 год

нию разнёсся запах жареного мяса. Мы бросились из подвала (места нашего расположения) на давно забытый аромат. Профессор (фамилию его не упоминаю) жарил «кролика». Всем досталось по кусочку и всем понравилось мясо кошки.

Но ремни и столярный клей мы есть не могли. Силы убывали. Благодаря заботе директора института Юлии Ароновны Менделевой студенты получали соевые шроты (не путать со шпротами) и какую-то похлёбку. Смерти среди студентов не было. Голодная смерть вторглась и в нашу семью. Вслед за отцом жены ушёл из жизни её дядя. Силы терялись с каждым днём. Но нужно было двигаться, а не лежать. «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам» втайне от брата я делил на завтрак, обед и ужин, а брат требовал порцию пайка целиком, чтобы съесть её сразу. К голоду прибавились 40-градусные морозы. Люди ходили, одетые во что попало. За водой ходили с ведром и саночками на Неву. У проруби всегда можно было видеть истощённых, еле двигающихся людей.

По указанию Горздравотдела студенты последних курсов медицинских институтов пошли работать в лечебные учреждения, скорую помощь, стационары. 2 января 1942 года мы с братом Серёжей пошли работать в 39-ю поликлинику Дзержинского района на должность терапевта. Занятия в институте продолжались. С огромным трудом по заснеженным дорогам от Баскова переулка 12–14 добирались до Литовской улицы Выборгского района — места расположения института. Иногда с ужасом видели трупы с отрезанными частями тела. Люди умирали на ходу. При посещении больных на дому люди просили только хлеба — а где его взять... Поликлиника 39 находилась на ул. Некрасова, д. 10, занимала помещение большого зала, кабинетов не было. Были ширмы. Посещения поликлиники больными практически не было. В феврале 1942 года партизаны отряда Александра Викторовича Германа — командира 3-й Ленинградской партизанской бригады (погиб в бою в ночь с 5 на 6 сентября 1943 г.) доставили в Ленинград

продовольственный обоз, что несколько увеличило норму хлеба. Комсомольцы создали бытовые отряды, задачей которых был обход квартир для выноса умерших, т.к. у родственников не хватало сил отвезти труп в поликлинику. Медицинским сотрудникам поликлиники главврач Сара Марковна Вайнер выдавала талоны в столовую на обед на углу ул. Некрасова и Литейного проспекта. Серёжа часто ходил на вызовы на оба участка, т.к. у меня не хватало сил. Больные спрашивали Серёжу — Боря умер? Со слезами на глазах он сказал мне:

— Ешь мой паёк. У тебя есть жена и ребёнок. Я всё равно умру.

— Нет. — ответил я. — Если даже в городе все умрут, мы останемся живы. Потому что мы не лежим, а с большим трудом поднимаемся — и идём!

Эта уверенность помогла нам выжить. Чувство долга медика поднимало нас на ноги и мы шли к больным, подобным себе, чтобы оказать хоть какую-то помощь. Началась цинга. Ботанический сад им. В.Л. Комарова разработал хвойный экстракт, а мы снабжали им больных. У населения начались дистрофические поносы. Медики справились и с тем, и с другим заболеванием. Не было ни брюшного, ни сыпного тифа. 8 марта 1942 года был прекрасный солнечный воскресный день. Ленинградцы-блокадники вышли на улицу очистить город от зимней грязи. Было невероятно трудно и тяжело работать ломом и лопатой. Но любовь к Отчизне, чувство Родины переполняло наши сердца. Медленно, но уверенно мы шли к победе, к своей цели. Это был воскресник по всему городу.

По окончании института 13 ноября 1942 года мы получили диплом врача-педиатра. Я получил направление в Морскую сухопутную бригаду особого назначения Балтийского флота на обороне Дороги Жизни. Часть стояла под Шлиссельбургом. Брат получил назначение в 45-ю Гвардейскую дивизию генерала Краснова. Вместе принимали участие в операции «Искра», целью которой был прорыв блокады Ленинграда.

3 января 1943 года в районе Тигровой Рощи Невской Дубровки я был тяжело ранен и контужен. В эвакуогоспиталь поступил только на третий день после ранения. Дежурная врач Васильева предложила мне срочную ампутацию бедра. Я отказался. Ампутация бедра была предложена и главным хирургом госпиталя, но я повторно отказался от операции. В операции «Искра» принимали участие Ленинградский фронт во взаимодействии с Волховским фронтом. 18 января был завершён прорыв блокады Ленинграда. Народ торжествовал, обнимался, целовался. У всех было чувство радости и ликования. 7 февраля 1943 года прибыл первый поезд с жителями Ленинграда с Большой земли.

По выздоровлении из эвакуогоспиталя 20/10 я был направлен в 396 Гвардейский самоходный артиллерийский полк под командованием полковника Дмитрия Наруцкого. Замполи-

том был подполковник Варгафтик. 14 января 1944 года войска Ленинградского северо-западного фронта перешли в наступление против немецко-фашистских войск. 396-й Гвардейский самоходно-артиллерийский полк прорвал линию Маннергейма, форсировал реку Вуокса, взял Выборг. День Победы я встретил в Финляндии, в посёлке Энсо (так мы его называли). Перешли в наступление в районе Ораниенбаума, 15 января из района Пулковое, 24 января освобождён Пушкин, 19 января 45-я Гвардейская дивизия совместно с другими воинскими соединениями освободили Ропшу и Красное Село.

27 января Ленинград полностью освобождён от вражеской блокады! Боже мой, что творилось в городе! Шум, крики радости, чувство свободы! 24 орудия Петропавловской крепости дали 324 выстрела. 900-дневная блокада окончена, город освобождён!

Группа студентов с проф. К.В. Ромодановским

Занятия в Институте начались в ноябре 1942 года. Очень хорошо помню первую вступительную лекцию, которую очень увлечённо и даже с пафосом прочёл нам профессор физики Остроумов.

Он сразу же произвёл на нас впечатление уже своим внешним видом настоящего профессора: у него была большая борода, длинные волосы и большая лысина. Профессор Остроумов и в дальнейшем свои лекции по физике читал очень увлечённо. К концу лекции он обычно оказывался весь перепачканным мелом: не только руки, но и лицо и весь костюм оказывался у него белыми...

Тамара Воробей, студентка ЛПМИ военных лет

ВОРОБЕЙ ТАМАРА НИКОЛАЕВНА

В октябре месяце сорок второго года мы с Клавой Скрипуновой получили извещение, что Педиатрический Медицинский институт объявляет приём студентов на первый курс, и я уволилась из лечхоза больницы, чтобы поступить в Институт.

Принимали в Институт без вступительных экзаменов по аттестатам школы. Конкурса не было. Набор был небольшой, человек сто. Были, конечно, только девушки. Был только один мальчик Юра Баранцевич, у него было какое-то серьёзное заболевание и его не брали в армию. Заметно много было на курсе девушек с нашей Выборгской стороны. Только в нашей группе из десяти человек были: я — с Удельной, Клава Скрипунова и Тося Породина — из Озерков, Ира Портнова — из Шувалово, Мила Огнева и Тося Ковалёва — из Парголово, Зоя Каранделова — из Левашово.

Началась наша студенческая жизнь, оставшаяся в памяти, несмотря на трудности военного времени, как светлая, весёлая интересная пора.

Занятия в Институте начались в ноябре 1942 года. Очень хорошо помню первую вступительную лекцию, которую очень увлечённо и даже с пафосом прочёл нам профессор физики Остроумов. Он сразу же произвёл на нас впечатление уже своим внешним видом настоящего профессора: у него была большая борода, длинные волосы и большая лысина. Профессор Остроумов и в дальнейшем свои лекции по физике читал очень увлечённо. К концу лекции он обычно оказывался весь перепачканным мелом: не только руки, но и лицо и весь костюм оказывался у него белыми. Ещё у него была привычка стучать мелом по доске, привлекая наше внимание. Он был очень требователен к студентам и во время сессии принял экзамен с первого захода всего у 1/3 курса. Правда, пересдавать экзамен ему можно было много раз. Например, моя

подруга Клава Скрипунова ходила сдавать физику четырнадцать раз, говоря, что возьмёт его измором и он действительно, наконец, поставил ей тройку.

Конечно, война отложила свой отпечаток и на нашу студенческую жизнь. Было много всяких трудностей. Трудно было добираться до Института вовремя. Трамваи ходили с перебоями, всегда переполненными. Во время артобстрелов и воздушных тревог не ходили совсем. Обычным делом была ходьба пешком, хотя бы несколько остановок до того места, где можно было сесть на другой номер трамвая. Не хватало учебников (их увезли вместе с частью эвакуированного Института). Приходилось заниматься по одному учебнику сразу нескольким. В аудиториях и на кафедрах было холодно и неудобно. Темновато даже днём, так как выбитые стёкла в окнах были во многих местах просто забиты фанерой. Часто отключалось электричество и занятия приходилось прерывать. Нам очень нравилось заниматься на кафедре неорганической химии. Там был какой-то очень дружный и доброжелательный коллектив. Чувствовалось, что они все просто обожали своего руководителя кафедры — профессора неорганической химии Михаила Михайловича Котона. На кафедре было как-то очень уютно и всегда тепло. Все говорили, что это результат умелого руководства зав. кафедрой. Профессор Котон был ещё довольно молодым человеком, производившим на нас впечатление доброго и мягкого. Он всегда всех встречал улыбкой, даже когда кого-либо «проваливал» на экзамене, что, правда, было редко.

...Для студентов первого курса, как нам говорили, первым испытанием на прочность были занятия в анатомичке. Именно из-за анатомии обычно происходили отсевы студентов с первого курса. У нас отсева не было. Весь курс благополучно преодолел этот первый барьер. Больше всего мне нравилось заниматься биологией. Лекции по биологии нам читал профессор Гербильский. Мои конспекты лекций по биологии и тетради со всякими зарисовками на практических заняти-

P/284-37 0523.11.44

Заполнять четко и обязательно чернилами.

3 ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда“

1. Фамилия Воробей

2. Имя и отчество Тамара Николаевна

3. Пол жен. 4. Год рождения 1924.

5. Партийность н/ч 6. Национальность русская

7. Место работы и занимаемая должность студентка
Ленинградского ин-та

8. Домашний адрес Чернышевское шоссе
д. 213 кв. 3

Медаль вручена 50 сентября 1945 г.

№ удостоверения к медали АИ - 788 32

г. 85, п. 4205; г. УИ, п. 15705

БИ 866-1 ЛТ УИ 2. Зак. 1733

Представление к награде медалью «За оборону Ленинграда»
для Воробей Тамары Николаевны, 1945 год

ях считались лучшими на курсе. Я и в школе любила уроки биологии и мечтала после окончания школы пойти учиться в Университет на биологический факультет. Очень жалела, что курс биологии в Медицинском институте оказался очень коротким. Кроме вышеназванных предметов были у нас на первом курсе ещё латинский язык, военное дело, физкультура и основы марксизма-ленинизма.

Мне, выпускнице нашего ЛПМИ, в 1941 году пришлось трудиться в блокированном Ленинграде... В районе проводились воскресники и в нем активно участвовали комсомольцы Педиатрического института —

Галя Забелина, Тамара Голикова — сейчас заместитель министра здравоохранения РФСФР, Дуся Рахленко — была членом ВЛКСМ, сейчас заведующая 4-й госпитальной клиникой. В сандружине работала Кира

Дрейер (Кира Львовна), доцент кафедры детской хирургии.

В период войны был секретарем комитета комсомола Марк Гонопольский — ныне зав. кафедрой психиатрии института усовершенствования врачей в г. Алма-Ата, очень хорошо работала в комитете ВЛКСМ Валя Коняшкина (Волкова) — ныне окулист 23 поликлиники.

Наиболее активными членами ВЛКСМ были Надя Лопатина — зав. кафедрой биохимии, Зоя Прусакова — микробиолог. При комитете комсомола в период войны работали кружки по истории ВЛКСМ, которыми руководило партбюро во главе с Ф.В. Огневой.

Е.И. Богданова, выпускница ЛПМИ 1941 года, ассистент кафедры психиатрии

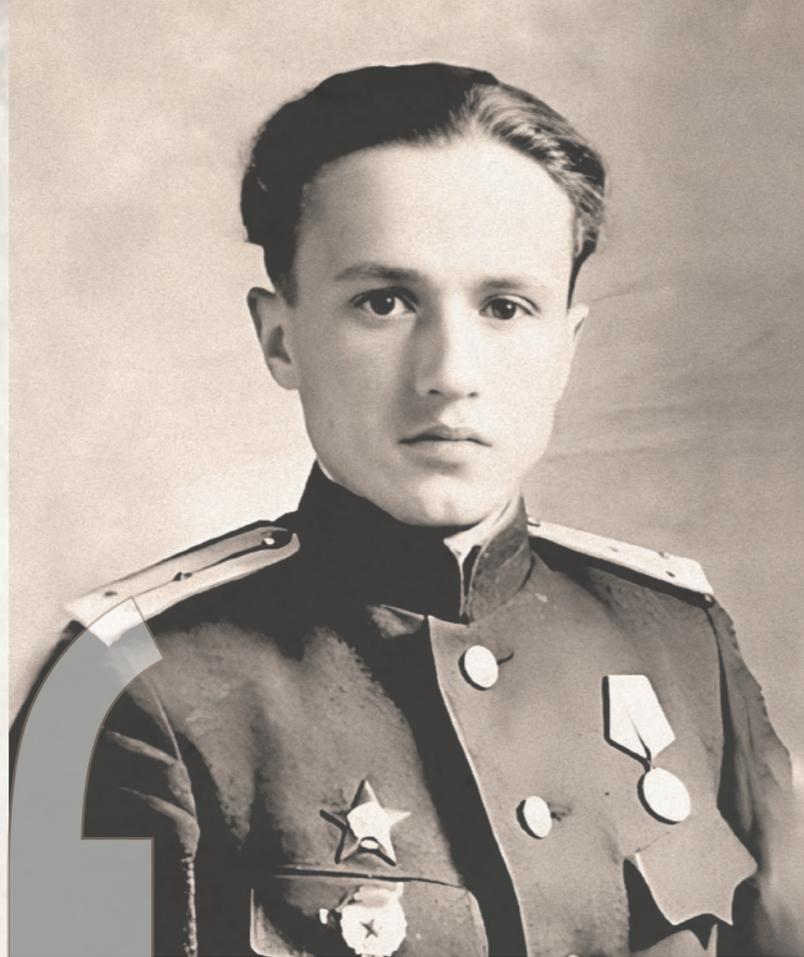

Нарвский плацдарм. Может быть, он был тогда отвлекающим? А сколько таких плацдармов было за всю войну? Не один, а множество.

Наш 1236-й стрелковый меняет полк другой дивизии. Навстречу идут солдаты с почерневшими лицами. Молчат, большие потери. Холодно, моросит дождь, уходим в болотистый лес. Внезапно утреннюю тишину нарушает прерывистый вой, многие из нас слышат такое впервые. Вокруг нас с оглушительным грохотом рвутся мины шестиствольного миномета. Так же внезапно обстрел прекращается, сзади натуженный крик. Поперёк оглобли повозки лежит повар. Высокая ампутация бедра. Накладываю жгут, ножом отсекаю узкий кожаный лоскут, на котором висит конечность, бинтую, шинирую...

А батальон уже идёт вперед. Плацдарм надо удержать любой ценой. Ещё полчаса марша через болото, и мы будем на передовой...

М.И. Неволин-Лопатин, доцент кафедры детской хирургии ЛПМИ

В первой декаде июля группа выпускников нашего института — Валя Грингольц, Нина Куракина и я прибыли в формирующийся стрелковый полк и через три дня вступили в бой. Через несколько дней погиб Валя, в начале августа была отправлена в госпиталь Нина, а в конце августа я получил первую контузию и был отправлен в госпиталь.

*А.Г. Белевский,
выпускник ЛПМИ 1941 года,
доцент кафедры офтальмологии*

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ БЕЛЕВСКИЙ

*Белевский Алексей Георгиевич
(1918-1982)*

В мае-июне 1941 года мы сдаем государственные экзамены. Вот остался последний экзамен. И вдруг... в воскресенье, 22 июня, выступление В.М. Молотова по радио... началась Великая Отечественная война. В 9.00 в понедельник все экзаменаторы и студенты, без всякого приказа явились на последний экзамен, во второй половине дня все мы получили временные удостоверения вместо диплома.

В первой декаде июля группа выпускников нашего института — Валя Грингольц, Нина Куракина и я прибыли в формирующийся стрелковый полк и через три дня вступили в бой. Через несколько дней погиб Валя, в начале августа была отправлена в госпиталь Нина, а в конце августа я получил первую контузию и был отправлен в госпиталь.

В 20-х числах сентября часть санроты 638-го полка, в том числе и я, переправлялись на знаменитый «пяточок» под Невской Дубровкой. Почти четыре недели пробыл я на «пяточке». Мы, раненые и медицинские работники, открыто оплакивали сожженную фашистскими варварами Пулковскую

обсерваторию. Немало фрицев легло у Невской Дубровки. Тяжелейшими боями были и сражения в районе Ивановских порогов в августовские дни 1942 г...

Наконец наступил долгожданный день: мы вступили в бой за прорыв блокады Ленинграда... Трудно описать тот подъем и героизм защитников Ленинграда, с которым они шли в бой. А 8 февраля мы уже дрались за Красный Бор, здесь я получил тяжёлую контузию. Затем — августовские бои в 1943 г. в районе 8-й ГЭС. Настал день 27 января 1944 г. Советские воины сняли блокаду Ленинграда.

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Капитан медицинской службы.

В 1941–1944 гг. — командир санитарной роты 342-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии в составе Ленинградского фронта.

Участвовал в боях под Невской Дубровкой, при прорыве блокады Ленинграда.

Ранен в 1942 г.

Награжден орденом Красной Звезды (дважды), медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., доцент кафедры глазных болезней. Главный детский офтальмолог Главного управления здравоохранения Ленинграда. Основное направление его научной деятельности — онкологические заболевания глаз у детей.

ВЗДРОГНУЛ ОН, БУДТО ОТ ЗИМНЕГО ВЕТРА.
ПАДАЛ ОН МЕДЛЕННО, КАК НАРАСПЕВ.
ПАДАЛ ОН ДОЛГО... УПАЛ ОН МГНОВЕННО...
ОН ДАЖЕ ВЫСТРЕЛИТЬ НЕ УСПЕЛ!

И ДЛЯ НЕГО НАСТУПИЛА СПЛОШНАЯ
И БЕСКОНЕЧНАЯ ТИШИНА...
ЧЕМ ЭТОТ БОЙ ЗАВЕРШИЛСЯ - НЕ ЗНАЮ.
ЗНАЮ, ЧЕМ КОНЧИЛАСЬ ЭТА ВОЙНА!

ЖДЕТ ОН МЕНЯ ЗА ЧЕРТОЙ НЕИЗБЕЖНОЙ
ОН МНЕ МЕРЕЩИТСЯ НОЧЬЮ И ДНЕМ -
ХУДЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК, ВСЕГО-ТО УСПЕВШИЙ
ВСТАТЬ ПОД ОГНЕМ И ШАГНУТЬ ПОД ОГНЕМ...

*Роберт Рождественский
Поэма «210 шагов»*

В этих кровопролитных боях вместе с войсками проявили массовый героизм и военные медики, начиная от санитаров и кончая руководящим составом медицинской службы 67-й армии.

Весь медицинский персонал работал с полной отдачей сил, особенно отличилась сандружинница Нина Павловна Петрова.

Несмотря на свой возраст (около 50 лет), эта славная ленинградская женщина добровольно ушла на фронт, сначала работала медсестрой в медсанбате, потом стала снайпером, проявила исключительную храбрость и была награждена тремя орденами Славы.

С.Е. Шпилена, зав. кафедрой биологии ЛПМИ

СЕМЕН ЕФИМОВИЧ ШПИЛЕНА

Невская Дубровка... Невский «пяточок»... — священные для нас места. Это о них проникновенно написал ленинградский поэт Михаил Дудин:

Земля бесстрашная — Невский «пяточок»,
Здесь полегли храбрейшие из храбрых...
Потомок, знай своей свободы цену
И мужеству учись у храбрецов!

В годы Великой Отечественной войны здесь воины Ленинградского фронта, народные ополченцы стояли «на смерть», но не пропустили фашистские полчища на правый берег Невы. В этих кровопролитных боях вместе с войсками проявили массовый героизм и военные медики, начиная от санитаров и кончая руководящим составом медицинской службы 67-й армии. Весь медицинский персонал работал с полной отдачей сил, особенно отличилась сандружинница Нина Павловна Петрова. Несмотря на свой возраст (около 50 лет), эта славная ленинградская женщина добровольно ушла на фронт, сначала работала медсестрой в медсанбате,

*Шпилена Семен Ефимович
(1916–1998)*

потом стала снайпером, проявила исключительную храбрость и была награждена тремя орденами Славы.

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

Добровольно вступил в дивизию народного ополчения.

В 1941–1945 гг. — начальник 2-го отделения санитарного отдела 86-й стрелковой дивизии 67-й армии в составе 3-го Прибалтийского фронта.

Участвовал в боях на Невской Дубровке, Синявинских болотах, при прорыве блокады Ленинграда, взятии Шлиссельбурга.

Награжден орденами Красной Звезды (дважды), Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги» (дважды), «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой биологии. Автор более 140 научных трудов в области биологии и физиологии ядовитых и лекарственных растений и их значения в педиатрии. Уделял большое внимание генетике, медицинской географии, изучению гормональных препаратов, эпидемиологии болезни Дауна.

Медики держат оборону

Отряды у...
Лично сам тов. ШПИЛЕНЯ в период операции в июле-августе-сентябре непрерывно находился в стрелковых дивизиях и ППО. Вместе с передовыми частями вошел в Палкино, Ирбюск, Вью, Тарту, Пука и непосредственно организовал замену белья 326, 86, 291, 228, 189, 285 ед, только за 3 дня перед наступлением на Петсери лично доставил в дивизии через обменный пункт 24000 пар с 1.09 по 15.09.44 г. 38000 пар белья, тем самым обеспечил санобработку 116, 118, 122, 111, 112 ск. Лично проводил рекогносцировку для отрядов, связывая с в/частями, и впервые отряды 67 армии двигались вместе с дивизионными тылами на всем пути от Леспромхова до Риги. По инициативе капитана ШПИЛЕНЯ ответственности Нач.ППО за организацию смежной работы войск, что полностью предо...

ШПИЛЕНЯ С.Е...

КАЙСАРЬЯНЦ Г.А...

Работает в качестве ст. организатора с 07.10.16 с июля 1941г.
Самостоятельный и смелый хирург. Ведет научную работу по изучению раневых процессов. Работоспособен. Внимательный к больным. Дисциплинирован и трудолюбив к персоналу. Патристический нрав.

Начальник эвакуационного отряда
майор и/с / Вранер /

Г.А. Кайсарьянц

1944 г.

КОНДРАТЬЕВ А.П...

КОНДРАТЬЕВ лучший начальник хирургического полевого эвакуационного госпиталя 1-й линии. Непрерывно находясь в действующей армии военврач 2 ранга КОНДРАТЬЕВ создал и воспитал замечательный коллектив: врачей, сестер и санитаров, показывающих героические примеры служения воинскому долгу. 630 Хирургический полевой эвакуационный госпиталь только в период февральско-мартовской операции прооперировано 2881 раненых, главным образом в брюшную и грудную полости. Там же произведено 1216 - 36% переливаний крови, что составляет исключительно высокий % переливаний крови по армии. Эти мероприятия спасли от неминуемой смерти 55% раненых в брюшную полость.

Военврач 2 ранга КОНДРАТЬЕВ А.П. не только хороший руководитель госпиталя, но и взвешивый, квалифицированный хирург-кандидат медицинских наук. Им лично с хорошим результатом прооперировано тяжело раненых. Многие часы простаивал А.П. КОНДРАТЬЕВ у операционного стола, урывая от своего отдыха, не считаясь со своим здоровьем /туберкулез легких/ трудящийся спокойной работой.

В июле 1942 г. в боях под Воронежем за плацдарм «Губеревский», на правом берегу Дона, фашистская

усиленная рота по высокой траве после мощной артиллерийско-минометной подготовки атаковала наш штаб батальона с тыла.

Заметив цепь врага, я подал команду: «К бою!», но силы были не равны. Выбыли офицеры батальона, находящиеся на КП, создалась

угроза уничтожения не только находившихся здесь, но и всего личного состава. В этой обстановке мне пришлось по радио

просить командира полка поддержать огнем. Вызвав огонь на себя,

мы тем самым отразили атаку противника, который оставил на поле убитыми 150 человек.

Д.Н. Кузнецов, зав. кафедрой истории КПСС и политэкономии ЛПМИ

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

Участник войны с белофиннами.

Добровольцем ушел на фронт.

В 1941–1945 гг. — политрук роты, помощник начальника политотдела 232-й дивизии 32-й армии в составе Юго-Западного, Северного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов.

Участник кровопролитных боев при форсировании реки Днепр.

Был дважды ранен.

Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории КПСС и политэкономии. В своей научной деятельности уделял много внимания совершенствованию методики и наглядности преподавания истории. Автор более 50 научных трудов.

*Кузнецов Дмитрий Николаевич
(1917–2000)*

Иванов Роман Семенович (1919–1990)

Незабываемо отношение советских людей к воинам, ехавшим на защиту своей Родины, — эшелон был буквально завален цветами. Под Ярославлем (Брестский фронт) пехотная дивизия в которой я служил рядовым (в те годы мы назывались красноармейцами), заняла оборону. Вскоре начались тяжелые бои. Это был самый трудный период войны, когда наша армия была вынуждена отступить. Оборонительные бои достигли небольшого напряжения под Москвой; через несколько месяцев началось наше наступление, принесшее Советской Армии первые значительные военные и моральные успехи и оказавшие влияние на весь длительный ход военных событий.

Р.С. Иванов, зав. кафедрой факультетской терапии ЛПМИ

нова. Роман Семенович за то, что он в боях с немецкими захватчиками в районе г. В. Карликов вичь Мурманской области с 7 по 11 октября 1944 г. отменно выполнил обязанности ездового. При этом меня боевой порядок по бездорожью в условиях Заполярья своевременно перевозил оружие на новое место позиции отменно ухаживает за лошадей оберегая их от травматических повреждений. Во время перебоев с кормом учитливость лошадей не снижает, а фермы их в харьбии состоялись. Своим упорным трудом способствовал исполнению боевых задач.

ТОВ. ИВАНОВ Р.С...

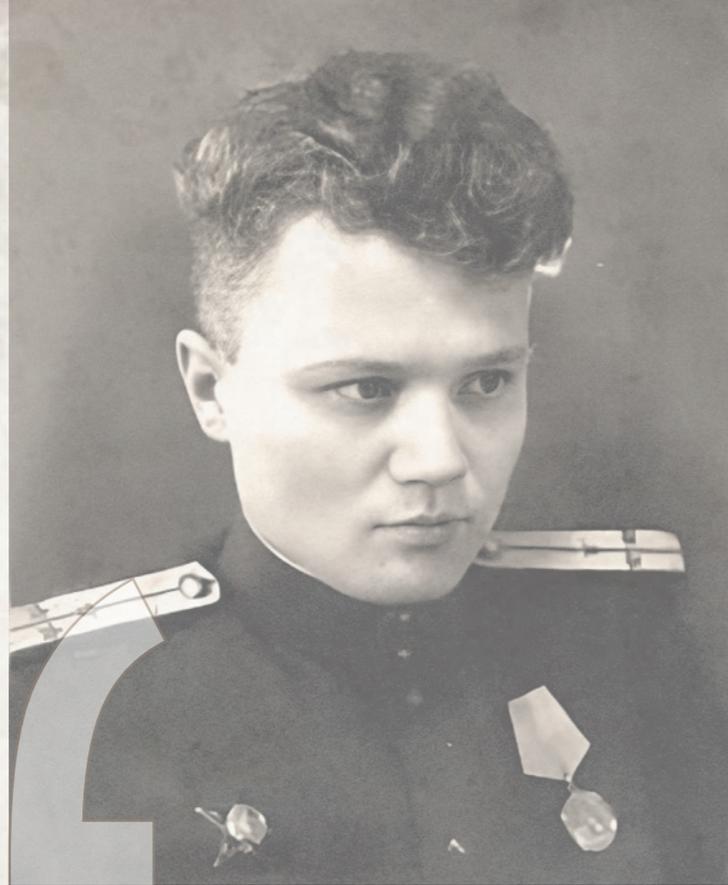
РОМАН СЕМЕНОВИЧ ИВАНОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Лейтенант медицинской службы.
 В 1941–1943 гг. служил в 939-м артиллерийском полку 368-й стрелковой дивизии в составе Брянского фронта.
 Участник боев под Москвой и на Курской дуге.
 В 1943 г. был тяжело ранен в боях под Курском.
 Награжден медалями: «За боевые заслуги» (дважды), «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой факультетской терапии. Научным направлением его деятельности являлось изучение атеросклероза, ИБС, гипертонической болезни и васкулитов.

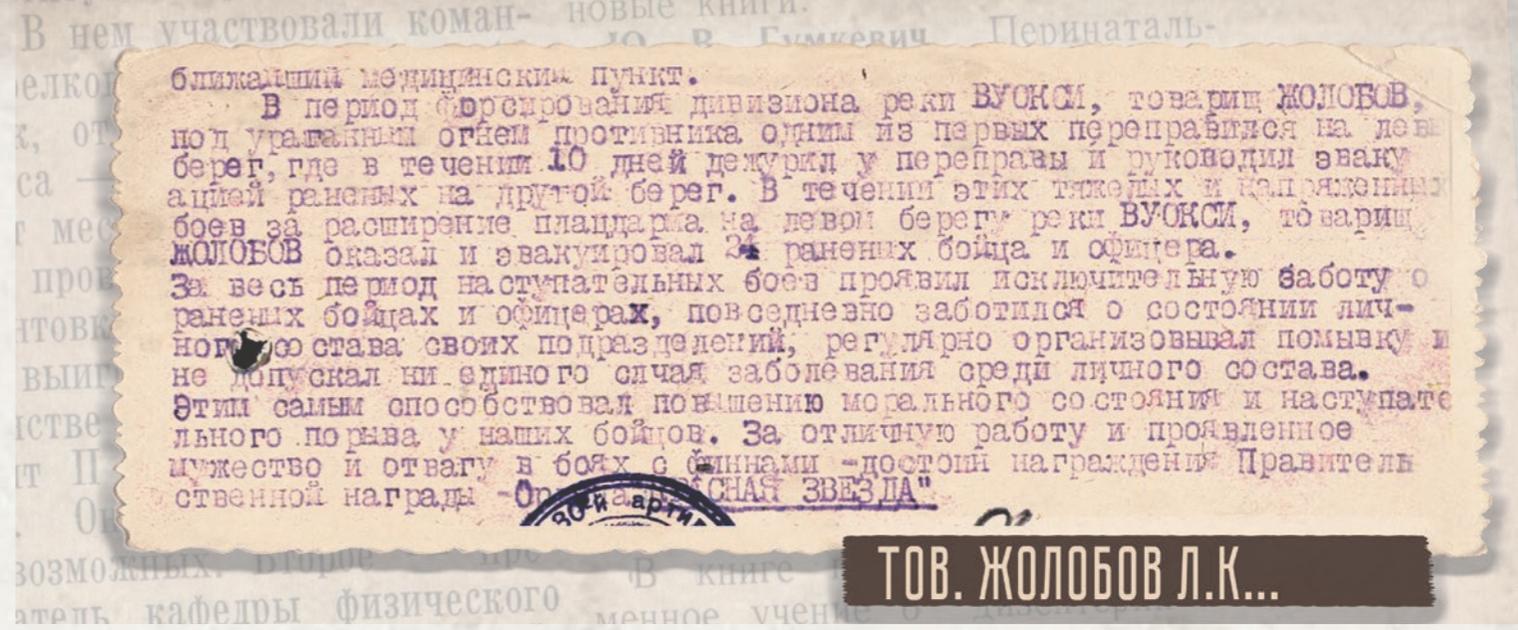

Леонид Кузьмич Жолобов (1919–2005)

Наиболее памятным эпизодом была первая ночная атака в проливной дождь на подступах к Ленинграду.

Запомнилась она как трудностью взаимопомощи и первой медицинской помощи, так и розыском раненых, темнота, дождь, грязь мешали определению локализации ранения, поэтому повязки накладывались на места указанные самим раненым, это сказалось в правильности их наложения, что было выявлено на батальонном медицинском пункте, куда поступали раненые.

Л.К. Жолобов, доцент кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии ЛПМИ

ТОВ. ЖОЛОбОВ Л.К...

ЛЕОНИД КУЗЬМИЧ ЖОЛОБОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Старший лейтенант медицинской службы.
В 1941–1945 гг. — старший фельдшер 461-го истребительного батальона 10-й стрелковой дивизии в составе Северо-Западного и Ленинградского фронтов.
Участник боев на Ораниенбаумском и Невском плацдармах.
Награжден орденом Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

К.м.н., ассистент кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии. Результатом его научной деятельности явилось участие в издании первого в стране руководства «Оперативная хирургия детского возраста».

*Александр Моисеевич Абезгауз
(1888–1977)*

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ АБЕЗГАУЗ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Гвардии майор медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — командир взвода 21-го медико-санитарного батальона 70-й стрелковой дивизии в составе 67-й армии Ленинградского фронта.

Участвовал в боях при Выборгской наступательной операции на Карельском перешейке.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор кафедры госпитальной педиатрии, один из основоположников детской гематологии и советской педиатрической школы, основное направление его научной деятельности — геморрагические заболевания у детей, васкулиты.

АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА ВАЛЕНТИНОВИЧ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Подполковник медицинской службы.

Участница боев с белофиннами.

В 1941–1945 гг. — начальник лаборатории, врач хирургического полевого подвижного госпиталя №2216 на Ухтинском направлении, затем врач-лаборант в эвакогоспитале №1448 в блокадном Ленинграде.

Награждена медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующая кафедрой факультетской педиатрии. Научные труды посвящены изучению болезней почек и состоянию вегетативной нервной системы у детей.

*Валентинович
Александра Антоновна (1909–1976)*

*Баиров Гирей Алиевич
(1922–1999)*

ГИРЕЙ АЛИЕВИЧ БАИРОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Капитан медицинской службы.

В 1942–1945 гг. — врач мотострелкового батальона 135-й танковой бригады 23-го танкового корпуса, затем начальник медицинской службы 21-й мотострелковой бригады, начальник отделения санитарного эвакогоспиталя №280 в составе 3-го Украинского фронта.

Принимал участие в боевых действиях при форсировании Северного Донца.

Тяжело ранен в августе 1943 г.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, чл.-корр. АМН СССР, заведующий кафедрой детской хирургии, лауреат государственной премии СССР. Один из основоположников детской хирургии

Г.А. Баиров, В.С. Баирова, 3 Украинский фронт, госпиталь № 260. Румыния, 1945 год

в Ленинграде, основное направление его деятельности — врожденные пороки развития у новорожденных детей. В 1955 г. провел первую в мире успешную операцию по поводу атрезии пищевода у новорожденного ребенка. Г.А. Баиров стоял у истоков создания в Ленинграде единой службы детской анестезиологии, реаниматологии и неотложной помощи в педиатрии.

*Быстров Сергей Сергеевич
(1923–2003)*

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БЫСТРОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Сержант.

Доброволец Ленинградской дивизии народного ополчения.

В 1941–1943 гг. — помощник командира взвода разведывательной роты 243-й стрелковой дивизии в составе Юго-Западного фронта.

Участник Сталинградской битвы и кровопролитных боев при форсировании реки Донец.

Тяжело ранен в 1943 г.

Награжден орденом Славы III степени, медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой судебной медицины. Основное направление его научной деятельности — изучение танатогенеза и разработка новых методов диагностики утопления в пресной воде.

ГАЛЛИ АБГАРОВНА КАЙСАРЬЯНЦ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Майор медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — ординатор хирургического отделения эвакогоспиталя №2015 в составе Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов.

Участвовала в освобождении Польши, закончила войну в Германии.

Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор кафедры оперативной хирургии, ректор ЛПМИ. Автор многих научных трудов, посвященных возрастной и индивидуальной изменчивости органов и систем человека.

*Кайсарьянц Галли Абгаровна
(1916–1979)*

Карпов Виктор Федорович
(1907–1997)

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ КАРПОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Гвардии полковник медицинской службы.

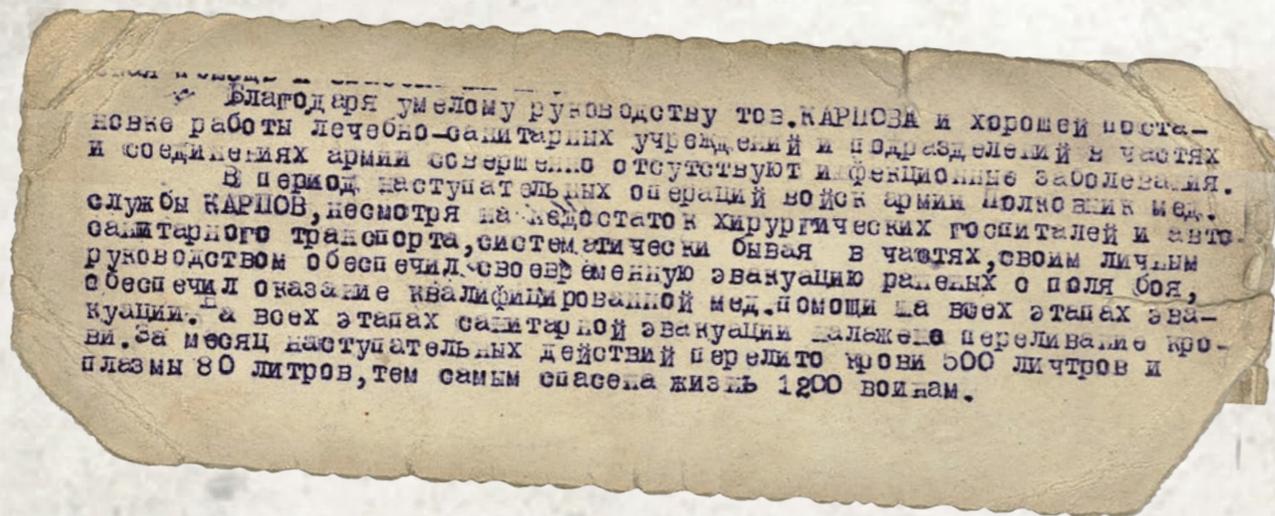
Участник боев с японскими милитаристами у озера Хансан, старший врач полка.

В 1941–1945 гг. — начальник лечебно-санитарного отдела 63-й и 32-й армии в составе Сталинградского, Донского, Карельского, 1-го Дальневосточного фронтов.

Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За оборону Сталинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и др.

В.Ф. Карпов с работниками мед. отдела 32 армии, 1943 год

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Начальник курса гражданской обороны военной кафедры. Председатель Совета ветеранов войны и труда ЛПМИ.

Алексей Алексеевич Кедров
(1906–2004)

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЕДРОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Гвардии майор медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — врач-специалист военно-санитарного управления Ленинградского фронта, главный терапевт 27-го гвардейского полка 11-й гвардейской дивизии 11-й гвардейской армии в составе Белорусского фронта.

Участник наступательных боев по штурму Кенигсберга.

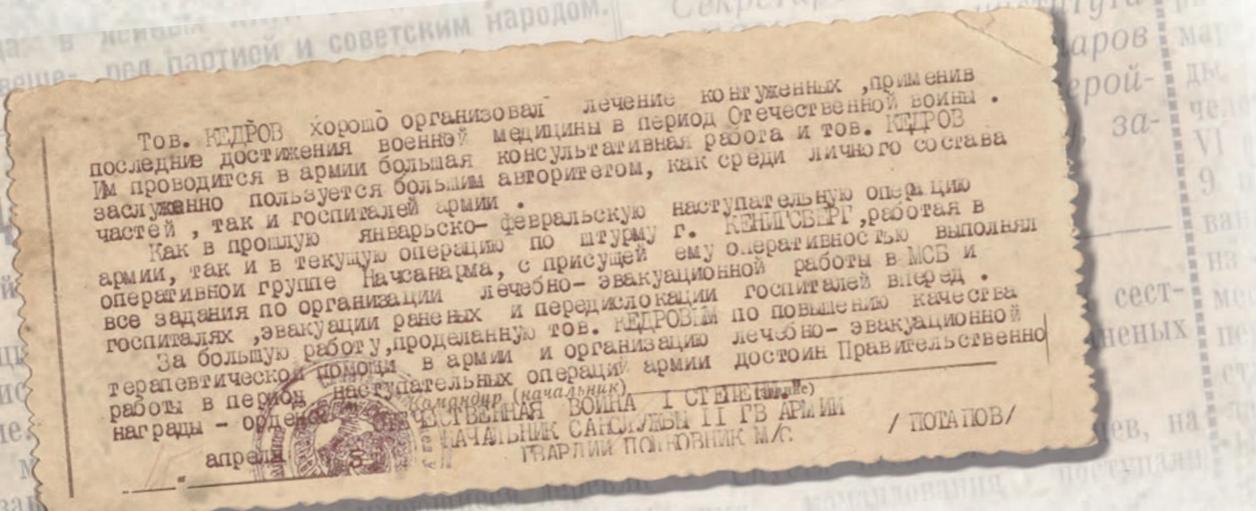
Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и др.

А.А. Кедров (стоит 1 слева) с однополчанами, Польша, 1945 год

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии. Основное научное направление — кардиология. Изобрел метод реографии. Под его руководством был сконструирован первый в СССР электронный стетоскоп, разработаны первые в мире приборы для регистрации звуков дыхания и анализа ЭКГ.

*Иван Александрович Ключсс
(1899–1948)*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛЮСС

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Генерал-лейтенант медицинской службы.

Участвовал в боевых действиях на фронтах гражданской войны, служил начальником военно-санитарного управления Монгольской армии, главным советником медицинской службы армии Испании. Начальник санитарного отдела 8-й армии в период советско-финской войны.

В 1941–1945 гг. — инспектор военно-санитарного управления Ленинградского, Волховского, Карельского и 3-го Украинского фронтов.

Дважды ранен.

Награжден орденами: Боевого Красного Знамени (дважды), Богдана Хмельницкого I и II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, начальник военной кафедры. Под его руководством опубликованы более 30 научных трудов.

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ КОНДРАТЬЕВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Подполковник медицинской службы.

Участник войны с белофиннами, хирург медсанбата.

В 1941–1945 гг. — начальник хирургического отделения военного госпиталя №630 в составе Северо-Западного, Ленинградского, 3-го Прибалтийского фронтов.

Награжден орденами: Отечественной войны II степени (дважды), Красной Звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Доцент кафедры факультетской хирургии. Хирург широкого профиля, занимался вопросами неотложной абдоминальной, торакальной, урологической хирургии. Автор 32 научных трудов. Многие годы занимал руководящие должности в комсомольской и партийной организациях Института.

*Анатолий Петрович Кондратьев
(1914–1986)*

*Антонина Трофимовна Кузьмичева
(1908–1983)*

АНТОНИНА ТРОФИМОВНА КУЗЬМИЧЕВА

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Капитан медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — начальник медицинского отделения эвакогоспиталя №2014 в составе Ленинградского и 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

Награждена орденом Красной Звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующая кафедрой инфекционных болезней у детей. Одна из первых и наиболее талантливых учениц проф. М.Г. Данилевича, продолжила развивать начатое им направление — изучение перекрестной инфекции у детей. Автор более 200 научных трудов.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КУРГАНОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Гвардии красноармеец.

Добровольно ушел в ряды Красной Армии.

В 1941–1945 гг. — стрелок 187-й воздушной части 322-го батальона особого назначения 584-го истребительно-противотанкового полка 20-й армии в составе Брянского, Белорусского и Западного фронтов.

Ранен в 1943г.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За отвагу», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

К.ф.н., редактор многотиражной газеты «Советский педиатр», являлся бессменным редактором и идейным вдохновителем на протяжении всех лет существования издания. Собрал и сохранил уникальный материал по истории Института, его статьи публиковались в передовых журналах страны.

*Владимир Николаевич Курганов
(1921–1988)*

*Феттях Халимович Кутушев
(1923–2010)*

ФЕТТЯХ ХАЛИМОВИЧ КУТУШЕВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Военфельдшер.

В 1941–1943 гг. — командир санитарного взвода 86-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии в составе Центрального фронта.

В 1942 г. тяжело ранен под Ржевом.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой общей хирургии. Главный хирург Ленинграда. Стоял у истоков сердечной и легочной хирургии, с его участием создано отделение торакоабдоминальной травмы.

АРТУР ГРИГОРЬЕВИЧ КЮЧАРИАНЦ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Генерал-майор медицинской службы.

Участник гражданской войны, войны с белофиннами.

В 1941–1945 гг. — начальник курсов усовершенствования медицинского состава, начальник эвакогоспиталей №80 и №2763 фронтового эвакопункта №50 в составе Северного и Ленинградского фронтов. Дважды контужен.

Награжден орденами Боевого Красного Знамени (трижды), Красной Звезды (дважды), медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

К.м.н., доцент, начальник военной кафедры. Подготовил ряд научных трудов по организации медицинского обеспечения войск.

*Артур Григорьевич Кючарианц
(1889–1962)*

*Михаил Никифорович Логаткин
(1920–1985)*

МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ ЛОГАТКИН

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — старший врач 876-го гаубичного полка, командир терапевтического отделения артиллерийского полка резерва главного командования в составе Воронежского, Брянского, 1 Белорусского, Центрального фронтов и группы Советских оккупационных войск в Польше и Германии.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За боевые заслуги» (дважды), «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, зав. кафедрой общей гигиены. Занимался вопросами гигиены и рационом питания военнослужащих, им было проведено множество исследований на эту тему. Именно им были разработаны и сформированы минимальные и аварийные пайки, определены энергетические резервы человека и рационы выживания.

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ МАРГОРИН

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — начальник нейрохирургического отделения эвакогоспиталей №1440 и №3263 46-го эвакуационного пункта 19-й армии в составе Карельского и 2-го Украинского фронтов.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии. Автор более 80 научных трудов, его монография об огнестрельных ранениях в годы Великой Отечественной войны награждена премией им. Бурденко. Под его руководством была написана первая в стране монография «Оперативная хирургия детского возраста».

*Евгений Михайлович Маргорин
(1908–1984)*

*Константин Александрович
Морозов
(1919–1993)*

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ МОРОЗОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — фельдшер артиллерийского дивизиона, командир санитарного взвода 464-го медико-санитарного батальона 376-й стрелковой дивизии 67-й армии в составе Волховского и Ленинградского фронтов.

Дважды контужен.

Награжден орденом Красной Звезды (дважды), медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней. Один из ведущих геронтологов нашей страны. Основное направление научной деятельности — изучение гемодинамики у лиц пожилого возраста при гипертонической болезни и атеросклерозе.

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ПОСТОВИТ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Гвардии лейтенант медицинской службы.

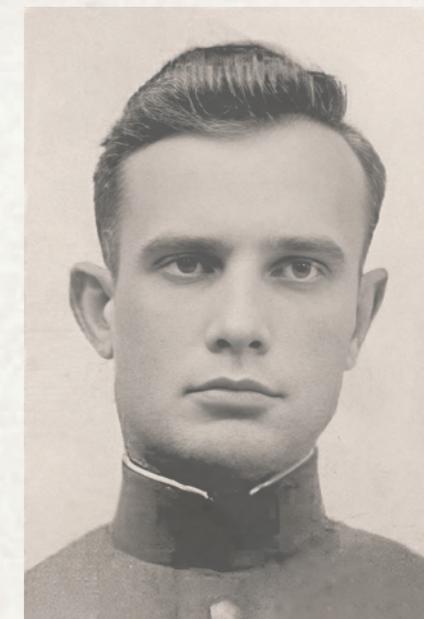
В 1942–1945 гг. — фельдшер батареи реактивных установок 5-й гвардейской минометной дивизии в составе 2-го Белорусского фронта.

Участвовал в освобождении Варшавы и штурме Берлина.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой инфекционных болезней взрослых. Научным направлением его деятельности были возрастные аспекты клиники инфекционных болезней. Итогом многолетней научной работы явилось издание руководства для врачей по инфекционным болезням.

*Вячеслав Андреевич Постовит
(1924–1998)*

*Александр Андреевич Русанов
(1909–1983)*

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ РУСАНОВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Подполковник медицинской службы.
Участник войны с белофиннами.

В 1941–1944 гг. — хирург 10-го медико-санитарного батальона 7-й гвардейской дивизии, затем командир 20-го медико-санитарного батальона 24-й гвардейской стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса в составе Северо-Западного, Юго-Западного, 4-го Украинского, 3-го Белорусского, 1-го Прибалтийского и Дальневосточного фронтов.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии, заслуженный деятель науки РСФСР. Основное направление научной деятельности — хирургия желудочно-кишечного тракта, в том числе рака пищевода. Первым в СССР доказал необходимость наложения первичного шва уретры при её разрыве. Он усовершенствовал способ резек-

А.А. Русанов (1 слева) с персоналом госпиталя

ции и пластики пищевода при раке, разработал оригинальные способы наложения внутригрудного эзофагогастроанастомоза, сохраняющие кровоснабжение желудка. Автор более 200 научных трудов.

Екатерина Петровна Семенова
(1916–1994)

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА СЕМЕНОВА

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Капитан медицинской службы.

В 1941–1945 гг. — врач-ординатор, начальник хирургического отделения фронтового госпиталя №282 центрального эвакуационного пункта в составе Ленинградского и 1-го Белорусского фронтов.

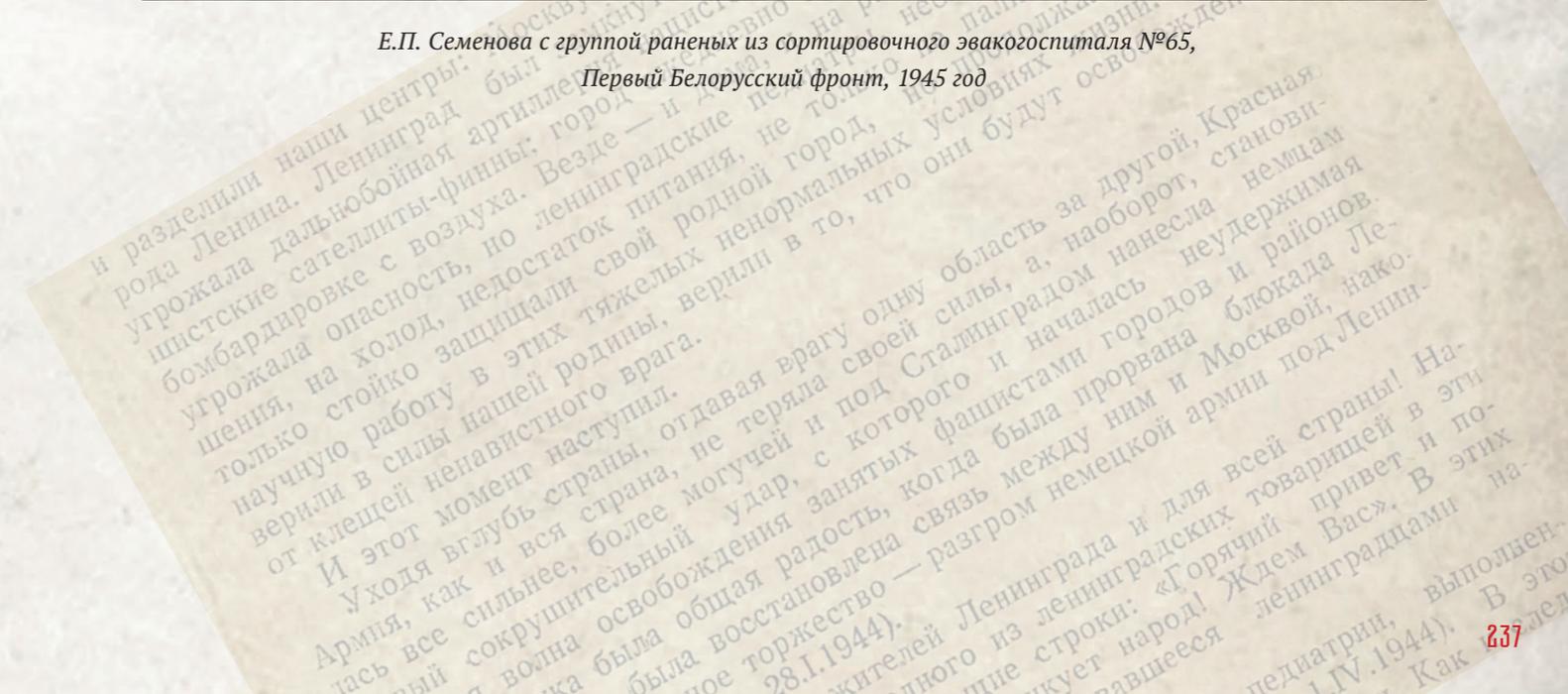
Награждена орденом Красной Звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Ректор ЛПМИ, к.м.н., доцент кафедры патологической анатомии. Научные труды посвящены инфекционной патологии и онкологии детского возраста. По результатам двухгодичной работы в Албании в качестве заведующей вновь организованной кафедры патологической анатомии медицинского института была награждена Орденом труда 2-й степени Албанской Народной Республики.

Е.П. Семенова с группой раненых из сортировочного эвакуационного госпиталя №65,
Первый Белорусский фронт, 1945 год

*Свет Борисович Тихвинский
(р. 1929)*

СВЕТ БОРИСОВИЧ ТИХВИНСКИЙ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

В 1942 г. — сын полка 136-й Гвардейской дивизии прорыва блокады Ленинграда. В последующие военные годы, продолжая обучение в школе, являлся руководителем молодежной дружины местной противовоздушной обороны Выборгского района. С его участием было спасено множество жизней детей, оставшихся без родителей, своевременно доставленных в Педиатрический институт.

Награжден медалью «За оборону Ленинграда» в 1943 г. до получения паспорта.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой лечебной физкультуры и врачебного контроля, кафедрой детской спортивной медицины и детской медицинской реабилитации. Основоположник детской спортивной медицины в России, автор руководства «Роль физического воспитания в здоровье подростка». Стал чемпионом Ленинграда по спортивной гимнастике и лыжам, занимался альпинизмом, в 1949 году совершил своё первое восхождение — покорил вершины Памира, Тянь-Шаня, Кавказа. В 2001 году в возрасте 72 лет совершил восхождение на Эльбрус.

АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ ЦИНЗЕРЛИНГ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Подполковник медицинской службы.

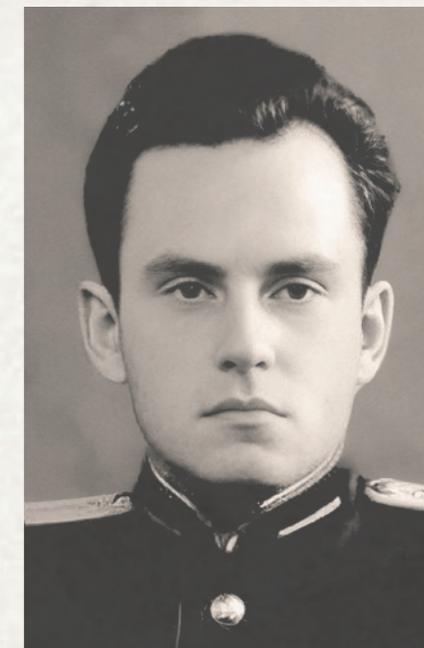
Добровольно вступил в советскую армию.

В 1941–1945 гг. — старший лаборант, фельдшер инфекционного госпиталя №822 42-й армии в составе Ленинградского фронта.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Член-корр. АМН СССР, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии ЛПМИ. Являлся одним из выдающихся советских патологоанатомов, внес значительный вклад в изучение инфекционных заболеваний детей и взрослых. Автор около 300 научных трудов.

*Александр Всеволодович Цинзерлинг
(1923–1995)*

Нина Тимофеевна Шутова
(1906–1999)

НИНА ТИМОФЕЕВНА ШУТОВА

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Капитан медицинской службы.

Добровольно вступила в ряды Советской армии.

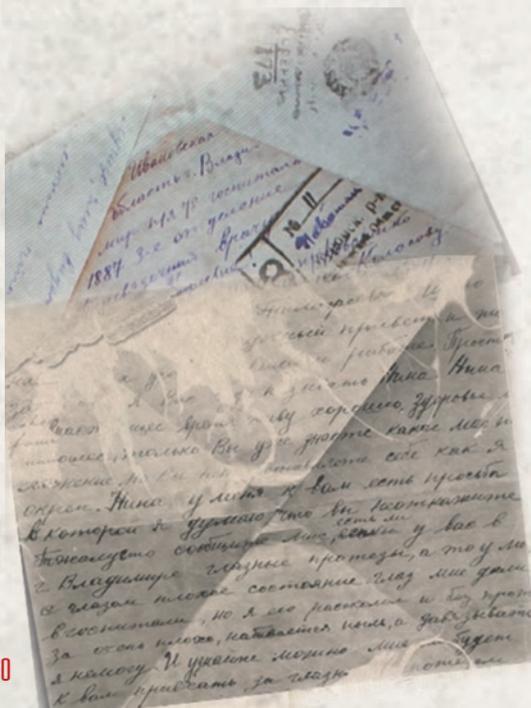
В 1941–1945 гг. — начальник отделения фронтального эвакогоспиталя №1887 города Владимира. Участвовала в боевых операциях по обороне Москвы.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, ректор ЛПМИ, заведующая кафедрой патологической физиологии. Автор более 100 научных трудов, признанный специалист в области патологии липидного обмена и атеросклероза.

Письмо с фронта в эвакогоспиталь Шутовой Н.Т.
от бойца Сергея Колосова, 1943г.

Владимир Анатольевич Юрьев
(1910–1980)

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЮРЬЕВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Майор медицинской службы.

Участник войны с белофиннами и милитаристской Японией.

В 1941–1945 гг. — командир санитарной роты стрелкового полка, начальник токсикологического отделения 67-й санитарно-эпидемиологической лаборатории в составе Карельского и 3-го Дальневосточного фронтов.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалью «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой биохимии. Направление его научной деятельности — изучение состава и продуктов гидролиза белков и использование их в терапевтических целях, проблемы биохимии и патобиохимии мышц. Автор более 70 научных трудов.

Авенир Михайлович Яковлев
(1923–1993)

АВЕНИР МИХАЙЛОВИЧ ЯКОВЛЕВ

ВОИНСКИЙ ПУТЬ

Полковник медицинской службы.

Участник войны с милитаристской Японией.

В 1943–1945 гг. — фельдшер 1-го медико-санитарного батальона 7-й мехбригады 3-го гвардейского Сталинградского корпуса 25-й армии в составе 2-го Украинского, 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских и 1-го Дальневосточного фронтов.

Награжден орденом Красной Звезды (дважды), медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Северной Кореи» (КНДР), «За победу над Японией», «За победу над Германией» и др.

ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА

Д.м.н., профессор, заведующий кафедрой микробиологии ЛПМИ. Основное направление его научной деятельности — изучение иммунологии детского организма в норме и патологии. Автор более 130 научных трудов.

Врач М.В. Журавлева и медсестры с раненым американским летчиком.
Венгрия, 1945 год

Б.С. Литвинова, выпускница ЛПМИ
(2-я справа) с бойцами 2-го батальона
880-го стрелкового полка под Пулковскими
высотами, 1942 год

СПИСОК СОТРУДНИКОВ ЛПМИ – УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Абезгауз Александр Моисеевич, профессор кафедры госпитальной педиатрии
2. Авидон Даниил Борисович, ассистент кафедры детской хирургии
3. Айзикова Люлия Матвеевна, медсестра детской глазной клиники
4. Анатольева Ольга Михайловна, медсестра карантинного отделения
5. Андреева Александра Александровна, санитарка вирусологической лаборатории
6. Анисимов Анатолий Филатович, старший инженер по медицинскому оборудованию
7. Антонова Ирина Григорьевна, сотрудница кафедры нормальной физиологии
8. Антипова Лидия Алексеевна, сотрудница кафедры детских инфекций
9. Александрова Мария Александровна, преподаватель кафедры нервных болезней
10. Баиров Гирей Алиевич, профессор, член-корр. АМН СССР, заведующий кафедрой детской хирургии
11. Баргман Ольга Николаевна, заведующая детской инфекционной клиникой
12. Барыкина Анна Ивановна, ассистент кафедры психиатрии
13. Барышева Анна Евгеньевна, к.м.н., ассистент кафедры инф. заболеваний у детей
14. Белевский Алексей Георгиевич, доцент кафедры глазных болезней
15. Белов Борис Иванович, старший преподаватель военной кафедры
16. Белов Василий Иванович, заведующий кафедрой истории КПСС и политэкономии
17. Белова Антонина Павловна, доцент кафедры госпитальной педиатрии
18. Белгородский Валентин Михайлович, доцент кафедры общей хирургии
19. Берман Виктор Михайлович, заведующий кафедрой микробиологии
20. Бобров Александр Георгиевич, преподаватель медицинского училища при ЛПМИ
21. Богданова Елизавета Ивановна, ассистент кафедры психиатрии
22. Бондарев Василий Николаевич, д.м.н., профессор кафедры инфекционных заболеваний у детей
23. Бочкова Лидия Михайловна, ассистент кафедры инфекционных болезней взрослых
24. Бураков Владимир Михайлович, к.и.н., доцент кафедры истории КПСС и политэкономии
25. Бухарцева Мария Васильевна, ассистент кафедры акушерства и гинекологии
26. Быстров Сергей Сергеевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой судебной медицины
27. Вайншельблиг Яков Иосифович, врач ЛОР-отделения
28. Вайсберг Анна Давыдовна, ассистент кафедры рентгенологии
29. Валентинович Александра Антоновна, д.м.н., профессор, заведующая кафедрой факультетской педиатрии
30. Васильева Лидия Трофимовна, ассистент кафедры пропедевтики детских болезней
31. Вильберг Эльга Фердинандовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
32. Волков Борис Кириянович, к.м.н., ассистент кафедры оториноларингологии
33. Волков Павел Трофимович, д.м.н., профессор кафедры общей хирургии
34. Воробьева Нина Яковлевна, медсестра гельминтологического дневного стационара
35. Рояк Абрам Менделевич, санитар аптеки
36. Всеволодов Георгий Филиппович, заведующий кафедрой нормальной анатомии
37. Вторушина Клавдия Лазаревна, диетлаборант отдела питания
38. Габузов Армен Николаевич, д.м.н., профессор, ассистент кафедры оперативной хирургии
39. Гаврилюк Таисия Викторовна, врач физиотерапевтического отделения
40. Галкин Исаак Рубенович, к.м.н., ассистент кафедры госпитальной терапии
41. Галкина Прасковья Андриановна, санитарка физиотерапевтического отделения
42. Гандельман Павел Моисеевич, преподаватель военной кафедры
43. Гассель Нина Самойловна, старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма
44. Гейнац Сергей Владимирович, заведующий кафедрой факультетской хирургии
45. Гербильский Николай Львович, и.о. заведующего кафедрой биологии
46. Голенева Евгения Артамоновна, лаборант-гистолог кафедры патологической анатомии
47. Голосов Борис Александрович, к.м.н., доцент, начальник военной кафедры
48. Горбаткин Михаил Яковлевич, преподаватель военной кафедры
49. Гращенко Мария Даниловна, ассистент кафедры детской хирургии
50. Григорьев Максим Семенович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой госпитальной хирургии
51. Григорьева Ольга Дмитриевна, ассистент кафедры факультетской терапии
52. Гробштейн Семен Самойлович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии
53. Грузинская Елена Семеновна, преподаватель кафедры общей химии
54. Гублер Евгений Викторович, ст. лаборант лаборатории медицинской кибернетики ЦНИИ
55. Гудис Сара Ефимовна, клинический ординатор кафедры психиатрии
56. Гузеев Василий Михайлович, водитель
57. Гурвич Мария Михайловна, заведующая детской туберкулезной клиникой
58. Долецкий Станислав Яковлевич, заведующий кафедрой детской хирургии
59. Дорон-Хармац Анна Павловна, к.м.н., ассистент кафедры госпитальной педиатрии
60. Доронина Наталья Степановна, медсестра нервной клиники
61. Дрейер Кира Львовна, к.м.н., доцент кафедры хирургии детского возраста
62. Дымшиц Лев Абрамович, заведующий кафедрой глазных болезней
63. Дьякова Екатерина Кузьминична, акушерка женской консультации №23
64. Дяблова Полина Ефимовна, доцент кафедры фармакологии
65. Евелева Ольга Петровна, медсестра 3-го хирургического отделения
66. Еретнева Анна Георгиевна, заведующая 2-й акушерской клиникой

67. Житников Борис Анатольевич, доцент кафедры госпитальной терапии
68. Жолобов Леонид Кузьмич, к.м.н., ассистент кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии
69. Жукова Нина Александровна, ассистент кафедры биологии
70. Журавлева Мария Васильевна, ассистент кафедры акушерства и гинекологии
71. Зайончковский Валерий Валерьянович, заведующий студенческим медпунктом
72. Зайцева Вероника Филипповна, медсестра отделения функциональной диагностики
73. Зарубаев Владимир Николаевич, преподаватель кафедры военной и экстремальной медицины
74. Зверев Юрий Григорьевич, заведующий кафедрой общей химии
75. Зонненберг Леонид Давидович, старший лаборант кафедры глазных болезней
76. Зотова Людмила Леонидовна, старший преподаватель кафедры латинского языка
77. Зубов Николай Григорьевич, заведующий хозяйством детской поликлиники №23
78. Зыбин Виктор Александрович, главный энергетик
79. Иванов Аркадий Андреевич, доцент кафедры факультетской хирургии
80. Иванов Георгий Тимофеевич, к.м.н., доцент, начальник военной кафедры
81. Иванов Николай Геннадьевич, преподаватель кафедры военной и экстремальной медицины
82. Иванов Роман Семенович, заведующий кафедрой факультетской терапии
83. Иванова Валентина Павловна, учитель школы при ЛПМИ
84. Иванова Екатерина Ивановна, сотрудник отдела питания
85. Иванова Зинаида Тимофеевна, операционная медсестра 1-й хирургической клиники
86. Иванова Клавдия Васильевна, старший преподаватель кафедры патологической физиологии
87. Кагарлицкий Ким Давидович, учитель школы при ЛПМИ
88. Казак Иван Миронович, учитель школы при ЛПМИ
89. Кайсарьянц Галли Абгаровна, д.м.н., профессор кафедры оперативной хирургии, ректор ЛПМИ
90. Калугина Галина Васильевна, ассистент кафедры госпитальной терапии
91. Капутин Владимир Иванович, преподаватель военной кафедры
92. Карпов Виктор Федорович, начальник курса гражданской обороны военной кафедры
93. Карпова Екатерина Иосифовна, старший лаборант клиники факультетской педиатрии
94. Картавова Анна Дмитриевна, заведующая кафедрой госпитальной хирургии
95. Квасная Людмила Григорьевна, ассистент кафедры пропедевтики детских болезней
96. Кедров Алексей Алексеевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии
97. Ключев Иван Александрович, д.м.н., профессор, начальник военной кафедры
98. Коваленко Зинаида Петровна, лаборант кафедры нормальной физиологии
99. Козина Галина Степановна, учитель школы при ЛПМИ
100. Колин Борис Демидович, сотрудник отдела АХЧ
101. Колесникова Юлия Николаевна, лаборант кафедры организации здравоохранения
102. Коломийцева Марта Григорьевна, заведующая кафедрой общей гигиены
103. Комаров Александр Иванович, к.м.н., доцент, начальник военной кафедры
104. Кондратьев Анатолий Петрович, доцент кафедры факультетской хирургии
105. Коняхина Маргарита Андреевна, к.м.н., ассистент кафедры детских инфекций
106. Корчагина Хая Гершовна, медсестра женской консультации №23
107. Коршунова Нина Васильевна, санитарка детской поликлиники №23
108. Космодамианская Людмила Михайловна, лаборант
109. Косякова Лидия Яковлевна, медсестра глазной клиники
110. Кочергина Нина Александровна, медсестра 1-й госпитальной клиники
111. Кривский Юрий Леонидович, профессор кафедры биохимии
112. Кропотов Иван Михайлович, к.и.н., доцент кафедры философии и научного коммунизма
113. Кругликова Варвара Ивановна, заведующая 5-й госпитальной клиникой
114. Круглов А.Т., директор подсобного хозяйства
115. Крутоверцев Александр Игнатьевич, ассистент кафедры госпитальной терапии
116. Кузнецов Дмитрий Николаевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории КПСС и политэкономии
117. Кузьмичева Антонина Трофимовна, д.м.н., профессор, заведующая кафедрой инфекционных заболеваний у детей
118. Куленок Михаил Иванович, доцент кафедры гигиены
119. Курганов Владимир Николаевич, к.ф.н., редактор многотиражной газеты «Советский педиатр»
120. Кутушев Фетях Халимович, д.м.н., профессор, зав. кафедрой общей хирургии
121. Кючарианц Артур Григорьевич, к.м.н., доцент, начальник военной кафедры
122. Лаврентьев Валентин Николаевич, к.м.н., доцент кафедры нормальной анатомии
123. Лапахина Анна Алексеевна, сотрудник кафедры детских инфекций
124. Лапин Александр Афанасьевич, доцент кафедры факультетской хирургии по курсу урологии
125. Левин С.И., заведующий экспериментальной мастерской
126. Леонов Игорь Тихонович, профессор, заведующий кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения
127. Либов Александр Леонидович, ассистент кафедры детских инфекций
128. Логаткин Михаил Никифорович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой общей гигиены
129. Локтаев Александр Ильич, инспектор военно-учетного стола
130. Лукова Людмила Николаевна, ассистент кафедры глазных болезней
131. Максимова Зинаида Артемьевна, заместитель главного врача клинической больницы
132. Максимова Мариам Хусаиновна, главный врач клинической больницы
133. Малышева Валентина Георгиевна, медсестра справочного акушерско-гинекологического отделения
134. Маргорин Евгений Михайлович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии
135. Маркарян Мартирос Карапетович, заведующий кафедрой общей гигиены
136. Маревская Ангелина Петровна, к.м.н., ассистент кафедры нормальной физиологии
137. Маркова Клавдия Павловна, к.м.н., ассистент кафедры оториноларингологии
138. Мелентьева Полина Тимофеевна, акушерка родильного отделения
139. Мелик-Парсаданян Маргарита Соломоновна, ординатор 1-й факультетской клиники
140. Мельник Клавдия Васильевна, главный врач детской поликлиники №23
141. Милушева Зоя Михайловна, врач акушер-гинеколог консультации №23
142. Михайлова Мария Васильевна, лаборант кафедры инфекционных заболеваний у детей
143. Мичурин Алексей Николаевич, инженер по медицинскому оборудованию
144. Мищенко Лидия Алексеевна, медицинский статистик

145. Моисеева Зоя Васильевна, медсестра детской инфекционной клиники
146. Морозов Константин Александрович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней
147. Морозова Валентина Николаевна, лаборант
148. Морозова Вера Сидоровна, главный врач клинической больницы
149. Морозова Любовь Ивановна, сотрудник кафедры оперативной хирургии
150. Мякишев Борис Константинович, доцент кафедры факультетской терапии
151. Неволин-Лопатин Михаил Иванович, к.м.н., ассистент кафедры детской хирургии
152. Неженцева Александра Васильевна, к.м.н., ассистент кафедры патологической анатомии
153. Ненишкис Петр Антонович, врач-дезинфекционист дезкамерного отделения
154. Низовцева Анна Михайловна, повар отдела питания
155. Осипкова Татьяна Алексеевна, заведующая кафедрой рентгенологии и радиологии
156. Павлова Антонина Кирилловна, ассистент кафедры пропедевтики детских болезней
157. Палер Вольф Израилевич, начальник отдела капитального строительства
158. Панов Александр Гаврилович, заведующий кафедрой нервных болезней
159. Панова Нина Тимофеевна, акушерка родильного отделения
160. Панушкин Виктор Семенович, ассистент кафедры детской хирургии
161. Перепадя Евдакия Петровна, медсестра клиники
162. Петров Сергей Акимович, лаборант военной кафедры
163. Петрова Таисия Васильевна, медсестра клиники
164. Петрова Тамара Семеновна, медсестра хирургического кабинета детской поликлиники №23
165. Пильщикова Павел Васильевич, старший инспектор отдела кадров вуза
166. Поставит Вячеслав Андреевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой инфекционных болезней взрослых
167. Придвижкин Иван Григорьевич, сотрудник кафедры кожных болезней
168. Прокофьева Антонина Ивановна, ассистент кафедры глазных болезней
169. Пушилов Максим Григорьевич, д.м.н., доцент кафедры факультетской хирургии
170. Пыхтин Анатолий Илларионович, преподаватель военной кафедры
171. Райков Николай Николаевич, врач-инфекционист инфекционной клиники
172. Райцевич Антонина Ивановна, операционная медсестра глазной клиники
173. Рахлина Ирина Лазаревна, врач детской инфекционной клиники
174. Рахлина Суламифь Григорьевна, ассистент кафедры детского туберкулеза
175. Рачков Иван Михайлович, преподаватель военной кафедры
176. Резник Михаил Борисович, доцент кафедры детских болезней
177. Ртищева Таисия Тимофеевна, заведующая акушерско-гинекологической клиникой
178. Рубина Екатерина Сергеевна, заведующая бактериологической лабораторией
179. Русанов Александр Андреевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии, заслуженный деятель науки РСФСР
180. Рыбаков Вениамин Григорьевич, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма
181. Самохвалов Александр Владимирович, доцент кафедры биохимии
182. Самохвалова Анастасия Семеновна, заведующая ЛОР-отделением
183. Санина Полина Ефимовна, старшая медсестра ЛОР-клиники
184. Сафронова Нина Никифоровна, медсестра детской поликлиники №23
185. Светланова Галина Николаевна, врач центральной клинико-биохимической лаборатории
186. Севбо Николай Семенович, к.м.н., ассистент кафедры нормальной анатомии
187. Седов И.А., помощник заведующего хозяйственной частью
188. Семенова Екатерина Петровна, ректор ЛПМИ, доцент кафедры патологической анатомии
189. Сержантов Василий Филиппович, профессор кафедры марксизма-ленинизма
190. Серяков Георгий Михайлович, старший преподаватель военной кафедры
191. Сизов Аркадий Яковлевич, рабочий
192. Сильченко Клавдия Яковлевна, доцент кафедры госпитальной терапии
193. Скрылев Федор Васильевич, водитель
194. Слонимский Виталий Витальевич, ассистент кафедры акушерства и гинекологии
195. Смирнов Василий Герасимович, начальник военной кафедры
196. Смирнов Николай Михайлович, рабочий общежития №3
197. Солодухин Владимир Леонтьевич, старший инженер общежития №3
198. Спивак Вероника Францевна, сотрудник кафедры госпитальной терапии
199. Срачимели Лариса Владимировна, старший лаборант кафедры оперативной хирургии
200. Суханова Татьяна Кирилловна, медсестра справочного отделения
201. Стоник Арон Яковлевич, врач рентгенолог
202. Талызина С.Я., медсестра хирургического отделения
203. Тарасов Николай Иванович, ассистент кафедры факультетской педиатрии
204. Тарасов Олег Феодосиевич, к.м.н., доцент кафедры детских болезней, проректор по научной работе
205. Тварьянович Базиль Давыдовна, ассистент кафедры факультетской педиатрии
206. Телятьев Игорь Всеволодович, к.м.н., доцент, преподаватель кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения
207. Тиванов Анатолий Арсентьевич, заведующий кафедрой физического воспитания и лечебного контроля
208. Тихвинский Свет Борисович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой детской спортивной медицины и реабилитологии
209. Толстов Павел Васильевич, заведующий физиотерапевтическим отделением
210. Третьяков Георгий Петрович, ассистент кафедры кожных болезней
211. Трухманов Сергей Николаевич, заслуженный врач РСФСР, заведующий детской хирургической клиникой
212. Тулин Михаил Андреевич, доцент, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма
213. Туренко Михаил Андреевич, заведующий лабораторией военной кафедры
214. Туроверова Нина Ипполитовна, заведующая женской консультацией №23, ассистент кафедры организации здравоохранения
215. Урина Раиса Абрамовна, заведующая отделением поликлиники №23
216. Уткова Александра Дмитриевна, лаборант клинико-биохимической лаборатории
217. Файнштейн Борис Яковлевич, к.и.н, ассистент кафедры истории КПСС
218. Фарфель Михаил Леонтьевич, главный врач поликлиники №23
219. Федоткин Дмитрий Васильевич, ассистент кафедры детской хирургии
220. Хитрик Гая Михайловна, заведующая 4-й госпитальной клиникой
221. Ходорова Разалия Самуиловна, врач инфекционной клиники
222. Цветкова Александра Николаевна, лаборант кафедры истории КПСС и политэкономии

223. Цинзерлинг Александр Всеволодович, членкор. РАМН СССР, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии
224. Цирлина Надежда Ильинична, акушерка родильного отделения
225. Черных Ольга Архиповна, процедурная медсестра нервной клиники
226. Чугунова Мария Алексеевна, старший бухгалтер месткома ЛПМИ
227. Чудаков Валентин Георгиевич, заведующий кафедрой патологической анатомии
228. Шагаев Александр Николаевич, заведующий хозяйственной частью
229. Шафира Леонид Эммануилович, к.м.н., доцент кафедры хирургии
230. Шик Яков Львович, заведующий кафедрой рентгенологии и радиологии
231. Шилевская Дора Моисеевна, ассистент кафедры пропедевтики детских болезней
232. Ширшов Николай Васильевич, слесарь-сантехник
233. Шишова Таисия Михеевна, сотрудница кафедры судебной медицины
234. Шкаев Сергей Васильевич, инженер отдела снабжения
235. Шлепков Борис Иванович, к.м.н., ассистент кафедры акушерства и гинекологии
236. Шмелев Иван Михайлович, дворник детской поликлиники №23
237. Шошин Алексей Алексеевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения
238. Шпилея Семен Ефимович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой биологии
239. Штейнлухт Липа Аронович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой кожных и венерических болезней
240. Штурм Виктор Августович, доцент кафедры детской хирургии
241. Шувалов Юрий Николаевич, заведующий кафедрой физики
242. Шуляк Григорий Михайлович, ассистент кафедры госпитальной хирургии
243. Шумилина Ольга Ивановна, лаборант кафедры рентгенологии и радиологии
244. Шутова Нина Тимофеевна, д.м.н., профессор, ректор ЛПМИ, заведующая кафедрой патологической физиологии
245. Щеглова Анна Васильевна, к.м.н., ст. лаборант кафедры пропедевтики детских болезней
246. Щеглова Софья Алексеевна, ассистент кафедры инфекционных болезней взрослых
247. Юдин Михаил Федорович, заведующий кафедрой физики
248. Юдченко Екатерина Алексеевна, диетлаборант отдела питания
249. Юрьев Владимир Анатольевич, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой биохимии
250. Юфит Евгения Михайловна, ассистент кафедры глазных болезней
251. Ющалкина Александра Александровна, медсестра справочного отделения
252. Якимов Сергей Андреевич, преподаватель ЛПМИ
253. Яковлев Авенир Михайлович, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой микробиологии
254. Яковлева Анна Ивановна, ассистент кафедры глазных болезней
255. Яковлева Таисия Степановна, врач детского хирургического отделения
256. Якубсон София Самуиловна, ассистент кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения, заведующая детской консультацией, заведующая музеем ИОММ
257. Януш Нина Васильевна, врач женской консультации №23
258. Янченко Евгения Николаевна, заведующая кафедрой туберкулеза
259. Ячменев Анатолий Иванович, военный руководитель медучилища при ЛПМИ

СПИСОК СОТРУДНИКОВ И СТУДЕНТОВ ЛПМИ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Августинов А.Л., врач хирургической клиники
2. Авербух М.И., юрист
3. Алеев Л., заведующий радиоузлом, погиб на фронте в 1943 г.
4. Андреева С.С., лаборант молочной станции
5. Аркан Д.Р., студент ЛПМИ, ушел на фронт со 2-го курса, погиб в 1942 г.
6. Баранова Л.Ф., врач, выпускница 1941 г., погибла во время бомбежки
7. Баранцевич Ю., студент ЛПМИ
8. Барсукова Л.И., сотрудница кафедры химии
9. Бахтин Б.В., преподаватель кафедры латинского языка
10. Большаков М.И., студент 2-го курса
11. Буланов П.Н., повар
12. Буянская Л.А., регистратор женской консультации
13. Быкова О.П., специалист-гематолог, доцент кафедры факультетской терапии
14. Веский К.В., врач, выпускник 1941 г., погиб при форсировании о. Соммерс
15. Витковский П.Н., пожарный
16. Гартох О.О., заведующий кафедрой микробиологии
17. Гинц В.К., врач, выпускник 1943 г., погиб в бою под Ленинградом
18. Гогольница А., санитарка клиники ЛПМИ
19. Горелкина К.И., врач, выпускница 1941 г.
20. Грингольц В.Б., врач, выпускник 1941 г.
21. Грохотова И.И., столяр
22. Дайховский С.М., врач, выпускник 1942 г., погиб в бою
23. Деева М.Д., медсестра кожной клиники
24. Денежкин А.Г., врач, выпускник 1941 г., погиб на Дороге Жизни
25. Евстафьева П.А., студентка 1-го курса
26. Зарихто И.Л., столяр
27. Золотухин А.С., профессор кафедры анатомии
28. Игнатьев Н.Н., столяр
29. Ипполитова А.Л., санитарка патологоанатомического отделения
30. Исаков Л.Д., ассистент кафедры физики
31. Кадетова З.П., врач, выпускница 1941 г.
32. Казакова С.М., студентка, выпускница 1937 г., погибла в бою в 1942 г.
33. Капкан О.С., студент ЛПМИ, ушел на фронт с 4-го курса, врач партизанского отряда
34. Карпова Е.П., санитарка хирургической клиники
35. Кимстач А.М., студент ЛПМИ, ушел на фронт добровольцем с 3-го курса ЛПМИ, погиб в 1942 г. в бою за Севастополь
36. Козловский А.А., врач хирург-ортопед
37. Комаров И.П., врач, выпускник 1941 г., секретарь комитета ВЛКСМ института, погиб в сентябре 1941 г.

38. Косарев А.И., дворник
39. Кривский Ю.Л., профессор кафедры биохимии, погиб под Сталинградом в 1942 г.
40. Крымский В.А., врач, выпускник 1941 г., подорвался на mine в бою на Ораниенбаумском плацдарме в декабре 1941 г.
41. Куценогая Р.Я., врач, выпускница 1941 г., замучена фашистами под г. Ессентуки
42. Лебедев Я.С., кочегар
43. Левин С.И., заведующий экспериментальной мастерской, погиб на Курской дуге
44. Лейбсон Р.Г., ассистент, замучена фашистами под г. Ессентуки
45. Леонтьев С.М., лаборант кафедры патологической анатомии
46. Леонтьева О.И., санитарка патологоанатомического отделения
47. Локшина Ф.А., ассистент кафедры госпитальной педиатрии
48. Лондон Д.И., студент ЛПМИ, ушел на фронт добровольцем со 2-го курса, погиб в бою
49. Львова Е.М., выпускница 1943 г., погибла во время бомбежки
50. Малахова А.Г., дежурный пожарный главного корпуса
51. Малинин В.С., врач, выпускник 1940 г., расстрелян немцами за отказ сотрудничать в 1944 г.
52. Мандельштам М.Э., врач-гистолог
53. Маханьков С.П., заведующий хозяйством ЛПМИ
54. Мац Н.А., врач, выпускник 1941 г., погиб в 1943 г.
55. Мацкевич А.В., медсестра детской консультации
56. Медовиков П.С., заведующий кафедрой детского туберкулеза
57. Михеева Д.М., санитарка акушерской клиники
58. Мичник З.О., доцент кафедры социальной гигиены, замучена фашистами под г. Ессентуки
59. Мочан В.О., профессор, директор ИОММ
60. Мушенко С.Г., зам. главного бухгалтера
61. Недошивина В., врач, выпускница ЛПМИ
62. Неманова И.П., врач, замучена фашистами под г. Ессентуки
63. Немзер П.М., начальник экспериментальных мастерских
64. Немилов А.А., заведующий кафедрой факультетской хирургии
65. Никольская М.М., санитарка туберкулезной клиники
66. Нособрюхова М.Н., кассир
67. Перешивкина М.И., санитарка факультетской клиники
68. Петушатникова А.Н., санитарка акушерской клиники
69. Плям Э.М., заведующая 1-й факультетской клиникой
70. Савицкая А.В., студентка 1-го курса
71. Сарафаникова Е.И., уборщица 3-го отделения госпиталя
72. Седов И.А., помощник заведующего хозяйством, погиб в бою под станцией Мга
73. Семкевич И.А., старший бухгалтер
74. Серюбин К.С., дежурный пожарный 3-й факультетской клиники
75. Сидоров К.И., врач, выпускник ЛПМИ, председатель месткома института, погиб в бою на Курской дуге
76. Смирнов Н.Н., плотник
77. Смирнова Е.М., санитарка
78. Соколова М.М., санитарка госпитальной клиники
79. Степанова Е.С., пожарный
80. Терентьев И.И., маляр
81. Тиги Р.Р., ассистент кафедры факультетской терапии
82. Титова Ф.Д., санитарка акушерской клиники
83. Тихонов Д.Т., кочегар
84. Траскунов М.Х., портной
85. Тюркина М.Т., буфетчица акушерской клиники
86. Уреев Н.И., маляр
87. Федорова Е.А., сестра-хозяйка нервной клиники
88. Фигурин Н.Л., заведующий экспериментальной педологической клиникой

*Волховский фронт. Партактив 1-й инженерной саперной бригады
(в центре К.П. Маркова, ассистент ЛОР клиники), 1943 год*

89. Хансваров Н.Ш., врач, выпускник 1941 г., погиб на Дороге Жизни	95. Шварц Н.В., заведующий кафедрой детской хирургии
90. Хмелева Н.И., санитарка инфекционной клиники	96. Шейнин А.И., врач, выпускник 1940 г., убит в 1943 г.
91. Чернявский Г.А., электромонтер	97. Шрифцетцер М.И., ассистент кафедры биологии, замучена фашистами под г. Ессентуки
92. Шагаев А.Н., заведующий хозяйством института, погиб в бою под станцией Мга	98. Эфрусси П.О., профессор, замучена фашистами под г. Ессентуки
93. Шалыт С.С., врач-педиатр	99. Яцко Е.Ф., медсестра отделения новорожденных
94. Шапиро А.З., врач, выпускник 1941 г., погиб на Дороге Жизни	

...Вместе с наступающими войсками 1-го Прибалтийского фронта наши госпитали уже с января 1945 года переместились из Литвы в Восточную Пруссию... Именно там, в Восточной Пруссии, поступил в наш госпиталь выпускник нашего института Е.Н. Грушевский, прослуживший всю войну полковым врачом, тяжело раненый в боях под Кёнигсбергом... был он тогда в очень тяжелом состоянии, бледен. Много госпиталей прошел военврач Е.Н. Грушеский, прежде чем в 1947 году инвалидом 2-й группы передвигаясь на двух костылях, сумел он окончить 5 курс института и сдать государственные экзамены...

Из воспоминаний Г.М. Хитрик

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРУШЕВСКИЙ

Родился в 1915 году в д. Крылово Харьковской области, выпускник досрочного выпуска ЛПМИ 1941 года в звании зауряд-врача. Капитан медицинской службы.

С начала войны — старший врач 781-го стрелкового полка 124-й стрелковой Мгинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии в составе 39-й Армии Ленинградского Фронта. В апреле 1945 года во время многочасового непрерывного боя — штурма крепости Кёнигсберг, под сильным обстрелом выносил раненых с поля боя и сам был тяжело ранен.

В полевом подвижном госпитале I Прибалтийского фронта его встретила выпускница ЛПМИ 1938 г., военный хирург Г.М. Хитрик. Об этой встрече она оставила воспоминания: «...Вместе с наступающими войсками 1-го Прибалтийского фронта наши госпитали уже с января 1945 года переместились из Литвы в Восточную Пруссию. Шли тяжелые бои, нашим войскам приходилось прорывать долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, преодолевать упорное сопротивление противника. Именно там, в Восточной Пруссии, поступил в наш госпиталь выпускник нашего института Е.Н. Грушевский, прослуживший всю войну полковым врачом, тяжело раненый в боях под Кёнигсбергом... был он тогда в очень тяжелом состоянии, бледен. Много госпиталей прошел военврач Е.Н. Грушеский, прежде чем в 1947 году инвалидом 2-й группы передвигаясь на двух костылях, сумел он окончить 5 курс института и сдать государственные экзамены...»

Награждён: орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

В 1947 г. прошел специализацию врача-дерматолога в ГИДУВе. В последующем он работал инспектором лечебно-санаторного управления, заведующем яслями №2, врачом-дерматовенерологом в детской поликлинике г. Пушкин. Далее, в течение 25 лет был главным врачом участковой больницы в Киевской области.

На снимке: выпускники нашего института врачи Г. М. Хитрик и Е. М. Грушевский во время последней встречи. Фото А. Бахарева.

*Е.В. Гуецкая и И.Г. Гуецкий говорили:
«здесь мы учились, влюбились, женились,
воевали, работали,
здесь родились наши дети —
это наш Дом».*

ИОСИФ ГЕРШЕВИЧ ГУЕЦКИЙ

Иосиф Гершевич Гуецкий, выпускник 1941 года (досрочный выпуск). Подполковник медицинской службы.

Родился в 1916 году в г. Житомир, в 1937 г. закончил с отличием горный техникум, в 1937 г. поступил в ЛПМИ. Война не дала возможность завершить полный курс обучения. Гуецкий И.Г. после окончания 4 курса, прошел летнюю практику, в августе 1941 г. досрочно получил диплом зауряд-врача. Сразу после получения диплома, 3 сентября 1941 года И.Г. Гуецкий был призван на службу Ленинградским ГВК Ленинградской обл. г. Ленинграда, и в составе 21-го юноши-студента был отправлен на фронт.

В годы Великой Отечественной войны служил командиром 144-й обмывочно-дезинфекционной роты 129-го отдельного пулеметного артиллерийского батальона в составе Ленинградского фронта. Руководил противоэпидемическими мероприятиями в эшелонах на единственном пути Ленинград–Волховстрой–Кобона–Ладожское озеро.

Награжден: орденом Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

После ВОВ И.Г. Гуецкий учился в адъюнктуре в ВМА им. Кирова по специальностям инфекционные болезни и эпидемиология, продолжал службу в Полку связи Ленинградского военного округа, а затем в Санитарно-Эпидемиологическом отделе Ленинградского военного округа вооруженных силах СССР до 30.04.1970 года. После окончания службы в армии (30 апреля 1970 года). И.Г. Гуецкий работал в должности руководителя медицинской лаборатории Главного Ленинградского управления автомобильного транспорта до последнего дня своей жизни 3 января 1982 года.

Супруга Гуецкая (Степанова) Елизавета Владимировна, студентка ЛПМИ блокадных лет (1940–1946 гг.)

Обе дочери (Людмила и Ольга) и одна из внучек, названная Елизаветой, также стали врачами, они бережно хранят память о своих родителях.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУЖИЕНКО

Родился в 1919 году в г. Кривой рог, выпускник 1-го досрочного выпуска ЛПМИ 1941 года, комсомольский активист.

Гвардии подполковник медицинской службы

Младший врач 133-го Гвардейского артиллерийского Ленинградского ордена Александра Невского полка, 63-й Гвардейской стрелковой дивизии в составе Ленинградского фронта. Во время боевых действий оказал квалифицированную помощь более 500-м раненым бойцам и командирам. Был ранен в 1941 году. В последних боях за освобождение Эстонии вынес с поля боя 8 человек, за проявленную отвагу и мужество награжден орденом Красной звезды.

Награды: Орден Красной Звезды (дважды), медаль «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В послевоенные годы он работал в ЛПМИ и преподавателем на кафедре педиатрии им. профессора М.С. Маслова ВМА.

Один из его учеников М.М. Кириллов оставил воспоминания о нем: «...Будучи студентом ВМА я записался в кружок (на кафедре педиатрии). Им руководил кандидат медицинских наук подполковник Георгий Николаевич Гужиенко, спокойный и доброжелательный человек. Он дал мне тему для моих наблюдений, подсказал, какой литературой воспользоваться... он часто говорил о том, что нам предстоит. “Если Ваш коллега в медпункте вечерами сидит дома или ходит в кино, не считайте его хуже себя. Просто он так счастлив... Если Вы пропадаете в библиотеке, или спешите в лабораторию с пробирками, и это делает Вас счастливыми, не считайте себя лучше тех, кто этим не занят. Нужно выбирать хомут по себе. Если хомут тесен, он натрет шею. И его нужно снять. Если хомут слишком велик, с ним намучаешься. Нужно подыскать хомут себе по шее, но уже тогда не жаловаться, а терпеть, поскольку это и есть твое счастье”. Говоря это, он улыбался.

Мудрый был человек и добрый, этот Георгий Николаевич. В сущности, хоть он и не был терапевтом взрослых, он стал моим первым профессиональным учителем. Позже я видел его дважды. Лет через 10 в окне троллейбуса на Литейном проспекте и еще позже в окне электрички в Парголово. Оба раза мы узнали друг друга и успели помахать рукой. Я бы мог тогда сказать ему, что нашел свой хомут, свое трудное счастье».

Если Ваш коллега в медпункте вечерами сидит дома или ходит в кино, не считайте его хуже себя. Просто он так счастлив...

Если Вы пропадаете в библиотеке, или спешите в лабораторию с пробирками, и это делает Вас счастливыми, не считайте себя лучше тех, кто этим не занят. Нужно выбирать хомут по себе.

Если хомут тесен, он натрет шею. И его нужно снять.

Если хомут слишком велик, с ним намучаешься. Нужно подыскать хомут себе по шее, но уже тогда не жаловаться, а терпеть, поскольку это и есть твое счастье.

Г.Н. Гужиенко, выпускник ЛПМИ 1941 года

Годы не стерли боль в сердце, когда мы вспоминаем о наших однокурсниках, погибших в годы войны. Смертью храбрых в борьбе с врагами Родины погиб наш незабываемый Ваня Комаров, секретарь комитета комсомола института. В блокированном городе на своем посту погибла Валя Недошивина, в фашистских застенках замучена Рая Куценогая. Светлая память о них будет вечно жить в наших сердцах.

Г.Н. Гужиенко, выпускник ЛПМИ 1941 года

ШЛЕМА ХАЦКЕЛЕВИЧ ДОНИН

Родился в 1911 году в г. Миргород, выпускник 1-го досрочного выпуска 1941 года. Капитан медицинской службы.

В годы Великой Отечественной войны служил командиром санитарной роты 204-го полка 10-й стрелковой дивизии в составе 23-й армии Ленинградского фронта, затем командиром санитарного взвода 156-го медико-санитарного батальона 142-й стрелковой дивизии. Участвовал в кровопролитных боях в районе Володарки, Стрельны, Петергофа, на Невском пятачке, Синявинских болотах и Карельском перешейке. 9 июля 1944 года во время боя при переправе через Вуоксу с риском для жизни оказывал своевременную медицинскую помощь раненым бойцам и командирам.

Награжден: орденом Отечественной войны II степени, Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

После окончания войны работал врачом в Казахстане. Воспоминания о тяжелых годах войны Ш.Х. Донины были опубликованы в газете «Советский педиатр» от 16 января 1962 г.: «Суровый грозный 1941 год мы распрощались друг с другом. Наши жизненные пути разошлись. У каждого из нас этот путь своеобразен. Любовь к институту, высокое чувство патриотизма привели нас к этой памятной встрече. И вот, через 20 лет мы снова вместе. И где бы мы ни были эти годы, каждый из нас думал о своих товарищах и учителях, об аудиториях, лабораториях, клиниках, в которых мы занимались, о саде институтском с его чудесными деревьями и аллеями. Все это милое, дорогое, родное, близкое сердцу.

В тяжелые годы войны, прижимаясь ко льду Невы, при разрывах вражеских снарядов, пренебрегая опасностями, бегая на вызов в блокированном Ленинграде, испытывая тяготы войны в тылу, везде и всюду мы думали о тебе, институт. Ты, Ленинградский педиатрический, вдохновлял нас, придавал нам силы. Среди нас нет наших любимых учителей М.С. Маслова, К.К. Скробанского, А.А. Заварзина. Нам выпало счастье быть их учениками, и мы ими гордимся.

Годы не стерли боль в сердце, когда мы вспоминаем о наших однокурсниках, погибших в годы войны. Смертью храбрых в борьбе с врагами Родины погиб наш незабываемый Ваня Комаров, секретарь комитета комсомола института. В блокированном городе на своем посту погибла Валя Недошивина, в фашистских застенках замучена Рая Куценогая. Светлая память о них будет вечно жить в наших сердцах».

Комсомольский актив ЛПМИ (2-й ряд 1-й справа И.П. Комаров)

ИВАН ПЕТРОВИЧ КОМАРОВ

Родился в 1917 году в г. Ленинград, в 1937 г. поступил в ЛПМИ, во время учебы возглавлял комитет ВЛКСМ ЛПМИ. 31 августа 1941 г. досрочно получил диплом врача, добровольно ушел на фронт.

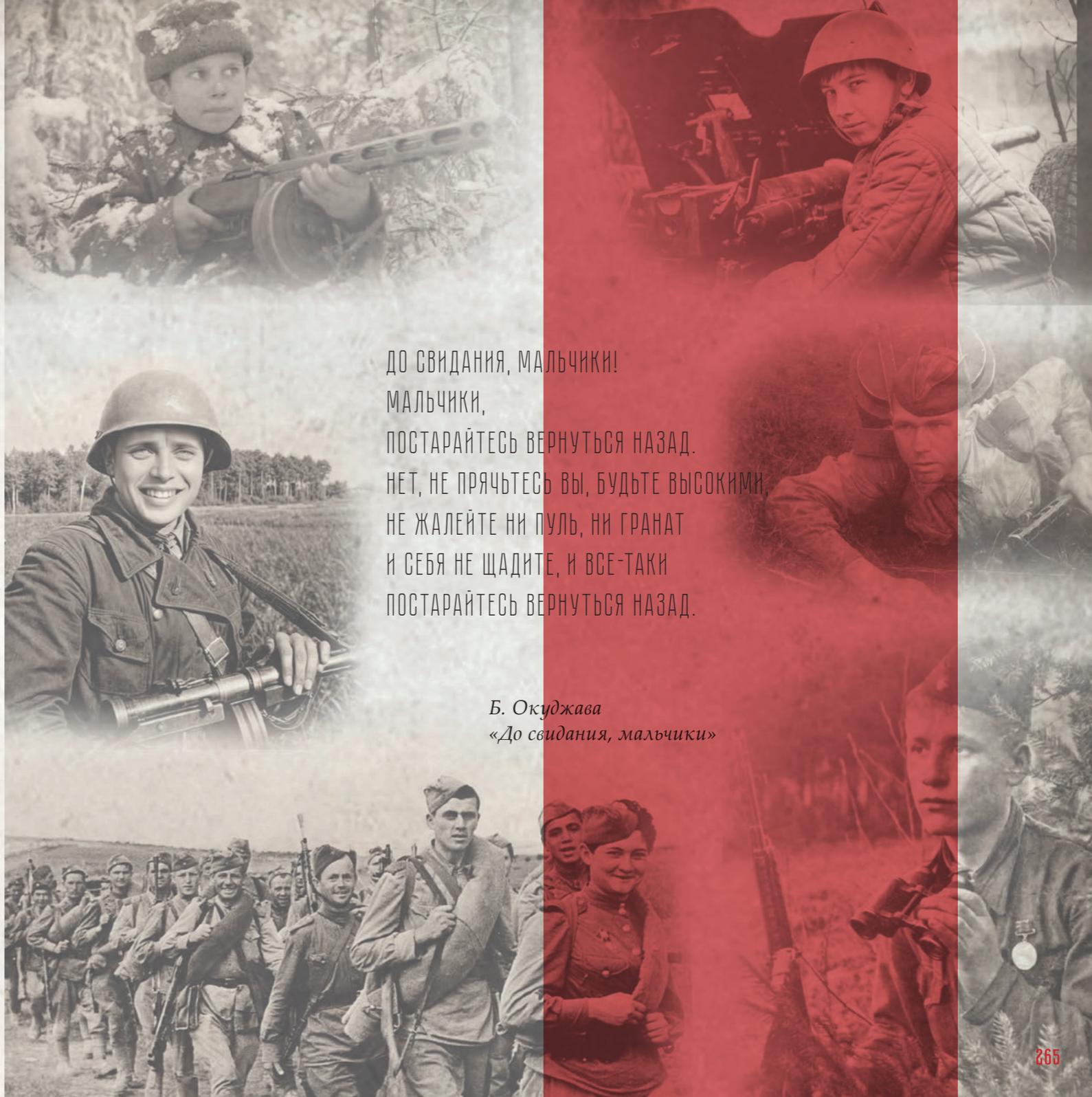
Приступил к работе врача 398-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии в составе Ленинградского фронт. В сентябре 1941 г. в боях под Ропшей получил множественные осколочные ранения, умер от ран в госпитале №1117.

Первым из студентов ЛПМИ погиб в боях за Родину.

СТУДЕНТЫ 1-ГО ДОСРОЧНОГО ВЫПУСКА 1941 Г. (ПРИКАЗ №77 ОТ 31 АВГУСТА 1941 Г.)

1. Алиханов Николай Сергеевич
2. Богуславский Михаил Львович
3. Веский Константин Васильевич
4. Грушевский Евгений Николаевич
5. Гуецкий Иосиф Гершевич
6. Гужиенко Георгий Николаевич
7. Донин Шлема Хацкелевич
8. Жабрев Пётр Николаевич
9. Комаров Иван Петрович
10. Краскин Михаил Самуилович
11. Крымский Владимир Алексеевич
12. Лебедев Владимир Николаевич
13. Муртазин Талгат Мустафич
14. Ольховский Иосиф Лукич
15. Опарин Иван Александрович
16. Соцков Анатолий Дмитриевич
17. Черепанов Сергей Спиридонович
18. Чубаров Валерий Георгиевич
19. Шульман Шеба Шлемович
20. Юсим Абрам Самуилович
21. Яшин Виктор Алексеевич

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ!
МАЛЬЧИКИ,
ПОСТАРАЙТЕСЬ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД.
НЕТ, НЕ ПРЯЧЬТЕСЬ ВЫ, БУДЬТЕ ВЫСОКИМИ,
НЕ ЖАЛЕЙТЕ НИ ПУЛЬ, НИ ГРАНАТ
И СЕБЯ НЕ ЩАДИТЕ, И ВСЕ-ТАКИ
ПОСТАРАЙТЕСЬ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД.

*Б. Окуджава
«До свидания, мальчики»*

Особенно в первые блокадные годы постоянно мучил голод, карточная норма была мизерная. А как-то раз пропали ее карточки в общежитии, случилось и такое. Она бы не выжила, если бы не помогли подруги, тяжелые испытания сплывали людей, справляться с бедой вместе было легче. Как и все студентки педиатрического института, участвовала в оборонных работах, ухаживала за ранеными, сдавала кровь. В 1943 г. получила медаль «За оборону Ленинграда». А в 1945 г. после окончания института получила распределение в глухой район Псковской области — деревню Трутнево Гдовского района.

Из воспоминаний о Н.М. Гуревич

НЕХАМА МОИСЕЕВНА ГУРЕВИЧ

Родилась в городе Ленинграде в 1921 г. В 1939 г. окончила 11 среднюю школу г. Ленинграда, в 1941–1942 годах жила на Литейном проспекте с больной матерью, которая умерла от дистрофии в 1942 году, отец умер еще до войны, осталась совсем одна. Однажды при обстреле бомба попала в дом напротив, их дом так сильно качало взрывной волной, что казалось, попадание было в их дом. Топить комнату было нечем и поэтому она перешла жить в общежитие педиатрического института. Неоднократно сдавала кровь. Так за 1942–43 гг. она сдала 2 литра крови для раненых бойцов. При этом хорошо училась, в свободное от учебы время работала в больнице им. Куйбышева, перевязывала раненых, вместе с однокурсниками рыла траншеи, расчищала город. В 1943 году была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В сентябре 1945 г. окончила ЛПМИ и была распределена в Гдовский р-н Псковской области, где работала врачом общей практики на сельском врачебном участке, с 1958 г. трудилась участковым педиатром в г. Гдове, а с 1966 года в г. Печоры. (ЦГА СПб, архив В.Н. Вербицкой).

Воспоминания о маме

Моя мама — Нехама Моисеевна Гуревич училась в ЛПМИ с 1939 по 1945 г. Как и многие ленинградцы, пережившие суровые годы в блокадном Ленинграде, она почти не рассказывала о них. После того, как от голода умерла ее мама в 1942 году, она оставила большую комнату на Литейном проспекте (топить ее было нечем) и с тех пор жила в общежитии педиатрического института по адресу: ул. Батенина, д. 5. С собой мама взяла лишь одну вещь, которая могла пригодиться ей — тарелку, которая служила ей все годы в общежитии, и мама сохранила ее, как память о своей непростой студенческой жизни. А вот комната в Ленинграде была потеряна, так часто случалось в то суровое время.

Особенно в первые блокадные годы постоянно мучил голод, карточная норма была мизерная. А как-то раз пропали ее карточки в общежитии, случилось и такое. Она бы не выжила, если бы не помогли подруги, тяжелые испытания сплывали людей, справляться с бедой вместе было легче. Как и все студентки педиатрического института, участвовала в оборонных работах, ухаживала за ранеными, сдавала кровь. В 1943 году получила медаль «За оборону Ленинграда». А в 1945 году, после окончания института, получила распределение в глухой район Псковской области — деревню Трутнево Гдовского района. Тяжелые послевоенные испытания продолжались.

Неунывающая Нехاما Моисеевна на работе в Псковской области

Мама работала сельским врачом, лечила всех от мала до велика. Амбулатория была устроена в стареньком доме, здесь же она и жила — в крохотном уголке, отгороженном занавеской. И это были не самые худшие условия, многие оставались жить в землянках, до 1957 г. в тех местах не было электричества. С продуктами было очень тяжело, зарплату практически не платили, начисляли трудодни, люди жили натуральным хозяйством — тем, что выращивали на огородах и собирали в лесу. Маме тоже дали кусок земли, чтобы прокормить себя, а для вызовов выделили лошадь. Юной девушке из Ленинграда нелегко пришлось справляться с бытовыми трудностями, в 1948 и 1951 гг. родились ее дети, а в 1953 г. умер от туберкулеза муж, и все бытовые проблемы пришлось решать самой, но годы, проведенные в блокадном Ленинграде, закалили ее. Работы было очень много, частые ночные вызовы, постоянные приемы в амбулатории. Люди приходили за медицинской помощью и советом в сложной жизненной ситуации. Мама помогла всем, она была хорошим знающим врачом, и люди помогали ей, чем могли. И так совместными усилиями они выжили. Мама проработала там 13 лет до 1958 года, потом она переехала в Гдов, где работала уже по специальности участковым педиатром, а с 1965 года до самой пенсии в г. Печоры.

В память о маме я передал в музей педиатрического Университета ее вещи — диплом об окончании института, медаль «За оборону Ленинграда», стетоскоп, личную печать, ту самую тарелку, с которой мама жила в общежитии, и выпускную фотографию 1945 года.

М.П. Бекетов

МАРГАРИТА ИВАНОВНА ЕНИДОРЦЕВА

Студентка ЛПМИ 1939–1945 гг. Член ВЛКСМ, во время обучения перенесла тяжелую дистрофию, цингу, экссудативный плеврит. Работала на оборонных работах на станции Чолово Ленинградской области, за что получила медаль «За оборону Ленинграда» в 1943 г.

Родилась в 1921 году в г. Алма-Ата, училась в 13-й школе Петроградского района, с 1939–1945 гг. обучалась в ЛПМИ. 1945–1971 гг. работала педиатром в ЭССР г. Виру, в 1971–1978 гг. венерологом в КВД №4 г. Ленинграда.

ЦИЛИЯ СОЛОМОНОВНА ЖУРАВЛЕВА (КРИВОШЧЕЕВА)

Родилась 8 октября 1922 г. в г. Пскове, в 1929 г. семья переехала в Ленинград. Училась в школе №13 Выборгского района. Окончила в 1940 г., в этом же году поступила в ЛПМИ, выпуск 1945 г. Распределена в г. Боровичи. (ЦГА СПб).

В последующие годы работала врачом-дерматологом в кожной клинике ЛПМИ, затем в КДЦ, А. Матросова д. 22.

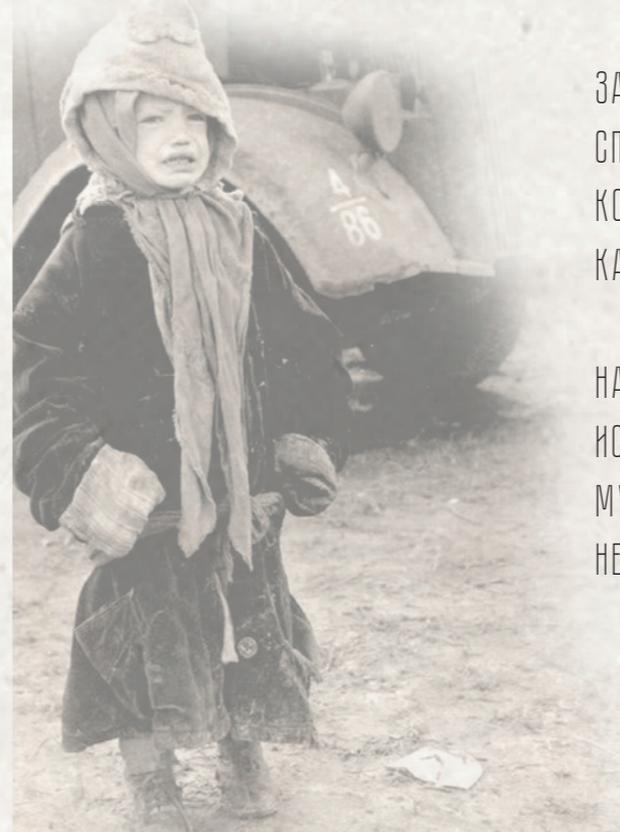
ВСЁ ПЕРЕМЕНИТСЯ ВОКРУГ.
ОТСТРОИТСЯ СТОЛИЦА.
ДЕТЕЙ РАЗБУЖЕННЫХ ИСПУГ
ВОВЕКИ НЕ ПРОСТИТСЯ.

НЕ СМОЖЕТ ПОЗАБЫТЬСЯ СТРАХ,
ИЗБОРОЖДАВШИЙ ЛИЦА.
СТОРИЦЕЙ ДОЛЖЕН БУДЕТ ВРАГ
ЗА ЭТО ПОПЛАТИТЬСЯ.

ЗАПОМНИТСЯ ЕГО ОБСТРЕЛ.
СПОЛНА ЗАЧТЁТСЯ ВРЕМЯ,
КОГДА ОН ДЕЛАЛ, ЧТО ХОТЕЛ,
КАК ИРОД В ВИФЛЕЕМЕ.

НАСТАНЕТ НОВЫЙ, ЛУЧШИЙ ВЕК.
ИСЧЕЗНУТ ОЧЕВИДЦЫ.
МУЧЕНЬЯ МАЛЕНЬКИХ КАЛЕК
НЕ СМОГУТ ПОЗАБЫТЬСЯ...

*Борис Пастернак
«Страшная сказка», 1941 год*

ГИТА МОИСЕЕВНА МЕЙКСИНА (МАНЕВИЧ)

Родилась 1918 году в городе Гомель БССР.

В 1937 году окончила 10 классов школы в г. Ленинграде и в этом же году поступила Ленинградский педиатрический медицинский институт. В 1941 году окончила 4 курса института и по случаю болезни была эвакуирована в Молотовскую область. В 1944 году вернулась из эвакуации и была восстановлена в Институт для окончания обучения на 5 курсе. В 1945 году окончила Ленинградский Педиатрический Медицинский Институт.

Отец — участник ВОВ, после войны работал в Ленинграде, заведующим отделом в Военфлотторге. Брат погиб на войне в 1942 г. Второй брат окончил Ленинградский Финансово-Экономический Институт, посвятил себя науке. Преподавал в Ленинградском Финансово-Экономическом Институте — Санкт-Петербургском Государственном Экономическом Университете, Заслуженный работник высшей школы России, профессор.

Гита Моисеевна после окончания Института, по распределению, была направлена в поселок Харлу Сортовальского района Карело-Финской АССР, работала педиатром. Через три года вернулась в Ленинград, в 1948 году вышла замуж, в этом же году родила первого сына.

Затем вместе с мужем и сыном уехали на 8 лет в город Тюмень, куда мужа послали работать. В Тюмени родился второй сын. Работала участковым педиатром, затем была заведующей детской поликлиникой.

В 1959 году, вслед за новым назначением мужа, семья переехала в Ленинградскую область город Пикалево. Там работала участковым врачом, потом заведовала детской поликлиникой №1. В 1973 году вышла на пенсию, но продолжала работать врачом в детском саду.

1984 году переехала в Ленинград к детям. Ушла из жизни Гита Моисеевна в 1992 году, в возрасте 74 лет. Оба сына получили экономическое образование. Старший — заслуженный экономист Российской Федерации, работает в банке ВТБ. Младший — руководил экономическими направлениями в медицинских и других организациях. Внук, Максим Семенович Мейксин — кандидат экономических наук, государственный служащий, вице-губернатор Санкт-Петербурга (2021–2022), Председатель Санкт-Петербургской избирательной комиссии. Двое правнуков.

Максим Семенович Мейксин

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА НЕЖЕНЦЕВА

Родилась 19 ноября 1918 г. в деревне Средний Двор Вологодской области. Здесь же окончила 7 классов. В 1934 г. Александра Васильевна переехала в Ленинград и поступила в медицинский техникум при больнице им. Карла Маркса. После окончания техникума в 1937 г. она была направлена медсестрой в психиатрическую больницу г. Хутын Новгородской области, где и познакомилась с врачом-психиатром Василием Михайловичем Неженцевым и вышла за него замуж. Молодая семья вернулась в Ленинград и в 1940 г. Александра Васильевна поступила в Ленинградский педиатрический медицинский институт. Началась война, и студентка-медик была мобилизована в сентябре 1941 г., она работала в эвакуо-спитале №990 на набережной Жореса (в последующем Кутузова) в Ленинграде.

Александра Васильевна вспоминала: «В эту тяжелую зиму под обстрелами и бомбежкой приходилось по 5–6 раз в сутки спускаться в бомбоубежище раненых бойцов Ленинградского фронта. Работали по двое суток подряд — медицинских работников не хватало. Не было света, воды, иногда совсем не топили, и мы обогревали бойцов железными “буржуйками”. С Невы носили воду, а в большие морозы — снег, чтобы приготовить пищу раненым». В сентябре 1942 г. студентов-медиков, которые еще оставались в Ленинграде, отпустили заниматься».

В сентябре курс, на котором занималась Александра Васильевна — 24 человека, приступил к занятиям, в блокадном Ленинграде, под обстрелами и бомбежкой. На занятия ходили пешком. Александра Васильевна вместе с супругом Василием Михайловичем Неженцевым жила в психиатрической больнице (ныне больница им. Скворцова-Степановна), где он работал врачом-психиатром. Долгий путь в ЛПМИ или базовую больницу им. Куйбышева прерывался во время сильных артиллерийских обстрелов, приходилось прятаться в бомбоубежищах или подъездах домов. Лекции и практические занятия вели преимущественно профессора, оставшиеся в блокадном Ленинграде.

Семейные врачебные традиции продолжили дети и внуки А.В. Неженцевой. Сын Александры Васильевны — Михаил Васильевич Неженцев с красным дипломом окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт, прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой фармакологии; был деканом курса, деканом института, проректором по научной работе, ректором Санкт-Петербургской педиатрической медицинской академии. Традиции врачебной семьи уже в пятом поколении продолжили внуки — Сергей, Елена и Василий.

Михаил Васильевич Неженцев

СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ 1945 Г. (ПРОТОКОЛ №15 ОТ 6 АВГУСТА 1945 Г.)

1. Арсакова Варвара Васильевна
2. Гитман-Драбкина Рива Гиршевна
3. Градова Мария Григорьевна
4. Громцева Ольга Александровна
5. Гуревич Нехама Моисеевна
6. Дадиомова Песя Моисеевна
7. Дворникова-Полякова Людмила Евгеньевна
8. Дымская Вера Тимофеевна
9. Енидорцева Маргарита Ивановна
10. Ефимова Антонина Матвеевна
11. Журавлева-Кривошеева Цилия Соломоновна
12. Зеленая Лия Григорьевна
13. Иосифова Зинаида Андреевна
14. Иоффе София Соломоновна
15. Кавун Любовь Викторовна
16. Каданер Геня Липовна
17. Карпова Лидия Александровна
18. Кац Яков Тимофеевич
19. Клятышева Ольга Сергеевна
20. Койбина Кира Владимировна
21. Корец Надежда Григорьевна
22. Лахина Алла Иннокентьевна
23. Лейтгольд Тамара Яковлевна
24. Люстигман Ева Давыдовна
25. Макарова Клавдия Ивановна
26. Мамина Хадича Абубекаревна
27. Маневич Гита Моисеевна
28. Матвеева Вера Ивановна
29. Муравьева Лена Сергеевна
30. Мякентко-Пушина Мира Михайловна
31. Науменко Раиса Михайловна
32. Неженцева-Кошелева Александра Васильевна
33. Нестерова-Смирнова Мария Ивановна
34. Оглоблина Екатерина Даниловна
35. Покальнис Ядвига Казимировна
36. Раева Тамара Алексеевна
37. Романенко (Круглова) София Ивановна
38. Сергеева Нина Александровна
39. Синай Ханна Шмеровна
40. Стрелкова Нина Ивановна
41. Тарасова Анна Николаевна
42. Тряпицына Вера Степановна
43. Фрейман Юдифь Михайловна
44. Хросцицкая Мария Яковлевна
45. Чернявский Кусиэль Григорьевич
46. Черняк Рахиль Борисовна
47. Шаляпина Анна Михайловна
48. Энтина Зинаида Иосифовна
49. Яковлева (Рольщикова) Мария Яковлевна

В НАС ЕСТЬ СУРОВАЯ СВОБОДА:
НА СЛЕЗЫ ОБРЕКАЯ МАТЬ,
БЕССМЕРТЬЕ СВОЕГО НАРОДА
СВОЕЮ СМЕРТЬЮ ПОКУПАТЬ.

К. Симонов
«Слава», 1942 г.

Дети — это будущее народа.
Отстоять ребенка — это значит отстоять
частицу будущего нашей родной страны

СЛЕВА НАПРАВО: ГАЛЯ ПУРМАН, НИНА МИХИНА,
ГЫЦОВА ЛЮСЯ И ДРУГИЕ ДЕТИ, 1943 Г.

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Выступая на активе работников здравоохранения Ленинграда в мае 1942 г. А.Ф. Тур говорил, что впервые месяцы войны многие педиатры готовы были переключиться на работы в области терапии и хирургии, неверно считая, будто в военное время педиатрия потеряла свою ценность. «Бойцы, приходящие с фронта или уходящие на фронт, прежде всего думают о своей семье, о своём ребёнке... И это воспоминание является тем огоньком, который подогревает их на совершение героических поступков. Может ли быть более ответственная и почётная работа, чем сохранение здоровья семей бойцов, ушедших на фронт, в частности детей, а если они и заболеют, то быстрое излечение. Может ли быть более почётная работа, чем женщине-матери, потерявшей мужа на фронте, сохранить жизнь и здоровье ребёнка!»

Менделева Ю.А., ректор ЛПМИ

«Перед нашим Институтом встал вопрос о проведении мероприятий по охране тех детских контингентов, которые оставались в Ленинграде. Мне стало совершенно ясно, что мы не должны выезжать из Ленинграда, раз детское население в какой-то части будет оставаться в городе.

Специально был подготовлен персонал к тому, чтобы при сигнале тревоги он мог в минимально короткое время спустить детей бомбоубежище. Мы достигли того, что в течение 2–3 минут это приводилось в исполнение. В наш Институт попало 26 снарядов, но жертв не было. При обстреле, как только первый снаряд попал вблизи нашей территории, мы немедленно принимали меры к охране детей.

С ноября 1941 начались холода, трудно и опасно было переносить детей сверху вниз. Решено было почти все детские клиники перевести в бомбоубежище. С ноября 1941 г. по май 1942 г. мы прожили в бомбоубежищах, там же помещены были и недоношенные дети. В бомбоубежищах

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКОЙ ПОЩАДЫ ГИТЛЕРОВСКИМ ИЗВЕРГАМ!

Вот искалеченные дети фронтовиков

От шестилетнему Адику Потрову осколок снаряда раздробил бедро.

Люся Гыцова была засыпана обломками дома, разрушенного вражеской бомбой.

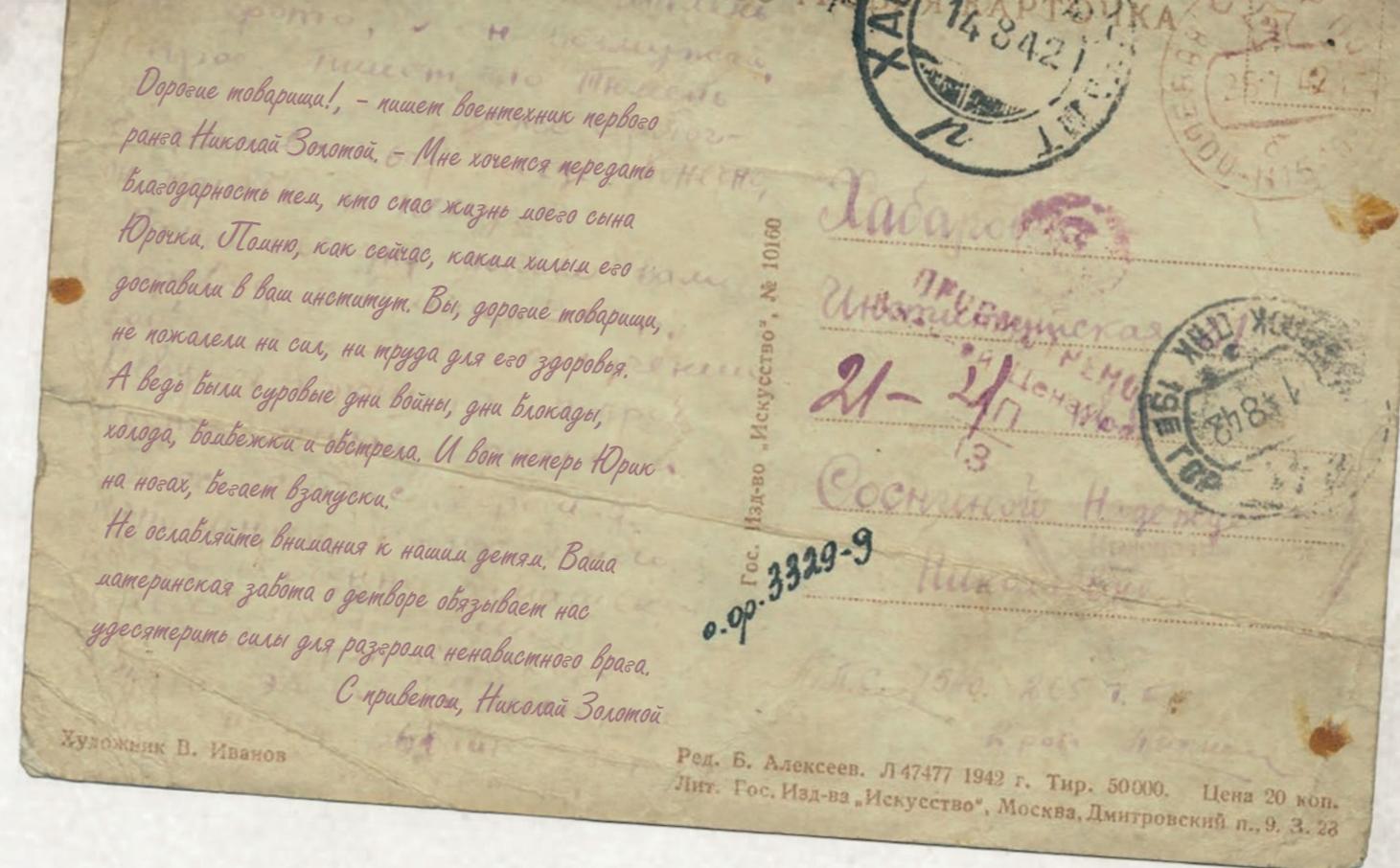
Шестилетняя Нина Михица осколками вражеского снаряда ранена в плечо.

ТАСС

7

Агитплакат ЛенТАСС. Люся Гыцова была обнаружена под завалами разрушенного здания на Выборгской стороне. Находилась на излечении в клинике ЛПМИ в течение 1943 года

было организовано полное обслуживание детей вплоть до оперативного вмешательства. В то время количество коек у нас сократилось (500–600 вместо 1200). Во время передышек от бомбежек и обстрелов детей выносили на воздух, где они оставались часами. Для этой цели имелись специальные детские корзинки и меховые шубки. Все усилия прикладывались к тому, чтобы сохранить детские жизни и здоровье. В бомбоубежищах проводились и занятия со студентами.

Художник В. Иванов

Ред. Б. Алексеев. Л47477 1942 г. Тир. 50000. Цена 20 коп.
Лит. Гос. Изд-ва „Искусство“, Москва, Дмитровский п., 9. З. 28

Из материалов выступления директора ЛПМИ Ю.А. Менделевой на радио 15.10.42
«...На личиках не осталось и следа лишений. Посмотрите на Юру Золотого. Он бежит взапуски по блестящему паркету, этот краснощекий бутуз. Он очень похож на папу моряка-балтийца».

Особо интересовал нас вопрос питания маленьких детей. При нашем Институте был организован Совет детского питания. Я возглавляла его. И отдел питания, и молочно-пищевая станция Института, несмотря на огромные трудности, работали бесперебойно. В результате большой опытной работы была разработана система, позволяющая приспособливаться к меняющемуся ассортименту и переходить от одной рецептуры к другой при сохранении состава и калорийности смесей. В дни блокады Молочная кухня ежедневно обслуживала 7–8 тысяч детей, отпуская до 13 000 порций ежедневно. Масштаб работы станции по сравнению с довоенным временем увеличился в 12–15 раз и несмотря на это дети полностью и вовремя удовлетворялись питанием.

Особо бережное отношение было проявлено к беременным женщинам, которых госпитализировали задолго до родов. Это имело очень существенное значение для здоровья, как матери,

Шабалов Николай Павлович (1939–2023 гг.)

В период блокады с тяжелой пневмонией лечился в госпитальной клинике А.Ф. Тура. Всю войну был в блокадном Ленинграде.

В 1962 г. окончил ЛПМИ, с которым связана вся трудовая деятельность. Профессор кафедры госпитальной педиатрии (1978–85 гг.), проректор по международным связям (1984–1991 гг.), с 1985 г. заведующий кафедрой педиатрии ФПК и ПП. С 1993 г. одновременно заведовал кафедрой и клиникой детских болезней Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Главный внештатный специалист-педиатр Министерства обороны РФ (1994–2014 гг.)

так и будущего ребенка. Многие из матерей, разрешившихся в Институте, выражали благодарность за уход и обслуживание.

Создавая благоприятные условия для детей, мы, тем самым, били по фашизму. Детей, находившихся у нас, мы не допускали до дистрофии; наши дети дистрофии не знали. Мы имели больничное питание, имели витамины круглый год — овощи. Систематически дети выводились в парк, как только наступало затишье между обстрелами и воздушными тревогами.

С детьми проводили занятия гимнастикой в бомбоубежище. Весной 1942 года Вера Инбер видела наших детей и написала статью «Победитель», в которой отметила хорошее состояние детей и новорожденных.

К нам часто поступали тяжелые дистрофии. Их выхаживали, они выписывались из клиники вполне здоровыми детьми.

Несмотря на то, что коллектив наш в большинстве находился почти в состоянии дистрофии, сотрудники проявляли максимум внимания и любви к детям и всячески старались скрасить им жизнь. Имелось необходимое количество игрушек. Детями руководили воспитательницы и педагоги, так как в Институте занятия по школьной программе с больными детьми не прекращались. Никаких панических настроений не было.

Для детей устраивались елки. Помню, в 1943 году, несмотря на обстрелы, мы все же решили устроить елку. К этому времени дети уже находились в бомбоубежище, а потому

Игры на улице у здания ЛПМИ, 1945 год

организация елки прошла по отделениям. Детям были розданы подарки, они много веселились, что подняло настроение и окружающих.

Сотрудники Института систематически производили обход квартир и нередко находили брошенных ребят. Был случай, когда обнаружили ребенка (5–6 лет) одного в квартире, в крайне тяжелом состоянии. Его поместили в специальное отделение Института (возглавляемое доц.

Фомина Татьяна Витальевна
(1942 г.р.)

В возрасте четырех месяцев Таня Фомина поступила с тяжелой дистрофией и диспепсией в Педиатрический институт. В течение двух лет Таня находилась во 2 госпитальной клинике ЛПМИ, её бабушка устроилась санитаркой и ухаживала за ней и другими детьми. Татьяна Витальевна считает педиатрический институт «родным домом», в котором медики спасли её жизнь. В последующем она окончила фельдшерское училище, и вся её жизнь была связана с медициной. У неё большая и дружная семья. Татьяна Витальевна является почетной гостьей Музея Педиатрического университета.

Татьяна Витальевна с дочерью
и внуком в Музее СПбГПМУ

Сотрудники госпитальной клиники.
2-я слева сидит М.Я. Иванова — бабушка Тани Фоминой

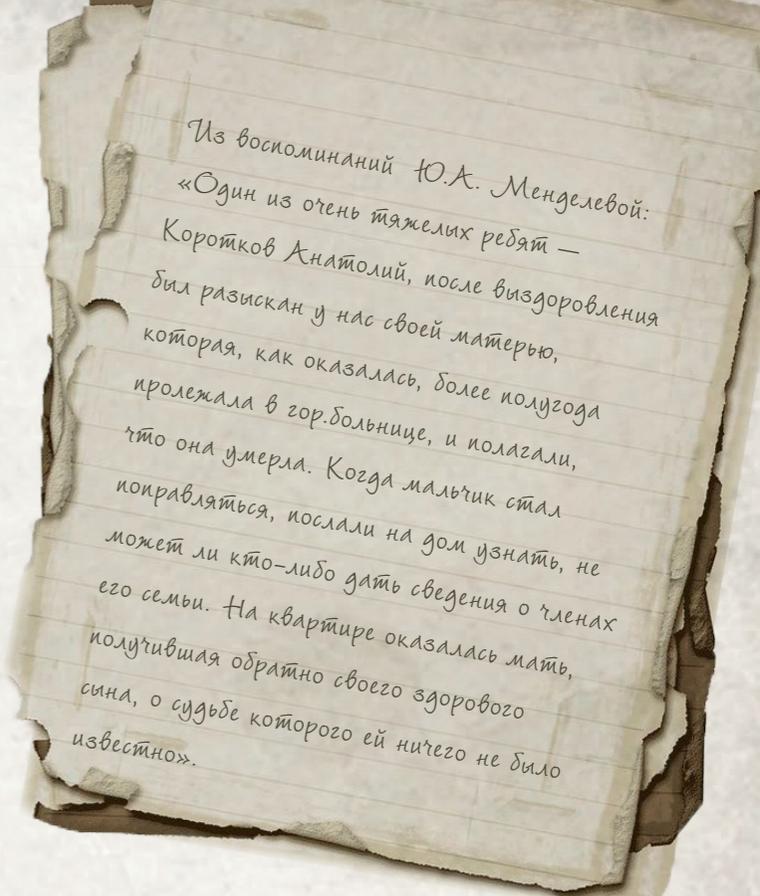
Э.И. Раутенштейн) для тяжелых дистрофиков. Туда поступали дети в крайне тяжелом истощении, почти скелеты. Многие из них ни на что не реагировали. Одни с жадностью набрасывались на еду, других надо было принуждать к тому, чтобы они кушали.

Переливание крови, вливание глюкозы, питательные клизмы, особенно выработанные диеты — всё это применялось к этим детям в целях сохранения жизни. С тоской в глазах лежали эти детишки, не проявляя никакого интереса к окружающему. И все же их удавалось возвращать к жизни, что, конечно, сильно воодушевляло наших работников. Дети оживали, начинали чувствовать интерес к тому, что происходило вокруг. Для ребят, по мере того как восстанавливались силы их и здоровье, устраивались концерты самодеятельности, в которых нередко сами они охотно принимали участие.

Наши работники брали шефство над тем или иным тяжелым ребенком, проявляя материнскую ласку и обеспечивая индивидуальный уход за ним за ним, это, а также рациональное питание, применение новейших методов лечения приводило к самым благоприятным результатам».

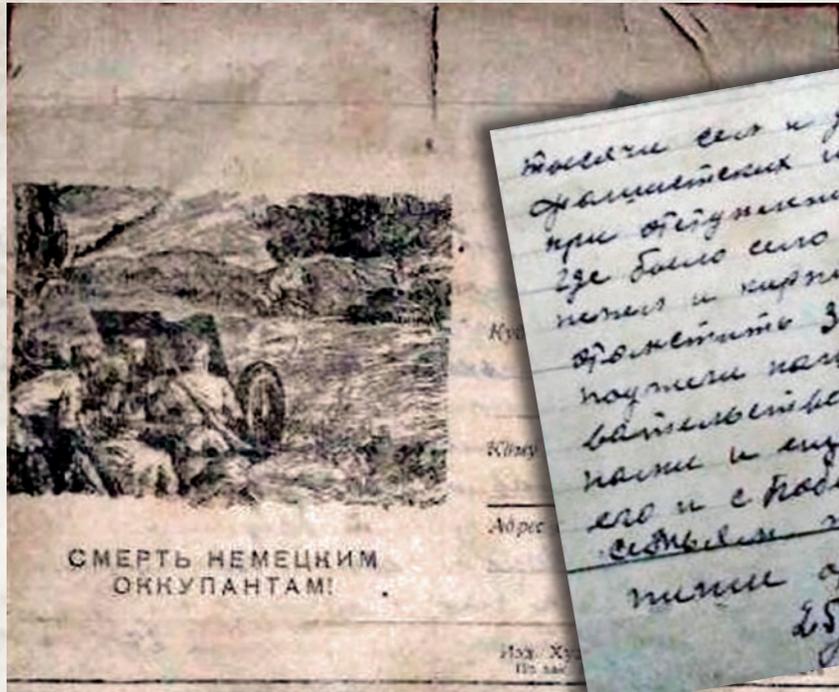
И.В. Шарлай, врач инфекционной клиники ЛПМИ

«...Во время бомбежек детей спускали в подвал, в котором в мирное время находилась только кочегарка и проходили водопроводные трубы, потолок был очень низким, ходить приходилось согнутыми. Детей с разными

Из воспоминаний Ю.А. Менделевой:
«Один из очень тяжелых ребят — Коротков Анатолий, после выздоровления был разыскан у нас своей матерью, которая, как оказалась, более полугода пролежала в гор.больнице, и полагали, что она умерла. Когда мальчик стал поправляться, послали на дом узнать, не может ли кто-либо дать сведения о членах его семьи. На квартире оказалась мать, получившая обратно своего здорового сына, о судьбе которого ей ничего не было известно».

Письмо с фронта от командира Иткина, в котором он благодарит за свою дочь Наденьку, он пишет, что обещает еще крепче бить немецкую сволочь, что такая забота о семьях фронтовиков воодушевляет на еще больший подъем для борьбы с врагом. В конце письма он прибавляет:
«Дорогие товарищи, за вашу заботу мы вас отблагодарим разгромом ненавистного врага».
(Из воспоминаний Ю.А. Менделевой)

Письмо с фронта от бойца Васильева, п/н 22222-К, в котором он благодарит за свою дочь Аню. Эта девочка в короткий срок восстановила свое здоровье, и отец, приехав с фронта, едва мог узнать ее. (Из воспоминаний Ю.А. Менделевой)

инфекциями помещали в разные концы этого подвала и «внутриподвальных заражений» ни разу не наблюдалось.

Так как в подвале было холодно, сыро и очень душно, то детей не оставляли там надолго и после отмены тревоги уносили обратно в палаты. Воздушные тревоги были часто, и детей уносить в подвал и приносить обратно в отделения приходилось по несколько раз в день.

Связь с центральной кухней, аптекой и другими клиниками института была через улицу, питание возили на тележке, и персоналу часто приходилось останавливаться под мостами во время воздушных тревог.

...6 марта 1942 г. в 12 часов дня из 1-й инфекционной клиники был выписан ребенок 10 месяцев. Мать несла своего сына Гришу Анашкина к трамвайной остановке (угол Лесного проспекта и Батениной ул.). Неожиданно начался артиллерийский обстрел. Осколки ложились широкой

Письмо от жены летчика Антотнюк.
 «У меня есть сын Антотнюк Олег, 13 лет, который находился на излечении в нервной клинике педиатрического института с детским параличом. В марте 1944 г. у него внезапно парализовалась левая ножка. Меня направили на консультацию в педиатрический институт к невропатологу К д-ру Келлер, которая в тот же день приняла его в свое отделение. Благодаря ее умелому лечению и чуткому отношению моему сыну возвратилась возможность ходить. Приношу сердечную благодарность д-ру Келлер, старшей медицинской сестре Ксении Степановне Логиновой и всему обслуживающему персоналу за их чуткость, понимание и материнское отношение к детям фронтовиков».

Гр-ка Машинистова пишет:
 «Я мать больного ребенка Зины Машинистовой, которая лежала на излечении у вас во 2 госпитальной клинике. Я привезла ее из яслей с Лыбего Носа совершенно умирающей и не думала, что такая слабая девочка выживет. И вот сегодня 8 января 1943 года я беру ее домой совершенно здоровую и не могу без благодарности уехать домой. И вот благодарности за то, что так хорошо поправилась моя дочь». (Из воспоминаний Ю.А. Менделевой)

Галля Зуева

«Когда Галю Зуеву принесли в клинику Педиатрического института, на нее было больно смотреть. «Убийца, что наделал проклятый!» В эти слова Ольга Александровна (няня), кажется, хотела вложить всю ненависть свою к убийце, что пригнал свои орды людоедов к стенам нашего города. И вот начался бой. Ребенок не мог переложить опухших ног. Няня перекладывала их. Девочка не могла повернуться. Няня поворачивала ее. Галя не могла согреться. Няня днем и ночью ставила ей грелки. Так прошли четыре долгих месяца. Любовь, забота о ребенке победили смерть. Вместе с врачами эту победу завоевала и няня. Ольга Александровна не любит слово «жалость». «Нехорошее это слово, — говорит она. — Не жалеть надо, а любить. Любовь ставит ребенка на ноги». Вот такая безграничная любовь поставила на ноги и Галю Зуеву.

Из материалов выступления
директора ЛПМИ Ю.А. Менделевой
на радио 15.10.42 г.
Очерк «Няня»

полосой вдоль тротуара. Мать с ребенком на руках заметалась, ища укрытия. Осколок снаряда попал ей в живот. Санитарка заметила из окна, что мать лежит, и в луже крови ползает живой ребенок. Под артиллерийским огнем побежала она по улице и убедившись, что мать умерла, унесла ребенка в клинику.

Гриша Анашкин жил в клинике, и несмотря на голод, холод и бомбежки, общий сын сотрудников рос и развивался нормально. Через несколько месяцев его разыскали и увезли домой родственники...»

Несмотря на все тяготы войны, дети всегда были окружены вниманием и заботой. Маленьких пациентов обязательно держали на руках и ласкали, «психический паек» входил в комплекс лечения.

«Ленинградская правда» 1942 г. № 213. Борис Рейн
Лёню Комарова принесли сюда к прошлой году. Ему было всего несколько дней, и он оказался очень слабым. Теперь няни «Дома грудного ребенка» говорят про Лёню: «Настоящий донской казак». «Донской казак», как видно, чувствует себя прекрасно и не жалуется на жизнь. В данный момент он очень серьезен — деловито возится с чем-то на площадке манежа.

Антифашистский митинг
представителей народов
Закавказья

Александр Нейштадт

«...Во время блокады Ленинграда я довольно долго был пациентом Ленинградского педиатрического института. Зима 1941–42 годов.

У меня дистрофия третьей степени и дизентерия. Моя двоюродная тетья по отцу, Певзнер Анна Эммануиловна, была заведующей туберкулезной клиники института. И вот к ней в клинику меня на саночках отвезли мама и бабушка. Я был уже почти неподвижен. Здание клиники было необитаемо. Все помещалось только в подвале. Он был оборудован дополнительными опорами, и окна были защиты деревянными щитами и засыпаны песком.

Я был плотно лежачий и, пока не стал поправляться, воспринимал и запомнил мир как-то туманно. Осколки сыпались от наших зенитных снарядов во время отражения авиационных налетов. Однажды, когда я уже мог гулять, осколок попал мне в плечо, но только порезал пальто. Он был горячий, потом долго хранился у меня.

В институте была великолепная библиотека, пластилин для лепки и такие же живые мальчишки и девчонки на соседних койках. Мы читали, лепили, строили модели кораблей.

Клинику курировал Александр Федорович Тур. Он имел потрясающий подход к детям и воспринимался нами как дорогой добрый гость. Бывали в институте парадные дни, когда его посещали Алигер, Инбер, Вишневский, а возможно, и еще кто-то. Не исключено, что институт помогал им продуктами, во всяком случае, голода в институте не было».

Воспоминания А. Нейштадта,
написанные в 2004 г., о том как он
10-летним лечился в клинике ЛПМИ

Няня Т.

О двенадцатилетней Ане Т. кратко записано в истории болезни: «Принесли на носилках. Кожа восковая. Гемоглобин — 18 процентов». Это было в апреле. А в июне, когда мать пришла навестить дочку, «безнадежно больная» выбежала в коридор с радостным криком. Мать не верила своим глазам. Она бросилась к врачу, упала на колени. Ее насилу успокоили.

«Ленинградская правда»
1942 г.
№ 213. Борис Рейн

«...Вот сейчас улыбается Саша Савельев, он смеется, он по-настоящему здоров. Трудно поверить, что мальчик перенес двустороннее воспаление легких, коклюш и цингу... И всем хочется ответить Ольга Александровна (няня):
«Не беспокойтесь, мы вместе с вами удережем детей»».

Из материалов выступления,
Ю.А. Менделевой на радио
15.10.42 г. Очерк «Няня»
директора ЛПМИ

Зоя Рыжикова

«...В августе 1941 года я поступила во II факультетскую клинику с тяжелым сердечным заболеванием.

В продолжении этих 4 лет, несмотря на мое сердечное тяжелое заболевание, я училась в нашей клинической школе. Я не пропустила ни одного учебного года. Поступив в клинику из 5 класса, в настоящее время занимаюсь в 9 классе. Учиться мне легко потому, что все учителя приходят ко мне для занятий, выбирая время, когда я себя хорошо чувствую. Учителя со мною всегда ласковы, приветливы и не скупы на объяснения. Я всегда очень хорошо снабжена учебниками и школьными пособиями. За эти годы я перечитала очень много произведений наших русских классиков и другой художественной литературы.

За все 4 года моего пребывания в клинике, от моих любимых и ставших мне родными людей я не имела ни одной обиды, ни одного огорчения.

Узнав о юбилее нашего института, я решила написать в газету о том, как я жила, росла, лечилась и училась в этих дорогих для меня стенах.

Выстояли, выжили!»

**Рыжикова Зоя, ученица 9 класса.
«Советский педиатр»
1945 г. №1. Голос юного пациента**

Лидочка Граммачевская

Часы послеобеденного сна на исходе, Лидочка Граммачевская, толстенькая черноволосая малютка, начинает барахтаться в кровати. Протирает кулачками большие черные глаза. И вот она уже на руках у воспитательницы болтает и воздухе пухлыми ножками.

«Ленинградская правда» 1942 г.
№ 213. Борис Рейн

Тутушкины Саша (5 лет) и Андрюша (2 года)

Саша и Андрюша Тутушкины

«Было около 7 часов вечера. Объявили воздушную тревогу. И вдруг взрыв перед самыми нашими окнами, мы провалились с нашего второго этажа. Нас откопали и развезли по больницам: маму — в глазную на Моховую, а нас с братом Адиком с множественными ранами головы — в Педиатрический институт.

Парадокс, но я считаю, что этот налет стал для нас спасением. В больнице не только лечили, но и... кормили.

Однажды во время очередной воздушной тревоги мы с одним мальчиком постарше под шумок рванули домой. Увидев меня, мама заплакала — ей нечем было меня накормить. Она постригла мне ногти и повела обратно в больницу. Там мы с Адиком пробыли до лета... Помню грандиозный салют в честь полного снятия блокады в январе 1944. Мы с ребятами с нашего двора через чердак забрались на крышу и оттуда наблюдали невиданное ранее зрелище, вселявшее веру в скорую победу над «фрицами»... Весной 1945 — Победа! Ликующие лица ленинградцев.

Выстояли, выжили!»

Воспоминания Тутушкина Александра Гавриловича о лечении с младшим братом в Педиатрическом институте в 1943 г.

ПЕДИАТРИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

В мрачный период Великой отечественной войны, когда уверенные в своей непобедимости фашисты быстро продвигались вперед, когда их полчища, вооруженные первоклассной техникой, подходили к Москве и разделили наши центры: Москву и Ленинград, началась блокада города Ленина. Ленинград был замкнут в кольцо блокады: с юга ему угрожала дальнобойная артиллерия нацистов, с севера — озверелые фашистские сателлиты-финны; город ежедневно подвергался планомерной бомбардировке с воздуха. Везде — и дома, и на работе, и на улице — угрожала опасность, но ленинградские педиатры, несмотря на все лишения, на холод, недостаток питания, не только не пали духом, не только стойко защищали свой родной город, но продолжали вести научную работу в этих тяжелых ненормальных условиях жизни. Они верили в силы нашей родины, верили в то, что они будут освобождены от клещей ненавистного врага.

И этот момент наступил... — разгром немецкой армии под Ленинградом («Известия» от 28.I.1944).

Редакция получила список научных работ по педиатрии, выполненных в Ленинграде во время войны (с 1.VII.1941 по 1.IV.1944). В этот список вошло 125 работ по различным отделам педиатрии...

Пусть этот номер «Педиатрии» останется историческим памятником самоотверженной работы детских врачей Ленинграда на пользу детей этого многострадального города, стремления педиатров к научной работе, которого не могли заглушить никакие внешние условия.

Честь и слава героическим врачам-педиатрам города Ленина!

Г. Н. СПЕР...

С. В. ГЕЦ...

686
949

Таня Бихтер

Моя дочь, Татьяна Бихтер, 1939 г.р. находится в туберкулезной клинике при вашем институте. Она доставлена к вам серьезно больная, изголодавшаяся, с крайне угнетенной психикой. Ваш режим, внимание, питание и воспитание сделали с ней чудеса. Она значительно поправилась, сыта и жизнерадостна.

Я приношу большую сердечную благодарность директору Педиатрического института, профессору Менделевой, Юлии Ароновне; заведующей отделением Тубклиники Певзнер, Анне Эммануиловне; врачам: Бибиковой, Цецилии Львовне; Адельберг, Софье Борисовне; старшей сестре Рухман, Риме Николаевне и всему медперсоналу Тубклиники.

С.Г. Бихтер

Из воспоминаний Ю.А. Менделевой:
«...Среди наших ребят много отличников;
... В туберкулезной клинике Толя
Похламок также перешел круглым отличником
в 7 класс. Большинство детей занимается с
большой охотой и интересом».

Позвольте и мне, дедушке Танюши присоединить свою благодарности матери.
Заслуженный деятель искусств,
профессор М. Бихтер
29.12.43

29 XII 43

Научно-популярное издание

Иванов Дмитрий Олегович, **Микиртичан** Галина Львовна, **Савина** Ирина Александровна,
Ляхов Иван Дмитриевич, **Петренко** Юрий Валентинович, **Ляхова** Виктория Алексеевна,
Бердникова Наталья Александровна, **Ветрова** Вероника Игоревна, **Витов** Дмитрий Евгеньевич,
Победимова Инга Андреевна, **Титова** Лика Александровна

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛК ПЕДИАТРОВ.
НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ ВОЙНЕ ВОПРЕКИ**

*Под редакцией профессора Иванова Дмитрия Олеговича
и профессора Микиртичан Галины Львовны*

ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России
Выпускающий редактор Л.А. Титова
Дизайн, верстка Л.А. Титова, И.А. Победимова

Подписано в печать 25.03.2025.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Serif. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37. Тираж 2000 экз.
Заказ 184.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография «24 линия» (ИП Сорокин С.А.)
Адрес: 199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 24-я линия, д.1

ISBN 978-5-907993-08-2

9 785907 993082

Педиатрический институт в годы войны был центральным учреждением, которое определяло методологию помощи детям. Неслучайно, великий учитель, академик Александр Федорович Тур был назначен главным педиатром блокадного города. Конечно, мы уже не знаем многих людей, которые жили в блокадном городе, но не исчезает память о них, живет дело их жизни. Отдельная благодарность и память всем врачам, санитарам, медсестрам вуза, которые ни на день не останавливали свою работу и не только лечили детей, но и продолжали учить будущих врачей. В подвалах читали лекции, защищали диссертации.

Мы должны быть достойны их подвига!

Дмитрий Олегович Иванов
ректор Педиатрического
университета